

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-Й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ОКТЯБРЬ

10

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	Стр.
В. Адоратский. О значении работ Ленина для философии	3
А. Дубнер. Бакинский пролетариат в борьбе за власть (1918—1920 гг.)	19
А. Алексеева. Социально-экономические предпосылки «экономизма» .	46

ВОСПОМИНАНИЯ

В. Смирнов. К истории большевистской печати в Финляндии (1917—1918 гг.)	64
М. Васильев-Южин. Октябрьская забастовка и студенчество	86

МАТЕРИАЛЫ

Протоколы 3-й Московской областной конференции РСДРП (б) 1917 года. Подготовлены к печати К. Касаткиным	94
---	----

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ВКП(б) И ЛЕНИНИЗМА

В. Адоратский. О задачах историко-партийного Института Красной профессуры при Институте Ленина	135
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: С. Рубан. От социал-центризма к социал-фашизму. (По поводу книги Л. О. Фроссара «От Жореса к Ленину»)	142
По журналам: М. Иванов. «Летопись Революции» за 1929 г., №№ 1, 2, 3, 4 и 5—6 . .	152
Рецензии: С. Рабинович. Из истории Московской рабочей Красной гвардии. Материалы и документы, собранные Г. Костомаровым и В. Малаховским,—Г. П. Записки секции по изучению проблем войны при Комкадемии. Том I,—А. Манфред. В. Мюнценберг, С. Либкнехт и Лениным. 15 лет в пролетарском юношеском движении	157
Новые книги	167

ХРОНИКА

В Институте Ленина: С. Афонин. О работе секции юндвижения	170
Работа местных истпартов и отделений единого партархива; Е. Попова. О работе отделений единого партархива в 1929/30 гг.—Е. П. В Нижневолжском краевом отделении единого партархива	172

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-Й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

О К Т Я Б Р Ъ

10 (105)

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Отпечатано в типографии Госиздата
«Красный пролетарий», Москва,
Краснопролетарская, д. 16,
в количестве 3250 экз.,
Главлит № А—85195
Гиз П—10 № 43900
Заказ № 1807

11 п. л.

☆

О ЗНАЧЕНИИ РАБОТ ЛЕНИНА ДЛЯ ФИЛОСОФИИ

Сознательное применение диалектики—этого более высокого, более совершенного метода мышления по сравнению с метафизическим, возведение диалектики в принцип мышления (как это сделано было Гегелем), явилось результатом развития немецкой философии в конце XVIII—начале XIX века, несомненно, в связи с Великой французской революцией. Связь такого яркого проявления революционного характера буржуазного общества с диалектическим сознанием не случайна. В эту именно эпоху с характерной для нее начавшейся неустойчивостью всех отношений, когда старинные, веками существовавшие учреждения, старая система общественного строя с ее понятиями, верованиями, складом мышления подверглась быстрой ломке,—именно в эту эпоху и должна была создаться и созреть теория всеобщего движения.

Маркс неоднократно указывал на революционную основу капиталистических отношений, на невиданно быстрый темп общественного развития при капитализме по сравнению с предшествовавшими эпохами, как на характерные отличительные особенности буржуазного общества.

«Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса, как окончательную. Поэтому ее технический базис революционный, между тем у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен»¹.

Быстрота развития технической основы производства при капитализме оказывает определенное влияние и на все общественные отношения. Об этом прекрасно говорится в «Коммунистическом манифесте». «Буржуазное общество не может существовать, не революционизируя постоянно «орудий производства, а следовательно производственных отношений, а следовательно, и всех отношений. Напротив, непрерывное сохранение старого способа производства было первым условием существования всех прежних промышленных классов. Постоянный переворот в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех предыдущих».

Гегель, в философии своей отразивший революционную эпоху, дает в своих произведениях сознательно примененный диалектический метод,

¹ Маркс, «Капитал», т. I, гл. XIII.

который у него еще облечен однако в мистическую форму. Диалектика Гегеля была идеалистической. В этой непоследовательности и в ряде других недостатков гегелевской философии выразилась ограниченность, проявился общественный характер тех кругов, идеологическим выражением которых была эта философия.

Все же, несмотря на свои недостатки, диалектический метод немецкой философии был громадным приобретением. «Именно в том и состояло истинное значение и революционный характер гегелевской философии,—говорит Энгельс,—что она раз навсегда показала, как нелепо приписывать вечное и неизменное значение каким бы то ни было результатам человеческого мышления и действия... Диалектическая философия разлагает все представления об окончательной, безусловной истине и соответствующих ей абсолютных отношений людей совершенно так же, как буржуазия посредством крупной промышленности, конкуренции и всемирного рынка разлагает все старые, веками освященные учреждения»¹...

Как известно, диалектический метод,—этот лучший плод немецкой философии,—был поднят на высшую ступень вождями и теоретиками пролетариата—Марксом и Энгельсом, освободившими, спасшими гегелевскую диалектику от ее непоследовательности, от ее слабости, от идеализма.

Буржуазия была в свое время революционным классом, но, ведя борьбу против феодальной эксплуатации, против феодальных классовых отношений, она стремилась сохранить и упрочить эксплуатацию буржуазную. Установивши свое классовое господство, буржуазия всеми силами старалась укрепить новую форму рабства—наемного рабства, явившегося на смену рабства феодального.

Иное дело пролетариат. Он является самым революционным классом, потому что в борьбе своей против традиций старого, против отношений эксплуататорского общества, он идет до конца, до полной отмены всякой эксплуатации, всякого угнетения. Пролетариат ставит своей задачей полное уничтожение классов и создание бесклассового общества. Осуществляет он эту задачу путем классовой борьбы. Пролетариат мобилизует такие массы, развивает такие могучие силы, перед которыми ничто не может устоять. Для своей работы и борьбы пролетариат не может нуждаться ни в каких иллюзиях. Наоборот, величайшая трезвость и ясность теоретического сознания являются непременным условием успешного развития его борьбы. Поэтому диалектический материализм, наносящий окончательный, смертельный удар всякой поповщине, всяким формам идеализма, и является философией пролетариата.

Диалектический материализм—это есть современный самый последовательный материализм. Его характерной отличительной чертой является наибольшая конкретность, наибольшая партийность, наибольшая забота о практическом проведении в жизнь классовых задач пролетариата. Диалектический материализм вырабатывает прочное убеждение, что теоретик

¹ Энгельс, «Л. Фейербах».

сможет обогатить действительным содержанием свою работу только при том условии, если он безоговорочно и последовательно встанет на службу пролетарской революции.

Маркс и Энгельс—основоположники научного коммунизма, первые вожди и теоретики современного пролетариата—во всех своих произведениях, во всей своей деятельности были неизменно последовательны и верны материалистической диалектике. В их произведениях гениально отразилась диалектика назревающей революции, в которой пролетариат должен завоевать коммунизм. Дальнейший ход борьбы подтверждал теоретические положения Маркса и Энгельса, их основанное на глубоком изучении предмета научное предвидение—о природе пролетариата, о его классовой борьбе и исторических задачах, о диктатуре пролетариата и переходном периоде, о природе прочих классов современного общества и отношениях к ним пролетариата и т. д. То обстоятельство, что произведения Маркса и Энгельса являются наиболее ценными образцами материалистической диалектики, делает особенно важным изучение марксизма по подлинным произведениям Маркса и Энгельса.

Новая эпоха мировой истории, открытая победой пролетариата, установлением его диктатуры в нашей стране, находит свое выражение в теоретической области, в области философии, в дальнейших успехах и победах диалектического материализма. Лучшим теоретическим представителем и выразителем этой эпохи является Ленин, его произведения, его деятельность. Для всей науки, в том числе и для философии, произведения Ленина представляют исключительное значение, которое все еще в очень малой мере оценено и использовано. Ленин—продолжатель дела Маркса—в новой исторической обстановке подвинул вперед теорию марксизма и в области философии, и в области политической экономии, и в области социализма, т. е. в области всех трех «составных частей» научного коммунизма.

Для того, чтобы сделать хотя бы беглый обзор всего сделанного Лениным, необходим ряд статей, даже ряд книг. Достаточно указать хотя бы на то, что в области одной лишь политической экономии самостоятельная работа Ленина выразилась в исчерпывающем теоретическом освещении таких обширных и сложных вопросов, как вопрос о капитализме в России, аграрный вопрос, вопросы экономики империализма и экономики переходного периода.

Как много сделано Лениным для социализма, станет ясно, если отдать себе отчет в том, что он явился вождем и теоретиком пролетариата, создателем его партии (так как она складывалась под его непосредственным руководством),—партии, сыгравшей и играющей такую выдающуюся, руководящую роль в социалистической революции, в организации пролетарской диктатуры, в социалистическом строительстве.

Мы здесь ограничимся беглым обзором работы Ленина в области философии. В одной статье невозможно, конечно, дать сколько-нибудь полное освещение даже и одной этой стороны его работы. Поэтому здесь

мы отметим только несколько существенных моментов и отметим некоторые указания Ленина, в каком направлении надо вести работу изучения материалистической диалектики, как продолжать дело Маркса и Энгельса в этой области и как бороться за материализм.

В том, что сделал Ленин для философии, важно отметить следующие четыре момента:

1. Применение материалистической диалектики к вопросам теории познания и указание на то, в каком направлении должна идти разработка диалектики.

2. Применение материалистической диалектики к вопросам естествознания, в частности к вопросам современной физики, и указание на то, как помогать работе специалистов в области естествознания.

3. Глубокое освещение теории исторического материализма и дальнейшее ее развитие, применение ее к историческим явлениям новой эпохи.

4. Материалистическая диалектика в политике и тактике. Особое внимание необходимо обратить на глубочайшее теоретическое содержание этой стороны деятельности Ленина.

На каждом из этих пунктов следует вкратце остановиться.

В сжатом виде взгляды Ленина на сущность материалистической диалектики изложены им в его заметке «К вопросу о диалектике»¹. Здесь итог, сводка многолетнего продолжительного изучения вопроса. Вот в чем Ленин видит существо вопроса. «Диалектика, пишет он, и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах». Дальше Ленин отмечает, что основная *беда* метафизического материализма—это «его неумение применить диалектику к «теории отражений», к процессу и развитию познания». Для Ленина логика, диалектика и теория познания—это одно и то же. Вопросы теории познания можно разрешить лишь сознательным применением диалектики к процессу и развитию познания. Так же, как и Маркс, Ленин считал, что Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину общих форм диалектического движения. Но в то же время Ленин (как и Маркс) ни на минуту не забывает об идеализме Гегеля, отмечает мистифицированный характер гегелевской логики. «Нельзя применять ее в данном виде, нельзя брать как данное,—говорит Ленин.—Из нее надо *выбрать* логические, гносеологические оттенки, очистить от мистики идей; это еще большая работа»².

Неоднократно отмечая повторяющуюся у Гегеля чрезвычайно глубокую мысль о совпадении логического и исторического, Ленин делает заметки по этому поводу в ряде мест своих конспектов гегелевских произведений. Логика—это «итог, сумма, вывод истории познания мира»³. Диалектика Гегеля—это «обобщение *истории* мысли». «Чрезвычайно благодар-

¹ Ленинский сборник XII, стр. 323—326.

² Ленинский сборник XII, стр. 205.

³ Ленинский сборник IX, стр. 41.

ной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее *на истории отдельных наук*. В логике история мысли *должна* в общем и целом совпадать с законами мышления»¹. Законы мышления, понятия людей отражают в сознании людей сквозь призму общественных отношений всю человеческую практику. «Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры *могли* получить значение аксиом»². «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения»³.

Маркс и Ленин, стоя на почве диалектического материализма, считают, что человеческое мышление развивается исторически на основе производственной деятельности общества. «История есть процесс,—говорит Ленин.—От субъективной идеи человек идет к объективной истине *через практику* (и технику)»⁴.

Таков именно путь образования понятий человека, развития его мышления. Невозможно понять до конца законов мышления, невозможно создать действительную науку о познании и мышлении, не изучая основательнейшим образом *историю* происхождения и развития мышления в связи с историей развития производительного труда. Маркс в «Капитале» говорит: «Технология раскрывает активное отношение к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а следовательно и общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлений. Даже всякая история религии, абстрагирующая от этого материального базиса не критична». Изучение логических категорий, законов логики и диалектики ни в коем случае не должно составлять исключения в этом отношении. Нельзя упрощать дела, нельзя забывать о крайней сложности процесса мышления и о сложной, непростой связи между мышлением и внешним миром. Определяющую роль в этом деле играют общественные производственные отношения, накладывающие свою печать на все мышление. И самое отражение в сознании—весьма сложный акт. «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеал в *фантазию* (в последнем счете=бога). Ибо в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) *есть* известный кусочек фантазии»⁵.

¹ Ленинский сборник XII, стр. 291.

² Ленинский сборник IX, стр. 219.

³ Там же, стр. 267.

⁴ Там же, стр. 297.

⁵ Ленинский сборник XII, стр. 339.

В деле изучения этих сложных вопросов прочной, твердой опорой, гарантией от опасности идеалистических ошибок должна быть материалистическая диалектика, понимаемая и применяемая так, как понимали и применяли ее Маркс и Ленин. Ставя своей задачей материалистическое изучение истории человеческого мышления и развития на основе такого изучения теории познания диалектического материализма, Ленин дает целый обширный план работы в этом направлении:

«История философии,—пишет Ленин,—следовательно: история отдельных наук; история умственного развития ребенка; история умственного развития животных; история развития языка + психология + физиология органов чувств,—вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика»¹. Продолжение дела Гегеля и Маркса Ленин видел «в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники».

В направлении, указанном Лениным, сделано еще чрезвычайно мало. Подвинуть эту работу быстрее вперед—такова ближайшая задача в области философии марксизма, в области разработки теории диалектики.

Необходимо иметь в виду две опасности, преодоление которых необходимо для того, чтобы отстоять материалистическую диалектику. С одной стороны, опасность недооценки теории, непонимание законности и необходимости обобщений, необходимости изучения законов диалектики. Такой теоретический нигилизм приводит неизбежно к эмпиризму, к механическому материализму, а в конечном счете к эклектизму и идеализму и вообще к подчинению буржуазной идеологии. С другой стороны, представляется другая опасность очутиться во власти абстракции, потерять связь с конкретной действительностью, ограничиться диалектикой понятий (хотя бы она обладала марксистской внешностью),—словом, опасность сбиться на путь идеализма, забыть о требовании материализма идти от вещей к ощущениям и понятиям, а не от понятий к вещам.

Изучение гегелевской диалектики надо вести, опираясь на Маркса и Ленина. Не Гегель, а Маркс находится в центре внимания Ленина, когда он рекомендует в письме 1922 г. в ред. «Под знаменем марксизма», «опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятию диалектику Гегеля... разрабатывать эту диалектику со всех сторон». Ошибочно поэтому в изучении диалектики центральной фигурой делать Гегеля, а не Маркса и Ленина, поднявших диалектику на новые ступени.

* * *

Второй крупнейшей философской заслугой Ленина является постановка и разрешение им вопросов теории познания в связи с новейшими теориями в современной физике, т. е. применение диалектического материализма к изучению природы. Не будучи специалистом физиком, но превосходно владея диалектическим материализмом, Ленин разобрал все важнейшие теории представителей современной физики и показал в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм», что вся теоретическая путаница у

¹ Ленинский сборник, XII, стр. 315.

современных физиков происходит от незнания ими диалектического материализма, если не считать, конечно, добавляет Ленин, тех «очень важных житейских соображений», которые заставляют буржуазных профессоров обычно отрекаться от материализма.

Ленин показал, что новейшие открытия физики блестяще подтверждают диалектический материализм. Если научное исследование открыло, что атомы, считавшиеся, согласно старым взглядам, последними, основными неделимыми частицами материи, разлагаются на гораздо более мелкие составные части—электроны, и как бы исчезают, то отсюда никак нельзя делать вывода, что с исчезновением атома исчезает и материя вообще, что наше познание вообще бессильно, что познать действительный мир нам не дано. Ленин указал на то, что новые открытия, ведущие к отказу от старых научных теорий, ведут к углублению нашего познания материи (т. е. объективной реальности, существующей вне нашего познания), и таким образом подтверждают силу и глубину нашего познания.

«Материя исчезает», говорит Ленин,—это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые считались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо единственное «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания. Ошибка махизма и махистской новой физики состоит в том, что игнорируется эта основа философского материализма и различие материализма метафизического от материализма диалектического. Признание каких-либо неизменных элементов, «неизменной сущности вещей» и т. п. не есть материализм, а есть *метафизический*, т. е. антидиалектический материализм. Поэтому И. Дицген подчеркивал, что «объект науки бесконечен», что неизмеримым, непознаваемым до конца, неисчерпаемым является не только бесконечное, но и «самый маленький атом», ибо «природа во всех своих частях без начала и без конца» («Мелкие философские произведения»). Поэтому Энгельс приводил свой пример с открытием ализарина в каменноугольном дегте и критиковал *механический* материализм. Чтобы поставить вопрос с единственно правильной, т. е. диалектически-материалистической точки зрения, надо спросить: существуют ли электроны, эфир и *так далее*—вне человеческого сознания, как объективная реальность или нет? На этот вопрос естествоиспытатели тоже без колебания должны будут ответить и отвечают постоянно *да*, как они без колебаний признают существование природы до человека и до органической материи. И этим решается вопрос в пользу материализма, ибо понятие материи, как мы уже говорили, не означает гносеологически *ничего иного*, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им»¹.

¹ Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 213—214.

Разбирая теории естествоиспытателей, Ленин их критиковал как материалист-диалектик, давая точные указания, в чем состоят их ошибки, как эти ошибки надо исправлять, по каким линиям, в чем состоят отступления их от материализма благодаря незнанию диалектики.

«Все старые истины физики, вплоть до считавшихся бесспорными и незыблемыми, оказываются относительными,—*значит*, никакой объективной истины, не зависящей от человечества, быть не может. Так рассуждает не только весь махизм, но весь «физический» идеализм вообще. Что из суммы относительных истин в их развитии складывается абсолютная истина, что относительные истины представляют из себя относительно верные отражения независимого от человечества объекта, что эти отражения становятся все более верными, что в каждой научной истине, несмотря на ее относительность, есть элемент абсолютной истины,—все эти положения, само собой разумеющиеся для всякого, кто думал над «Анти-Дюрингом» Энгельса, представляют из себя книгу за семью печатами для «современной» теории познания»¹.

Такова точка зрения диалектического материализма, последовательно проводимая Лениным. Его книга «Материализм и эмпириокритицизм», написанная более двадцати лет тому назад, и в настоящее время несколько не потеряла самого злободневного значения, потому что в области естествознания продолжается революция. Научная работа приводит все к новым открытиям и разобратся во всем огромном материале новых фактов и теорий невозможно, не овладев методом диалектического материализма.

В своем письме в редакцию журнала «Под знаменем марксизма» Ленин усиленно подчеркивал задачу марксистов помочь современным естествоиспытателям найти «в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды».

* * *

По вопросам исторического материализма в произведениях Ленина имеется богатейшее содержание. И в этой области он поднял марксистскую теорию на новую ступень. Дать исчерпывающее описание того, что сделано здесь Лениным, конечно, в одной статье невозможно. Отметим только несколько особо важных моментов.

Прежде всего необходимо особо подчеркнуть основную отличительную черту всех произведений Ленина, посвященных вопросам общества и дающих материалистическую теорию общества—это последовательность его материализма, полную свободу от какой-либо даже тени отступлений от материализма в общественных вопросах (как в теории, так и на практике). И в этой области Ленин в своих произведениях стоит неизмеримо выше всех крупнейших марксистских теоретиков эпохи II Интернационала.

¹ Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 253.

Наиболее выдающиеся из них, напр. Плеханов, не свободны от остатков буржуазных влияний (напр. в вопросах о классах и классовой борьбе, о государстве, о революции и т. д.). В произведениях Ленина, как и в произведениях Маркса мы встречаем непревзойденные образцы материалистического разрешения общественных вопросов, последовательный материализм в понимании истории и в исторической деятельности.

Особенно ярко это сказывается в центральном вопросе, в вопросе о классах и о классовой борьбе. Чрезвычайно важное значение Ленин придавал учению *об общественных формациях*, справедливо видя в нем одну из основ исторической теории Маркса. Не общая «социология», а изучение особых законов, свойственных каждой особой общественной формации,—такую цель ставит марксизм.

В своих заметках на «Экономику переходного периода» Бухарина Ленин критикует автора как раз именно за «социалистическую схоластику», за абстрактность «общих» теорий «вообще», «à la Спенсер»¹, и, можно добавить, «à la Богданов».

Излагая суть марксистской теории классовой борьбы, Ленин на первый план выдвинул как особую ее заслугу то, что она выработала «понятие *общественно-экономической формации*». «Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт—способ добывания средств к жизни», говорит Ленин, теория классовой борьбы Маркса поставила в связь с этим фактом те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений («производственных отношений» по терминологии Маркса) указала ту *основу общества*, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли.

И дальше Ленин подчеркивает, что необходимо изучать именно своеобразную закономерность каждой формации. Сам Маркс, изучая закономерность капитализма, своей задачей вовсе не ставил давать «историко-философскую теорию общего хода экономического развития» (письмо в редакцию «Отечественных записок»). «Каждая такая система производственных отношений,—говорит Ленин,—является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму—превращения в другой социальный организм»².

Как особую заслугу и отличительную черту ленинского понимания исторического материализма необходимо отметить подчеркивание им всей глубины понимания и проведения объективизма марксизмом в противоположность профессорскому апологетическому объективизму. Ленин, конечно, включает в объективный процесс активность классовой борьбы. Как истинный марксист, он в полной мере учитывает значение исторической деятельности масс революционного класса—пролетариата и руководимых им масс трудящихся.

¹ Ленинский сборник, XI, стр. 348.

² Ленин, Сочинения, т. I, стр. 296—297.

«Мои идеалы построения новой России,—писал Ленин в 1912 г. в статье «О политической линии»,—будут нехимеричны лишь тогда, когда они выражают интересы действительно существующего класса, которого условия жизни заставляют действовать в определенном направлении. Становясь на эту точку зрения объективизма классовой борьбы, я несколько не оправдываю действительности, а, напротив, указываю в *самой* этой действительности самые глубокие (хотя бы и невидные с первого взгляда) источники и силы ее преобразования»¹.

Почти двумя десятилетиями раньше этого Ленин выражал то же самое, подчеркивая, что диалектический материализм последовательнее буржуазного объективизма, «глубже, полнее проводит свой объективизм». Материалист-диалектик «не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость... Материалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исторических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключаящих возможность выхода вне выступления самих рабочих. С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»².

Здесь, как и во всей своей политической и литературной деятельности, Ленин сочетает теорию и практику, подходит к вопросам не абстрактно «вообще», а ставит и разрешает их конкретно.

Понимая, что дух и суть теории марксизма состоит не просто в повторении того, что было сделано в области теории Марксом, а в применении марксистского метода к новым вопросам изменяющейся конкретной действительности, Ленин указывал на эту именно задачу и в начале своей деятельности и оставался верен этому материалистическому методу до конца. Не догматическое усвоение теории Маркса, а живое применение всего добытого Марксом теоретического богатства к современной классовой борьбе пролетариата—вот чему учил и что всегда проводил на практике Ленин.

И в произведениях его получила теоретическое освещение новая эпоха империализма, пролетарской революции и переходного периода во всей ее конкретности, сложности, во всем своеобразии.

Ленин применил марксистский метод к изучению особенностей русской истории и дал теоретическое объяснение особенностей русского капитализма, развивающейся на этой основе классовой борьбы, русской революции, являющейся составной частью мировой революции, социалистической в силу того, что империалистическая стадия капитализма означает его полную зрелость для социалистической революции.

¹ Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 143—144.

² Ленин, Сочинения, т. I, стр. 288.

«Диалектика истории именно такова,—писал Ленин в сентябре 1917 года,—что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму. Империалистская война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание,—никакое восстание не создает социализма, если он не созрел экономически, а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»¹.

Глубокое понимание исторической теории Маркса, его учения об общественно-экономических формациях, о классовой борьбе и революции и применение этой теории к изучению эпохи империализма и пролетарской революции, разработка учения о государстве и диктатуре пролетариата, о переходном периоде, о классовой борьбе в эту эпоху, учения о партии и ее роли как до завоевания власти, так и при диктатуре пролетариата, учения о строительстве социализма—вот в общих чертах содержание того огромного теоретического вклада, которое Ленин внес в сокровищницу исторического материализма.

В произведениях Ленина получил освещение весь гигантский исторический опыт революционной эпохи.

Изучение всего теоретического содержания произведений Ленина в этих областях, научное исследование современности в направлениях, указанных Лениным, его методом, популяризация ленинских теорий по всем указанным вопросам—вот задачи, стоящие перед коммунистами. Нельзя не признать, что в этой области научными работниками сделано пока еще очень, очень мало.

* * *

Делая обзор работ Ленина с точки зрения их значения для теории диалектического материализма, необходимо отметить еще одну огромную область применения им материалистической диалектики—область практического руководства борьбой пролетариата за коммунизм. Здесь с особой выпуклостью видны основные характерные черты ленинской материалистической диалектики. Без изучения всего глубокого теоретического содержания этой области работы Ленина невозможна разработка теории материалистической диалектики.

Вся деятельность Ленина, вся его работа была направлена к одной центральной, важнейшей задаче—к задаче руководства массовой борьбой пролетариата за коммунизм. Эта практическая сторона работы Ленина чрезвычайно важна. Только при условии связи с действительным

¹ Грозная катастрофа и как с ней бороться, Сочинения, т. XXI, стр. 187.

движением масс марксизм является настоящим революционным марксизмом. Ленин неоднократно говорит о необходимости неразрывной связи с массами.

«Революционера-марксиста,—писал Ленин в 1918 г. в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский»,—отличает от обывателя и мещанина умение проповедывать темным массам необходимость назревающей революции, доказывать ее неизбежность, разъяснять ее пользу для народа, готовить к ней пролетариат и все трудящиеся и эксплуатируемые массы»¹. И Ленин, как и Маркс, умел это делать, ни капли не принижая глубины теоретического содержания. Работая в ряде областей науки (в том числе и в области философии), Ленин находился на высоте современного развития науки и в то же время нес добытые научным исследованием результаты на службу пролетарской революции. И при этом он умел осуществлять эту связь с массами, сочетая ее с наивысшей активностью, с последовательно проводимой партийностью, с наибольшей конкретностью, помогая массам подняться на высшие ступени.

Плеханов правильно учил тому положению, что «нет абстрактной истины,—истина конкретна». Но повторяя это правильное положение, он не умел провести его на деле, осуществить его в своей деятельности. Для Ленина же характерно, что во всех своих произведениях, во всей практической деятельности он был всегда конкретен, и поэтому у него мы находим наибольшую верность *материалистической* диалектике. Во всех спорах, из которых Ленин неизменно выходил победителем, потому что жизнь подтверждала правильность именно его позиции, сила Ленина состояла в том, что он наиболее точно, наиболее конкретно умел отражать всю совокупность соотношения классов, исчерпывающе осветить всю сложность обстановки не только внутри страны, но и во всех других странах. При этом Ленин рассматривал все классы и страны «не в неподвижном состоянии, а в движении, законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса». Движение же в свою очередь рассматривалось им «не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего».

Эти отличительные черты ленинской материалистической диалектики можно проследить и вскрыть на массе примеров, на всей работе Ленина по руководству нашей партией и пролетарской революцией.

Необходимо также обратить особое внимание на сочетание Лениным теории и практики. В полной мере оценивая все значение революционной теории, поднимая ее на все более высокий уровень, Ленин не допускал никакого разрыва между теорией и практикой, отрыва от борьбы масс. Он был неразрывно связан с массами, умел воспринимать от масс все то ценное, что создается массовой борьбой, историческим творчеством миллионов, учиться у масс (как это учил делать Маркс). И в то же время Ленин умел выражать самым лучшим образом те конкрет-

¹ Ленин, Сочинения, т. XXIII, стр. 383.

ные задачи, которые вытекают из современного движения, облекать выражение их в такую форму, чтобы они воспринимались массами.

Эту глубину содержания всей теоретической и практической деятельности, свой подход к работе Ленин сумел передать воспитанной им и сложившейся под его руководством партии, живой организм которой является лучшим продолжателем ленинских традиций. Партийное руководство верно отражает диалектику классовой борьбы, руководя борьбой пролетариата в ленинском духе, продвигая вперед дело социалистического строительства, ведя пролетарские массы на высшие и высшие ступени.

В работе нашей ленинской партии, в решениях ее органов, в руководящей работе Центрального комитета с т. Сталиным во главе— вот где находит свое лучшее выражение и применение материалистическая диалектика. Вне связи с работой всей партии не может быть никакого марксизма, никакого диалектического материализма. Ленин, умевший быть партийным в философии, сумел научить нашу партию материалистической диалектике. На практике это подтверждено успешной выработкой генеральной линии и успешным ее проведением.

Все указанные отличительные черты Ленина, его произведений, его практической деятельности являются лучшим концентрированным выражением классовых особенностей пролетариата, имеют глубокое основание в самой природе этого класса, необходимы для выполнения им своих исторических задач.

Наибольшая верность материалистической диалектике, наибольшая конкретность в деле борьбы за коммунизм, выражающаяся в тесной связи с массами, наибольшая активность и энергия, страстность борьбы со всеми проявлениями классовых врагов, последовательная партийность, теснейшая связь теории с практикой— без этих свойств своего передового отряда пролетариат не может победить, не может выполнить своей исторической задачи.

Противоположны и враждебны этим чертам особенности буржуазной (и мелкобуржуазной) классовой природы— преобладание отвлеченного над конкретным, аполитичность, беспартийность, профессорский объективизм, отрыв теории от практики, ставка на объективный ход вещей, теория самотека, отрицание роли активности и т. д. и т. п. Проявление и распространение таких влияний на пролетариат, содействие проникновению их в ряды нашей партии (это возможно в самых разнообразных формах) есть содействие подчинению пролетариата буржуазным влияниям, есть одно из проявлений классовой борьбы буржуазии против пролетариата. Ожесточенная борьба против этих тенденций в области теоретической, в области философии, в каких бы формах это ни проявлялось, есть насущная потребность нашего времени— времени последних и решительных боев за коммунизм.

В начале нашей статьи мы отмсчали уже, что быстрота темпа обще-

ственного развития при господстве буржуазии была поразительна, если ее сопоставить с медленными темпами развития предшествующих эпох.

«Менее чем в сто лет своего господства,—говорится в «Коммунистическом манифесте»,—буржуазия создала более могущественные и более грандиозные силы, чем все поколения вместе взятые. Подчинение сил природы, машины, применение химии к земледелию и промышленности, пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, распашка целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые как бы из земли выросшие населения... В каком из предшествующих столетий можно было предполагать, что подобные производительные силы дремлют в недрах общественного труда?».

Но те темпы, которые мы видим при господстве буржуазии, далеко превзойдены темпами пролетарского развития, как это доказано уже особенно наглядно за последние годы на нашей практике.

Теоретически это обосновывали и на это указывали уже основоположники научного коммунизма. В «Коммунистическом манифесте» говорится о том, что пролетариат, завоевав власть, воспользуется своим политическим господством, чтобы экспроприировать буржуазию и, объединив в своих руках все орудия труда, «как можно скорее¹ увеличить массу производительных сил».

Энгельс говорит о способности современной крупной промышленности к расширению, что по сравнению с ней способность газов к расширению представляется детской игрушкой. Развитие нашего хозяйства показывает невиданные для буржуазных стран темпы, достигнутые пролетариатом, вопреки всем препятствиям, вредительству, низкому уровню нашего производства, явившемуся исходным пунктом социалистической структуры, нашей отсталости и т. д. Та способность современной крупной промышленности к расширению, о которой говорится у Энгельса, может получить полное свое развитие лишь в условиях тех производственных отношений, которые устанавливает пролетариат, вводящий единое плановое хозяйство, трудовую дисциплину на новых основах, когда труд превращается «из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело *чести*, в дело *славы*, в дело доблести и геройства» (Сталин), когда энтузиазм такого труда и планового социалистического строительства охватывает миллионы и десятки миллионов. «Общественный характер средств производства» при социализме превратится,—как говорит Энгельс в Анти-Дюринге,—из фактора разрушения и периодических катастроф «в могущественный рычаг общественного развития».

Когда в сентябре 1917 г. Ленин писал свою знаменитую статью «Удержат ли большевики государственную власть?», он указывал на те

¹ В переводе Плеханова это слово неточно передано: «möglichst schnell» переведено «по возможности скорее». У Маркса сказано решительнее. В обстановке нашего этапа реконструктивного периода особенно можно оценить правильность употребленного Марксом более энергичного выражения.

гигантские силы, которые скрыты, лежат под спудом в тисках эксплуататорских отношений и которые смогут полностью развернуться лишь после того, как пролетариат овладеет властью.

«Силу сопротивления пролетариев и беднейших крестьян мы еще не видали, ибо эта сила выпрямится во весь свой рост лишь тогда, когда власть будет в руках пролетариата, когда десятки миллионов людей, раздавленных нуждой и капиталистическим рабством, увидят на опыте, почувствуют, что власть помогает бедноте бороться с помещиками и капиталистами, ломает их сопротивление. Только тогда мы сможем увидеть, какие непочатые еще силы отпора капиталистам таятся в народе, только тогда проявится то, что Энгельс называет «скрытым социализмом», только тогда на каждые *десять тысяч* открытых или прячущихся, проявляющих себя действием или в пассивном упорстве врагов власти рабочего класса поднимется по миллиону новых борцов, доселе политически спавших, прозябавших в мучениях нужды и в отчаянии, потерявших веру в то, что и они люди, что и они имеют право на жизнь, что и им может служить вся мощь современного централизованного государства, что и их отряды пролетарской милиции с полным доверием зовут к непосредственному, ближайшему повседневному участию в деле управления государством»¹.

Тот «скрытый социализм» масс, который проявился полностью в деле защиты советов от контрреволюционного натиска сил белогвардейцев и интервентов,—этот «скрытый социализм» обнаруживается и в деле социалистического строительства.

Материалист-диалектик Ленин этот «скрытый социализм» понимал и учитывал. А многие, воображавшие себя ортодоксальнейшими хранителями марксистских традиций, этого тогда понять не умели и сейчас не понимают.

Но чтобы полностью были развернуты все силы десятков и сотен миллионов, необходимо единое руководящееся революционной теорией партийное руководство, умеющее конкретно подходить к решению всех задач, необходима новая дисциплина, та дисциплина, о которой Ленин говорил еще в 1918 г., основанная на совершенно новых началах «дисциплина доверия к организованности рабочих и беднейших крестьян, дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе» и необходимо поднятие уровня теоретического сознания всех участников социалистического строительства.

И тут задача борьбы за материалистическую диалектику состоит в том, чтобы не допустить отступлений от конкретного к абстрактным, общим положениям, к отрыву от непосредственного выполнения конкретных задач социалистического строительства.

Для выполнения этой грандиозной задачи необходим самый широ-

¹ Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 276.

² Пролетарская революция № 10 (105)

кий охват сознанием всего планового строительства и сочетания правильного понимания общих задач с точным выполнением отдельных составных его частей, необходимо диалектическое мышление, проведенное на практике, партийность, доведенная до конца.

Вот чем объясняется та страстность борьбы на философском фронте, борьбы против ошибок, допущенных так называемым «философским руководством». Эта борьба имеет самое актуальное политическое значение, так как направлена против опасных, враждебных интересам пролетариата тенденций, против отвлечения его на путь абстракции.

Для работы в области философии, в области разработки материалистической диалектики имеется у нас прочная теоретическая основа в работах Маркса и Ленина, на них необходимо опираться, привлекая к изучению Гегеля и используя все богатство опыта, который дает современная нам борьба классов, пролетарская революция. Блестящее теоретическое освещение этого опыта дано в произведениях Ленина, ценность которых для философии необходимо осознать и использовать в полной мере.

В. Адоратский

БАКИНСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ *

(1918—1920 гг.)

2. ОТ МАЙСКОЙ СТАЧКИ К АВГУСТОВСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ

Майская стачка и ближайший период подготовки к ней явились поворотным пунктом для перехода бакинских рабочих к политической борьбе. Последующие месяцы после стачки не могли не быть использованы промышленниками, азербайджанским правительством и англичанами для усиления нажима на рабочий класс. Одержанная над бакинским рабочим победа была использована для наступления на его права и заработную плату.

Первыми начали наступление нефтепромышленники. В ответ на предложение министра труда от 13 мая о делегировании представителей в арбитражную комиссию¹ для дальнейшего обсуждения условий коллективного договора общее собрание нефтепромышленников (23 мая) резко отказалось от ведения переговоров по колдоговору. Они заявляли: «26 января был временно введен в действие, вопреки воле нефтепромышленников, так называемый коллективный договор, изданный в свое время большевиками... Предпринятая затем попытка выработать новый колдоговор... не привела к положительным результатам. Рабочие... объявили забастовку, выставив одним из лозунгов ее ведение договора в желательном для них смысле... Так как уступка предпринимателей в этом смысле привела бы к гибели промышленности, то собрание нефтепромышленников постановило отказаться от участия в работах арбитражного органа»². Только чувство полной безнаказанности, только уверенность во всяческом содействии со стороны министерства труда придавали решительность действиям нефтепромышленников.

Таким образом, односторонним решением промышленников все требования рабочих были заранее отвергнуты и заранее же была предreshена невозможность заключения колдоговора как «гибельного для нефтяной промышленности».

* Окончание. См. предыдущий номер «Пролетарской революции».

¹ В постановлении министра труда от 26 января 1919 года указывалось, что если переговоры в согласительной комиссии ни к чему не приведут, рассмотрение колдоговора перейдет в арбитражную комиссию при министерстве труда, решения которой будут обязательны для обеих сторон.

² Азгосархив, фонды старшего фабричного инспектора, дело № 213.

За этим первым шагом, увеличившим победу, одержанную над рабочими соединенными силами промышленников, мусавитистов и англичан, последовал и второй. На том же заседании 23 мая решением общего собрания промышленников было отказано в выплате бастовавшим рабочим не только основного оклада, но и прибавки на дороговизну в 360 рублей, на которую по распоряжению министра труда никакие вычеты не должны были распространяться.

Переход в наступление, провозглашенный общим собранием нефтепромышленников, немедленно получил свое отражение «на местах», и бесконечные обсчитывания рабочих, неправильные увольнения, нарушения колдоговора, даже в той части, которая была восстановлена министром труда 26 января, посыпались как из рога изобилия.

Сводная таблица конфликтов, дошедших до объединенного союза рабочих нефтяной и металлической промышленности, показывает громадное число неразрешенных конфликтов, несмотря на вмешательство центрального правления профсоюза.

Конфликты в объединенном союзе рабочих нефтяной
и металлической промышленности за май и июнь 1919 г.¹

Всего конфликтов в объединенном союзе по вопросам: а) увольнение за участие в забастовках и др. причинам; б) неправильная выдача жалованья; в) нарушение колдоговора.	Из них удовлетворено:		Передано в арбитражный орган при министерстве труда.	Отказано и оставлено без последствий.
	а) При неопосредствованных переговорах представителя союза с администрацией.	б) При содействии правительственных органов (фабричная инспекция).		

В абс. числ.	В %/о	В абс. числ.	В %/о	В абс. числ.	В %/о	В абс. числ.	В %/о	В абс. числ.	В %/о
136	100	48	35	12	8	20	15	56	41

Таким образом, количество конфликтов, прошедших через центральное правление, только за два месяца достигает 136. Крайняя неточность этой таблицы в сторону преуменьшения (ибо учтены только те конфликты, по которым велись переговоры центральным правлением, куда передавались преимущественно конфликты групповые и, во всяком случае, только членов союза) ни в какой мере не дает возможности рассматривать ее как исчерпывающую. Однако даже число конфликтов, дошедших до правления союза (136), особенно при учете того, что данные таблицы преуменьшены, является для двух месяцев крупной цифрой, тем более, что положительный исход из них получили лишь 43 процента.

¹ Архивы АСПС, фонды объединенного профсоюза нефтяников и металлистов, разрозненные документы. Эта таблица учитывает только те конфликты, по которым уже велись переговоры, результаты которых в ту или иную сторону выявились. Кроме того в нее не вошли конфликты, непосредственно разрешаемые районными отделениями союза.

Но наряду с этими конфликтами, проходившими через союзы, дела старшего фабричного инспектора изобилуют сведениями о беспрестанных притеснениях рабочих во всех районах, зачастую вызывавших мелкие забастовки¹. Кроме того на промыслах крупнейших предприятий «Каспийско-черноморского о-ва», «О-ва Питоева», «О-ва А. И. Манташев и К^о», «Каспийского т-ва» и других на протяжении мая и июня происходят *массовые* увольнения рабочих и неправильные вычеты из жалованья за забастовочное время. В то же время на промыслах «Сурахано-куринского» акционерного о-ва, у «Русского т-ва Нефть», также производятся незаконные увольнения по мотивам сокращения производства. Все эти *массовые* увольнения происходят опять-таки вопреки постановлению министра труда от 26 января 1919 г., где указывалось об обязательности согласования подобных массовых увольнений с «арбитражным органом». Попутно со всем этим жалованье, как правило, выдается с громадным опозданием, и из-за этого беспрестанно вспыхивают однодневные забастовки², нередко сопровождающиеся «эксцессами» в отношении административно-технического персонала. 15 июня в связи с грубым отношением к рабочим инженера Коновцева (Бакинское нефтяное о-во) рабочими было подано заявление с угрозой вывезти ретивого администратора на тачке. (В ответ на это на промысел были введены полицейские.) 16 июня закрылся 3-й промысел Нобеля в Балаханах в ответ на требование рабочих уволить с промысла заведующего Эйгенсона за штрафы и вообще за обсчитывание рабочих. 26 июня на 24 участке (о-во «И. Н. Тер-Акопов») за отказ разговаривать с рабочими был «выведен» за пределы промысла старший приказчик Мирзабеков. (В ответ на это промысел был закрыт и все рабочие уволены.) 2 июля в Сураханах (Каспийско-черноморского о-ва) был избит рабочим мастер за грубое обращение.

Эти эксцессы, порожденные притеснениями распоясавшейся администрации, истолковываются промышленниками как попытка «захватить пра-

¹ Фонды старшего фабричного инспектора, дело № 315, 291, 229. Несколько наиболее характерных случаев групповых конфликтов: 1) с 24 мая по 26 мая бастуют все рабочие механических мастерских, О-ва судовых механиков в знак протеста за отказ заведующего мастерскими дать разъяснения на запросы собрания рабочих; 2) в продолжение двух месяцев тянется конфликт с группой масленщиков наливной станции о-ва «Волга», которым не выплачивается жалованье за майскую забастовку, хотя они и стояли на вахте; 3) на 20-м промысле «Бакинского нефтяного о-ва» в Сураханах производятся незаконные вычеты из жалованья рабочих-мусульман, участвовавших в майской стачке; угрожают увольнением; администрация вообще грубо обращается с рабочими; 4) в главных мастерских ж.-д. администрация отказала в выплате прибавки, мотивируя, что зарплату рабочие получают по колдоговору (?), причем от вновь поступивших отбиралась расписка о согласии получить зарплату «по существующим ставкам»; 5) фирма Арало-каспийского о-ва вывесила объявление об увольнении (с июня) 25 рабочих под предлогом сокращения производства а фактически за участие в майской стачке; 6) при ликвидации Каспийского машиностроительного завода пятидесяти рабочим выходные были выданы неправильно; 7) на «Электрической силе» к 1 июня скопилось 11 групповых конфликтов с администрацией по самым различным вопросам (зарплата, спецодежда, доставка воды, техника безопасности).

² Азгосархив, архив Азнефти, фонды Нобеля, дело № 4, св. 41.

во предпринимателя... и создать обстановку в промышленности, предшествовавшую ее национализации бакинским совдепом 1918 г.»¹.

Все эти бесчисленные притеснения, переросшие на фоне проигранной майской стачки в систему усиленной эксплуатации, получали своеобразное, зачастую противоречивое отражение в настроениях рабочей массы. С одной стороны, некоторые группы рабочих (преимущественно нобелевские) проявили характерные для них временные колебания в сторону отхода от борьбы, в сторону отказа от организационного сопротивления промышленникам. К этой же группе примыкала часть водников, главным образом из низшей администрации. (После майской стачки, в связи с репрессиями и, в частности, в связи с увольнением 519 человек от союза рабочих водного транспорта, откололась судовая администрация, образовав особый союз «судовой администрации и береговых служащих») ². С другой стороны, майская забастовка воочию показала самым различным слоям бакинских рабочих, что вне организованных действий невозможна хоть сколько-нибудь успешная борьба. И град репрессий, обрушившихся на рабочих, вызвал приток в профессиональные союзы.

Информационные доклады из районов на совещании платных работников объединенного профсоюза рабочих нефтяной и металлической промышленности 14 июня 1919 года дают весьма интересный материал о состоянии в этот период профессионального рабочего движения.

«Черный город». Настроение в районе очень скверное. Чрезвычайно трудно установить связь с заводскими комитетами. Почти невозможно устраивать заводские общие собрания. Отношение масс к профсоюзу самое убийственное...

«Биби-Эйбат». Делается обход промыслов, устраиваются промысловые собрания для выборов делегатов... Рабочие проявляют усиленный интерес к союзу...

«Балаханский район». Совет делегатов избрал новое правление объединенного союза... Интерес к союзу среди широких масс очень хороший, многие вступают в союз целыми промыслами.

«Сураханы». Состоялось заседание совета делегатов из 30 лиц, избрано правление (11 мусульман, 1 русский). Все рабочие бр. Нобель вначале не хотели входить, но потом постановили все входить. Все забастовали, но русские неохотно, последние вспоминали всеобщую забастовку, когда мусульмане не участвовали...

«Портовый район». За последнее время наблюдается массовое сокращение... Было несколько случаев увольнения членов заводских комитетов... Было устроено несколько общих собраний, где выносятся постановления всем входить в союз и взносы вносить через табеля. В некоторых местах это осуществляется...»³

¹ «Нефтяное дело» за 1919 г., № 13—14.

² Архивные разрозненные фонды союза рабочих водного транспорта.

³ Архив АСПС, фонды объединенного профсоюза нефтяной и металлической промышленности. Дело протоколов центрального правления, засед. 14/VI 1919 г.

Кратковременный упадок, затронувший после майских дней различные группы рабочих, уже с начала июня снова сменился постепенным оживлением. Прежде всего это стало ощущаться в низовой профсоюзной работе. Стремление к объединению в профессиональные союзы имело тем большее значение, что оно захватывало широкие слои мусульманских рабочих. После колебаний в сторону мусавата, умело сыгравшего в период майской стачки на все еще взбудораженных национальных чувствах, тюркские рабочие в своей основной массе отходили от мусавата, все более включаясь в единое рабочее движение.

Этот вывод ярко подтверждается всем ходом демонстрации-забастовки 13 июня 1919 года. По инициативе партии мусават забастовка, протеста против деникинской опасности была неожиданно объявлена 13 июня вопреки указаниям, данным в районы, президиума Рабочей конференции о том, что демонстрация намечена на 15 июня. Смысл этого политического трюка заключался в попытке мусаватистов поднять националистические чувства мусульманских рабочих обособленной демонстрацией, используя для этого популярный во всех слоях рабочего класса лозунг борьбы с деникинской опасностью. Президиуму рабочей конференции пришлось экстренно назначить забастовку-демонстрацию, выставив свои лозунги. Несмотря на отсутствие времени для оповещения рабочих районов, вышедшие на демонстрацию рабочие все же сумели изменить предполагавшийся мусаватский характер шествия. Были устроены во время демонстрации митинги, проведенные силами большевиков, создавшие в демонстрации совсем не те настроения, на которые рассчитывали организаторы из партии мусават.

Ряд выступлений на заседании Рабочей конференции от 15 июня подытожил провал мусаватской затеи и отход рабочих мусульман от провокационной политики двуликого Азербайджана. «Рабочие-мусульмане спрашивали мусаватистов: «Почему вы теперь заставляете бастовать, а во время майской забастовки вы нас загоняли на работу?» Даже мусульманам была ясна провокаторская работа мусаватистов, и она потерпела крах. Никогда еще не было такого единения между русскими и мусульманскими рабочими, как в этот день... Все организаторы подметили, что, несмотря на плохую подготовку демонстрации, единодушие, сплоченность, воля бакинского пролетариата выявлены достаточно внушительно. «Смерть Деникину» и «Долой английское командование» было общим настроением демонстрирующих»¹.

Уроки майской стачки не прошли бесследно. Последовавшая за стачкой длительная полоса репрессий, вызывая кое-где настроения упадка, все же в основном подводила всю массу бакинских рабочих без различия национальностей к необходимости сплочения вокруг Рабочей конференции, вокруг большевистских лозунгов борьбы. В этом отношении демонстрация-забастовка 13 июня была показательна. Оставалось еще провести труд-

¹ «Набат» № 33 от 17 июня 1919 года, из выступлений на Рабочей конференции от 15 июня.

нейшую работу по подведению бакинского пролетариата к борьбе за власть, но общая сплоченность бакинского пролетариата как класса в борьбе с мусаватским правительством в основном была достигнута¹. Этим самым обеспечивалась отправная база для окончательной ликвидации влияния меньшевиков и эсеров на рабочие массы. Соглашательские партии, находившие себе опору в экономической разграниченности и национальной разобщенности бакинских рабочих, неизбежно должны были потерять остатки своего влияния, раз в основных чертах единство и целеустремленность революционного движения были обеспечены.

Непримиримость и последовательность большевистского руководства Рабочей конференции подняли последнюю на высоту подлинного организатора пролетарской борьбы, и с июня—июля месяца Рабочая конференция оказалась действительным выразителем революционных интересов бакинского рабочего класса. Руководя преимущественно вопросами политической борьбы, президиум Рабочей конференции повседневную экономическую работу, так называемую «защитную» работу, оставлял за правлениями союзов и за совпрофом. С июля же, когда нарастание революционного подъема среди бакинских рабочих становилось совершенно очевидным, точно так же как становилось очевидным и то, что кризисное состояние «Азербайджанской республики» в политическом и экономическом отношениях углубляется, правильность руководства экономической борьбой приобретала громадное значение.

Непрекращающиеся репрессии, все ухудшающееся материальное положение рабочих на фоне уже отмечавшегося нами распада нефтяной промышленности придавали особую остроту вопросам экономической борьбы. И первый вопрос, с которым пришлось столкнуться на этом фронте, был вопрос о взаимоотношениях рабочих организаций с министерством труда и созданными им органами: инспекцией (бывшая фабричная инспекция) и конфликтной комиссией по охране труда, иначе называемой арбитражным органом.

29 июня на состоявшейся конференции правлений профсоюзов дебатировался вопрос о вхождении в арбитражные органы министерства труда. Политику бойкота, проводимую коммунистами для данного времени (лето 1919 г.), было бы неверно толковать слишком расширительно. Вопрос ставился не вообще об отказе от каких бы то ни было переговоров с правительством и его органами, что являлось бы неправильным, а о «невхождении» или бойкоте создаваемых правительством арбитражных комиссий. Работа этих арбитражных органов неминуемо вела к развитию частных соглашений между рабочими и предпринимателями и грозила отодвинуть экономическую борьбу рабочего класса в целом на задний план. Иначе говоря, вместо резкого противопоставления «класс против класса» силы рабочих распылялись в борьбе за частичные требования

¹ Впервые на Рабочей конференции присутствовало 112 делегатов-мусульман. До этих пор никогда больше 30—40 рабочих-мусульман (это в лучшем случае) не бывало.

отдельных групп. Кроме того этим создавалась почва для иллюзий о надклассовом характере мусаватского правительства, «по справедливости» разрешающего конфликты между промышленниками и рабочими.

Представителям коммунистической фракции, отстаивавшим невхождение в арбитражные органы министерства труда, противостоял блок эсеров и меньшевиков, упрекавших коммунистов в забвении экономической борьбы. В результате обсуждения резолюция была принята 43 голосами коммунистов, дающих исчерпывающую оценку политики частичных требований: «Политика местных профсоюзов,—говорила эта резолюция,—объективно углубила дезорганизацию рабочего класса. Проектируемое некоторыми группами, как мера облегчения положения рабочих, вхождение в правительственные органы труда не является фактором... сплочения пролетариата... Расчеты на помещичье-буржуазное правительство в деле облегчения положения трудящихся бессмысленны»¹. Далее резолюция подчеркивает, что «вхождение» явится лишь признанием со стороны рабочего класса своей слабости и поведет к дальнейшему «завлечению рабочих в тиски капитала».

Квалифицируя вхождение в арбитражные органы как попытку приглушения до крайности обостренных классовых противоречий, коммунисты выдвигали задачу объединения вокруг профсоюзов для необходимой революционно-классовой борьбы за общие для всех рабочих экономические и правовые нормы коллективного договора. Вне всякого сомнения, что эта оценка большевиками арбитражных органов была принципиально правильной и наносила жестокий удар по возвращаемой меньшевиками и эсерами политике мелких и частных соглашений вне зависимости от революционной обстановки.

Но и помимо обострившейся к осени 1919 г. классовой борьбы сама практика переговоров с министерством труда и его органом—фабричной инспекцией показывала безнадежность расчетов на какую бы то ни было поддержку требований рабочих со стороны любых установлений мусаватского правительства². Продолжалась, отнюдь не ослабевая, полоса репрессий и произвола. На малой рабочей конференции 27 июля, подытоживая состояние экономической борьбы в районах, докладчик указал на массовый распад промыслово-заводских комитетов, восстановление которых благодаря решительному запрещению и заводской администрации и полицейских властей чрезвычайно затруднено. В конце июля (28—29 июля) все заводские собрания, созываемые объединенным союзом для разбора различных профсоюзных вопросов, разгонялись администрацией при помощи полиции. Обсуждение в центральном правлении на основе докладов

¹ «Набат» № 46 от 2 июля 1919 года.

² В связи с серией эксцессов, происшедших на промыслах (крупнейшие из них нами были приведены), министр Сафикюрдский 10 мая издал зубодробительное постановление о немедленном увольнении и предании суду «всех виновных в насильственном вмешательстве в компетенцию администрации»... (Опубликовано во всех газетах от 12—13/VI 1919 г.)

с мест состояния экономической борьбы рисует картину непрекращающихся притеснений рабочих.

К концу июля вновь усиливается стачечная волна. 29 июля заводские комитеты правительственных заводов бывш. Айзеншмидт, «Снарядный» и «Болт», выставив ряд экономических требований, объявляют забастовку. Одновременно в портовом районе намечается начало стихийной итальянской забастовки. 10 августа начинается стачка на заводе «Бакунин» из-за неудовлетворения требований о распространении 15% прибавки на всех рабочих вне зависимости от срока службы на данном предприятии. Борьба с бастующими все более и более принимает репрессивный характер. Из доклада т. Конушкина на правлении объединенного союза выясняется, что среди бастующих производятся аресты, «за многими гонятся и многие домой не могут показаться; арестованные высылаются» ¹.

В то же время орган министерства труда, бывшая фабричная инспекция, переименованная в инспекцию труда, явно саботирует разрешение конфликтов. «Фабричная инспекция слишком затягивает и относится халатно к требованиям рабочих даже по самым простым делам. Всегда фабричная инспекция поддерживает сторону предпринимателей. Этого часто открыто не делают, но зато дела затягивают. Словом, объявила делам союза итальянку. Почти всегда соглашаются, что все наши требования справедливы и правильны, но, признав это, слишком затягивают заканчиванием дела, что тормозит всю работу... Многие мелкие и крупные дела тянутся месяцами—от одного до трех... Изменение фабричной инспекции на инспекцию труда не изменило политику» ². Особенно поучительно, что доклад конфликтной комиссии, из которого нами приведена выдержка, сделан на центральном правлении объединенного союза эсером Грезиным. Эсеров же во всяком случае упрекнуть в сгущении красок было бы несправедливо.

Всеми этими фактами полностью оправдывалась проводимая большевиками точка зрения отказа от вхождения в арбитражный орган при министерстве труда. Сама практика переговоров с органом министерства—инспекцией труда показывала невозможность добиться через мусаватское министерство ни общего улучшения материального положения рабочих, ни даже хотя бы некоторого смягчения притеснений и произвола администрации. Но кроме того с точки зрения подготовки единой открытой борьбы бакинских рабочих вхождение в правительственные установления не могло явиться той тактикой, которая соответствовала бы нарастающим революционным боям.

Именно здесь кроется причина бешеной атаки меньшевиков и эсеров, требовавших совместной работы с мусаватским правительством. Герои соглашения не могли не выступить идеологами частичных соглашений,

¹ Архив АСПС. Дело протоколов правления объединенного союза. Экстренное заседание 17 августа.

² Архив АСПС. То же дело. Заседание 20 августа 1919 г.

не могли не пытаться сгладить остроту классовой ненависти, прикрывая свои намерения словами об экономической защитной работе. Особенно опасными становились наиболее «левые» соглашатели. Становилась очевидной необходимость создания твердого коммунистического руководства в профсоюзах, в том числе и в совете профессиональных организаций. Узко цеховая, чисто экономическая борьба, которую вели совпроф и отчасти объединенный союз нефтяной и металлической промышленности, резко отзывалась на настроениях рабочей массы, способствуя развалу низовых профсоюзных ячеек и утере интереса к союзной работе со стороны рабочих. Совпроф не смог стать выразителем чаяний рабочей массы, задерживая ее исключительно на вопросах экономической борьбы, зачастую препятствуя даже ее развертыванию.

Однако к августу 1919 г. руководящая роль и влияние бакинских коммунистов стали чувствовать и в отдельных профсоюзах и в совпрофе. Линия последнего начинает принимать все более революционный характер, и уже 1 августа в открытом письме в социалистическую фракцию парламента совпроф требует снятия Сафикюрдского и вообще расформирования министерства труда. В своей резолюции, прилагаемой к открытому письму, совет профессиональных союзов, квалифицируя политику министерства труда как провокационную и требуя создания «комиссариатов труда», предлагал всем союзам прекратить какие бы то ни было обращения в министерство труда помимо совпрофа. В общем на протяжении августа происходит постепенное выправление линии совпрофа и важнейшего в бакинских условиях профессионального союза — союза рабочих нефте-металлопромышленности. Ряд других союзов (например печатников, строителей) к августу уже находился всецело под руководством коммунистов. Даже правление рабочего клуба, тоже игравшего немаловажную роль, 20 июля было окончательно завоевано большевиками. Произошло это следующим образом: После доклада секретаря правления Палашкова (левый эсер, в 1919 г. в основном сочувствовавший большевикам) и «жестокой» критики со стороны ряда выступавших коммунистов, после жалких попыток эсера Ильина и меньшевистовавшей Окиншевич прикрыть мелкобуржуазный, насквозь «демократический» характер деятельности клуба, почти единогласно проходит коммунистический список кандидатов в правление.

Усиливающиеся притеснения и произвол над рабочими продолжают и в дальнейшем отодвигать чисто экономическую борьбу на задний план. Даже наиболее отсталым группам рабочих становится понятной невозможность улучшения своего положения путем разрозненной экономической борьбы.

31 августа на общерайонном совете делегатов объединенного союза перед делегатами впервые был отчетливо и правильно поставлен вопрос о ближайших задачах профессионального движения в борьбе бакинских рабочих: «Капиталисты, — констатирует доклад центрального правления, — не заинтересованы в сохранении промышленности и потому закрывают промыслы. Положение пролетариата ужасное. Голод, наступающий холод

готовят гибель пролетариату, если не улучшится положение... Полицейская нагайка и национальные раздоры действуют на политическое состояние пролетариата... отталкивая от классовых позиций, но в то же время дают массе жизненный опыт национальной власти, не разбирающей наций в стремлении задушить всякое движение рабочих... Этим создается почва для агитации в пролетарской среде за классовую борьбу. Промышленный кризис и незаинтересованность промышленников судьбой промышленности создают неблагоприятную почву для союзов в экономической борьбе, но на пути экономической борьбы союзы наталкиваются на политическую власть... в создавшихся условиях всякая общая экономическая борьба будет большей частью политической, ибо в борьбу будет вмешиваться государственная власть... Необходимо подготовиться к общей борьбе, но при частичных выступлениях пролетариата руководить ими. В правительственных органах, пролетариат фактически не охраняющих, участия не принимать, при частичных конфликтах требовать разрешения»¹.

Эта правильная политическая установка в деятельности профессиональных союзов исходила из политики и тактики, намеченной и твердо проводимой бакинской партийной организацией. Правильная ориентировка рабочего движения не могла быть достигнута без учета политической обстановки. Анализ, из которого исходила партийная организация, заключался в том, что объективные предпосылки социальной революции в Азербайджане были уже налицо, а субъективные быстро создавались. Решающее же влияние в отношении усиления контрреволюции имело все еще затягивающееся пребывание в Баку английских войск. Наряду с этим надвигающаяся угроза занятия Азербайджана Деникиным еще больше обостряла революционный напор рабочих, поскольку борьба закавказских правительств, в частности мусаватского, против готовящегося вторжения белых армий ограничивалась словесными декларациями. С другой же стороны, аресты и высылки коммунистов, гонения на печать, непрерывный экономический и политический нажим на рабочий класс при фактическом разрешении свободной агитации деникинских агентов—все это означало полное банкротство ширококвещательных речей мусаватистов о независимости и окончательный переход азербайджанского правительства в стан общероссийской (тем самым и международной) контрреволюции. Отсюда перед партией вырисовывалась задача не только разоблачения перед трудящимися Закавказья контрреволюционной сущности азербайджанского правительства, но и задача организации трудящихся масс, в особенности тюрок, вокруг партии для того, чтобы в момент кризиса свергнуть мусаватское правительство².

Естественно, что этой последней задаче должна была быть подчинена и политика экономической борьбы рабочего класса. В связи с этим особую

¹ Архив АСПС. Дело протоколов объединенного союза, 3-е заседание общерайонного совета делегатов 31/VIII 1919 г. Доклад от имени центрального правления.

² Архив Ин-та имени Шаумяна. Дело протоколов БК, см. августовские заседания.

опасность в экономической борьбе рабочего класса представляли частичные, сепаратные выступления. Всеобъемлющее руководство борьбой жестоко централизуется в высших органах бакинского пролетариата—Рабочей конференции и совете союзов.

В соответствии с политикой подготовки рабочих масс к открытой революционной борьбе с первых чисел августа бакинский комитет РКП(б) снова ставит перед центральной Рабочей конференцией вопрос о необходимости заключения коллективного договора. Однако задачи борьбы за колдоговор в обстановке осени 1919 г. ни в коей степени не являлись самоцелью. Подготовка к борьбе за колдоговор ни в коей мере не порождала иллюзий возможности улучшения материального благосостояния бакинского пролетариата в рамках существующего строя. Выработка единого коллективного договора являлась на данном этапе наилучшим тактическим шагом, порывающим с политикой частных требований и сепаратных выступлений, дробящих силы и революционную энергию бакинских пролетариев.

На заседании Рабочей конференции 5 августа была принята следующая резолюция, ярко рисующая те задачи, которые выдвигали бакинские большевики в связи с выработкой единого колдоговора:

«1. Вопрос о забастовке—это вопрос об общей тактике и политике рабочего класса г. Баку.

2. Всякое выступление в настоящее время без санкции и ведома Рабочей конференции и союзов, как сепаратное, безусловно недопустимо и объективно направлено против общих интересов бакинского пролетариата.

3. Бесправное положение рабочего класса г. Баку, беспощадная хищническая эксплуатация, выбрасывание на улицы громадной армии безработных, применение системы «выжимания пота» в широком масштабе—в виде сдельных, сверхурочных и т. п. работ—ставят бакинский пролетариат и его органы—Рабочую конференцию и Совет союзов—перед необходимостью выработки всеобщего коллективного договора, широкой популяризации его и подготовки к борьбе за проведение его в жизнь»¹.

Неизбежно в ближайшие месяцы дальнейшее обострение классовой борьбы при совершенно нетерпимом положении рабочих ставило в порядок дня открытые бои. Нависшая угроза прихода Деникина в Азербайджан и связанная с ней неудача в проведении забастовки-демонстрации 14 августа² с совершенной ясностью показали, что при очень сильно обострившейся классовой борьбе мусаватское правительство переходит к вооружен-

¹ «Молот» № 26 (нами приведена лишь первая часть резолюции).

² Решением Рабочей конференции (от 12 августа) 14 августа была объявлена забастовка-демонстрация, как протест рабочего класса против деникинской опасности и бездействия азербайджанского правительства. Это решение вытекало из двоякого рода задачи: а) сплотить рабочие ряды вокруг политического протеста и б) вызвать мусаватское правительство на более агрессивные действия в отношении Деникина. Решительными мерами полиции предполагавшийся широкий масштаб демонстрации был значительно сужен. Однако по исчислениям отдела статистики труда всего бастовало около 2 тысяч рабочих.

ному подавлению рабочего движения и что важнейшей задачей является уже не подготовка тех или иных отдельных выступлений рабочих, а подготовка единства бакинского пролетариата для непосредственного захвата власти в момент близящегося решительного кризиса контрреволюционной мусаватской власти. Именно в этом как раз и заключались особенность и своеобразие задач бакинского пролетариата с осени 1919 г. Печать непосредственной подготовки и борьбы за захват власти лежит на всем периоде от августовской демонстрации до апрельской революции.

3. ОТ ЧАСТИЧНЫХ ТРЕБОВАНИЙ К ЗАХВАТУ ВЛАСТИ

Год, прожитый под властью помещичье-буржуазного правительства, привел к жесточайшему снижению уровня экономического положения рабочих и чрезвычайному ухудшению условий труда вообще. Осень 1919 и начало 1920 г. не принесли в этом отношении никакого улучшения. Наоборот, уровень материальной обеспеченности нефтепромышленных рабочих, не поднимавшийся на всем протяжении 1919 г. выше 20 процентов довоенных норм, в октябре дает падение реальной заработной платы до 18% (по сравнению с 1914 г.). Полное отсутствие какого бы то ни было регулирования снабжения города продовольствием способствовало беспрестанному подъему цен. По официальным данным министерства торговли и промышленности оптово-розничные цены за последние 6 месяцев 1919 г. испытали громадное повышение: «на пшеничную муку и печеный хлеб на 100 и более процентов, мясо на 50%, рыбу на 150%, яйца на 96%, масло (животное и растительное) на 200%, сушеные фрукты на 84%, дрова на 80%, в то же время на бельевые материалы дали прирост на 100%, трико на 220%, драп и сукно на 233% и обувь на 135%¹. Если же учесть, что рабочие покупали не по оптово-розничным ценам, а по рыночным, это повышение окажется еще более значительным.

Интенсивный рост цен, вызывавшийся отказом мусаватского правительства от регулирования ввоза и вывоза, обуславливался также полной ликвидацией каких бы то ни было заготовительных организаций. Кроме того следует иметь в виду, что продовольственный вопрос в Азербайджане при прерванных функциональных связях с Поволжьем и—в значительной мере—с Северным Кавказом неминуемо упирался в проблемы сельского хозяйства, в неразрешимый для мусаватистов аграрный вопрос. Спекуляция помещиков сельскохозяйственными продуктами, массовый захват крестьянских земель и связанная со всем этим деградация сельского хозяйства при малом ввозе продуктов в Азербайджан извне с неизбежностью предопределяли острый и все более углубляющийся продовольственный кризис².

¹ Азгосархив, фонд министерства промышленности и торговли. Дело № 19 за 1920.

² Во время господства мусаватского правительства сельское хозяйство Азербайджана пришло в полнейший упадок. Вся система водного хозяйства была нарушена; заливные участки высохли, оросительные каналы засорились. Виноградники, оставшиеся без ухода,

В свете этого кризиса отказ азербайджанского правительства от регулирования продовольственного вопроса обозначал, во-первых, капитуляцию мусавата перед интересами спекулирующих торговцев-помещиков и, во-вторых, являлся признаком распада и развала самой власти. К началу 1920 г. разгул спекуляции и связанный с ней рост цен дошли до такой степени, что об этом пришлось заговорить даже министерству торговли и промышленности. В своем обращении от 11 февраля 1920 г. в Комитет государственной обороны ¹ министерство вынуждено признать, «что торговцы и промышленники, пользуясь особо ощущаемой среди населения нуждой не только в продуктах продовольствия, но и в др. предметах необходимой потребности, часто умышленно скрывают под тем или иным предлогом имущество. Такое стремление, не оправдываемое ни условиями производства, ни сбытом в пределах республики, достигло того, что при законно разрешенных вывозах продуктов питания и товаров торговцы стремятся отправлять таковые в большом количестве...» ².

Учрежденные министерством торговли и промышленности к январю 1920 г. контрольные комиссии, официальная задача которых заключалась в контроле над вывозом предметов первой необходимости, не дали абсолютно никаких результатов. Выдача этими комиссиями разрешений на вывоз продуктов была использована крупными и мелкими спекулянтами лишь как дополнительная возможность для еще большего вывоза.

Вообще же почти вся деятельность министерства торговли и промышленности в области продовольствия сводилась к... выдаче пайков членам парламента и чиновничеству. При рыночной цене сахара в 160 руб. за фунт правительственным служащим и «парламентариям» сахар отпускался ежемесячно пудами по 16 руб. за фунт. В складах министерства

гибли от филлоксеры. Хлопок, табак и другие ценные культуры совсем не сеялись. Пшеница, ячмень в 1919 г. в значительной степени были съедены полевыми мышами. До 200 000 десятин поливной земли, ввиду порчи оросительных каналов стали негодны под пашню. Общая посевная площадь сократилась до 23% по сравнению с 1914 годом. Хлопчатник, ранее составлявший 20% общей посевной площади, совсем не сеялся, а чалтык и другие пропашные культуры упали до 8% довоенного уровня. Саранча захватила до 200 000 десятин. Сельскохозяйственным инвентарем было обеспечено только 7% хозяйств. 25% всего имевшегося инвентаря совсем вышло из строя из-за негодности. Без рабочего скота осталось 40% хозяйств, а без всякого 25%. В садоводстве погибло до 15% плодовых насаждений. 3 000 десятин виноградников были навсегда уничтожены. Скотоводство также было разорено до крайности. Число голов в овечьих стадах упало до 49%, крупный рогатый скот сократился до 57%, буйволы и лошади уменьшились в количестве до 70—75% по сравнению с довоенным временем. Шелководство почти совершенно исчезло, так же как и кустарная ковровая и шелкоткацкая промышленность. В рыбном хозяйстве количество ловцов сократилось с 6 000 до 3 000 человек. Тоннаж промыслового флота сократился в 5 раз—с 200 тыс. пуд. до 42 тыс. пуд. Средняя цифра улова упала с 2½ млн. пуд. до 545 тыс. в 1919 г. (Сведения составлены на основе данных различных статей и заметок в газетах того времени и журнала «Экономический вестник»—органа ВСНХ АССР за 1920—1923 гг.)

¹ В Комитет государственной обороны входили все министры; в задачи его входило разрешение самых различных вопросов, имеющих отношение к «охране» республики.

² Азгосархив, фонды министерства торговли и промышленности, дело № 341/2480.

скоплялись громадные запасы сахара, получаемые из-за границы через Батум, а затем спекулирующими высшими чиновниками азербайджанского правительства перепродававшиеся в Персию.

Что касается деятельности министерства в отношении регулирования торговли, то официальная установка шла по линии уничтожения каких бы то ни было мероприятий, ограничивающих свободу спекуляции лавочников и помещиков. Этот курс лучше всего подчеркивает принятое еще в июле 1919 года решение финансово-экономического комитета о мерах по поднятию курса рубля. Из пяти намеченных мероприятий, составленных в духе ничего не говорящих положений (например «улучшить транспортные средства и сообщения»), два мероприятия касались продовольственной политики и требовали: 1) уничтожения рогаток в вывозе товаров... 2) устранения таких явлений, как реквизиции... Как следствие подобной деятельности правительства спекуляция принимает все более широкий размах, и цены, безудержно увеличиваясь к 1920 г., еще больше вырастают в последующие месяцы. К апрелю острота продовольственного кризиса достигает своего апогея. Следующая таблица роста цен за 4 месяца 1920 г. ярко рисует крах продовольственной «политики» мусаватского правительства:

Средние цены на продукты первой необходимости
в 1920 году в рублях ¹

	Январь	Февраль	Март	Апрель
Хлеб	14	22	22	25
Рис	4	20	22	22
Мясо	19	28	41	59
Баранина	24	47	75	86
Масло кор.	46	212	250	251
Сахар	81	161	175	168
Картофель (п.)	204	460	640	600

Виды на урожай в 1920 году даже по официальным сведениям не обещали ничего хорошего. Остатки продуктов, находившиеся в селах, просачивались через границу при посредстве персидских и грузинских спекулянтов. Важнейший же резервуар для снабжения Баку продовольствием, игравший всегда основную роль в завозе продовольственных грузов на Северный Кавказ, с ноября 1919 года оказался недостижимым.

Обострение отношений между «добровольческой армией» и Азербайджаном привело к объявлению 19 ноября 1919 г. экономической блокады Грузии и Азербайджана. «...Я,—провозгласил Деникин,—не могу допустить, чтобы самочинные образования Грузии и Азербайджана, относящиеся явно враждебно к русской государственности и возникшие во вред русским государственным интересам, получили продовольствие за счет освобождаемых от большевиков местностей России...» ². Этот при-

¹ Журнал «Продовольственное дело» № 4, 1920 г., стр. 8.

² Приказ № 171 об экономической блокаде Закавказья от 19 ноября, подписанный Деникиным. Цит. по газ. «Азербайджан» № 267.

каз, подкрепленный угрозой предания полемому суду по обвинению в государственной измене тех, кто нарушит блокаду, несомненно сыграл известную роль в смысле усиления продовольственного кризиса в Азербайджане уже в последние месяцы 1919 г.

В этой обстановке продовольственного кризиса особенно нелепо выглядят потуги правительственных органов привлечь к разрешению продовольственного и в первую очередь хлебного вопроса так называемую «общественность». С первых чисел декабря было организовано хлебное бюро, составленное из крупнейших мукомолов и скупщиков хлеба, которому и было поручено регулирование закупок и распределение хлеба. Таким образом наиболее крупные спекулянты хлебом получили рынок в свое полное распоряжение, действуя к тому же от имени правительства. Очень поучительна та характеристика, которая, примерно, в период создания хлебного бюро давалась в различных интервью и заметках правительственного же официоза деятельности крупнейших мукомолов, заправлявших этим бюро. Оказалось, что «крупные промышленники (т. е. мукомолы), как, например, Скобелев, Гулиев, Глаз, Тагиев и др., завладели совершенно рынком и... цены растут ежедневно. Кроме того, указанные лица свою деятельность не ограничивают г. Баку, а раскинули сети также и по всем уездам, и агенты их не останавливаются перед чрезмерным вздутием цен... Через местности Каракуш, Джеватский уезд, через селения Кизил-оглы, Ленкорань морем вывозится в Персию большое количество муки, которая оценивается в 500 рублей за пуд»¹. Подобная продовольственная политика могла привести только к разгулу спекуляции и к безудержному росту цен, с исключительной остротой проявившемуся в 1920 году, как это и показывает приведенная выше таблица цен.

Особого внимания заслуживает попытка мусаватского правительства привлечь к участию в создаваемых им продовольственных органах рабочие организации. В последних числах февраля на заседание организуемого продовольственного комитета был приглашен представитель от совпрофа, которому было предложено принять участие в работах комитета, по проекту министерства торговли и промышленности сосредоточившего у себя «ответственность за всю продовольственную политику». Зубатовский характер этого предложения был абсолютно ясен, и попытка мусаватистов переложить ответственность за продовольственный крах с правительства на общественную организацию заранее была обречена на неудачу. Профсоюзы, в том числе и совпроф, были большевизированы, и с меньшевистско-эсеровской тактикой сотрудничества с контрреволюционным правительством уже давно было покончено. Во всяком случае, постановление комитета совпрофа от 2 марта 1920 г. в ответ на министерское предложение говорило: «Исходя из того, что

¹ «Азербайджан» № 222.

правительство не проводит монополию хлебных продуктов в государственном масштабе, отказаться от участия в указанном комитете»¹.

Разрастающийся продовольственный кризис и непрекращающийся бешеный рост цен со всей остротой ставили вопрос о совершенно нетерпимом положении рабочего класса.

Сведения, представленные союзом работников водного транспорта, указывают, что ставки заработной платы с 1 января 1919 г. по январь 1920 г. оставались без изменения, причем минимальная месячная ставка равнялась 860 руб., а максимальная 1010 руб. С 1 января 1920 года

по водному транспорту было произведено повышение, причем минимум был доведен до 1750 руб., а максимум до 2100 рублей².

Что же касается основной части бакинского пролетариата, нефтепромышленных рабочих, то после июньского повышения заработной платы на 30% на протяжении с ноября 1919 г. по

динамика реальной зарплаты
в январе-апреле 1920.

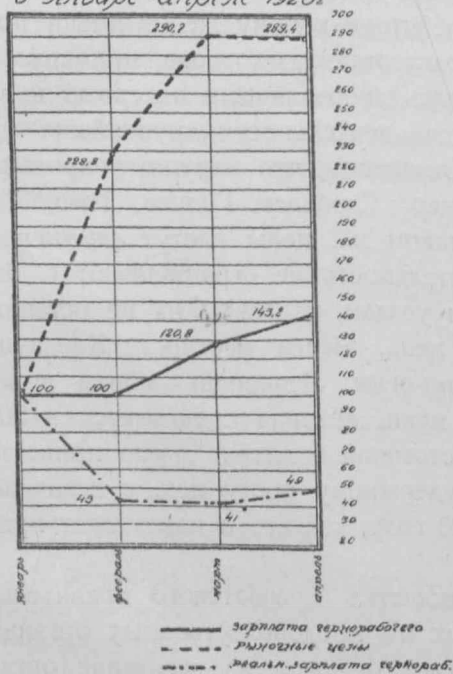

Диаграмма № 1.

реальная зарплата за 4 месяца
1920. по сравнению с 1914 г.

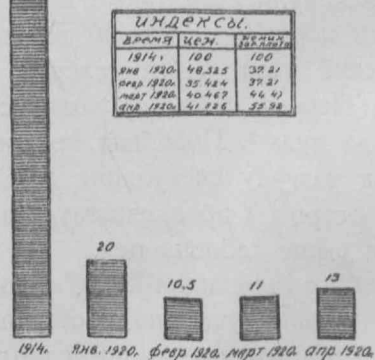

Диаграмма № 2.

апрель 1920 г. в виде частичной прибавки в значительной части нефтепромышленных фирм зарплата была увеличена еще на 40%. Таким образом с февраля 1919 г. (в январе было введено 360-рублевое пособие на дороговизну) по апрель 1920 г. повышение номинальной заработной платы исчислялось примерно 70—80 процентами. Но при огромном росте цен это повышение номинальной заработной платы на деле обозначало снижение уровня материальной обеспеченности рабочего класса и низводило бакинских рабочих к состоянию физически невыносимого, полуголодного прозябания. Всю тяжесть экономического положения рабочих по-

¹ Архив АСПС. Дело № 22. Черновые записи протоколов к-та совпрофа.

² Архив АСПС. Разрозненные документы.

казывает стремительное падение реальной заработной платы к апрелю 1920 г., которое ярко видно из приводимых здесь двух диаграмм (№ 1 и № 2).

Диаграммы эти показывают, что на протяжении четырех месяцев 1920 г. реальная заработная плата снизилась на 51% и дошла до 10—13% довоенной. Наглядную картину положения бакинских рабочих дает сравнение реальной заработной платы за последние 4 месяца мусаватской власти с довоенным жизненным уровнем. Реальную зарплату в 1914 г. мы берем за 100.

Едва заметное повышение реальной заработной платы от февраля к апрелю является в значительной мере случайным, поскольку данные для исчисления средне-взвешенной зарплаты отсутствовали.

Следующая таблица, взятая по данным отдела статистики труда², дает стоимость суточного и месячного пайка рабочего за январь—апрель 1920 года.

Стоимость пайка в рублях.

Месяцы	Суточного	Месячного	% вздоро- жания	Примечание
Январь	77,8	2 567	100	Выдача по
Февраль	106	3 498	136	твердым це-
Март	108	3 588	139	нам не про-
Апрель	416	13 743	535	изводилась.

Эта таблица, исходящая из иного состава и распределения пайка (трафареты бюджетных обследований 1918 г. в Советской России), точно так же подтверждает чрезвычайное вздорожание продуктов питания рабочих, особенно очевидное к апрелю 1920 г. Если же учесть, что средняя заработная плата нефтепромышленных рабочих к апрелю 1920 г. равнялась примерно 2 000 рублей в месяц, то и эта весьма преуменьшенная против действительных цен таблица достаточно ясно показывает нищенский уровень жизни рабочих.

Но и помимо истощения рабочего класса в связи с материальной необеспеченностью условия труда в нефтяной промышленности в период мусавата значительно изменились к худшему. Чрезвычайно интересным показателем соединенного действия самых различных причин, усиливавших истощение нефтепромышленного пролетариата, являются цифры профессионального травматизма за годы революции. Ухудшение условий труда рабочих давало своеобразную картину движения травматизма по годам.

¹ В этих обеих диаграммах берется стоимость того же набора продуктов, как и в предыдущих главах. Что же касается заработной платы, то она взята по платежным ведомостям 3 промысла Нобеля, но средне-взвешенной не является, ввиду изменения формы ведомостей, не давших возможности исчислить удельный вес различных квалификаций. Однако примерная точность ставок проверена путем сравнения с другими фирмами.

² «Вестник профдвижения» № 5 за июль 1920 г. Цены значительно преуменьшены.

Итоговая сравнительная таблица индексов состояния нефтепромышленности и увечности¹.

Индексы 1916 года взяты за 100.

	Увечность	Числен. рабочих	Добыча нефти	Переработка нефти	Бурение
1916	100	100	100	100	100
1917	65,9	102,6	34,4	94,1	57
1918	28	71,7	43,8	30,5	10,7
1919	50,7	56,6	47,2	51	10,8

Рассматривая эти цифры, мы приходим к совершенно определенным выводам о наибольшей увечности за все годы революции именно в период мусавата. Сводные индексы состояния нефтепромышленности неоспоримо доказывают, что на травматизм влияли не только повышение производительности труда и более интенсивная работа, но и целый ряд других условий, из которых важнейшее место занимают два, особенно резко выраженные во время мусаватской власти: это, во-первых, физическое истощение от недоедания и, во-вторых, система всякого рода репрессий, обрушившихся на рабочий класс. Важно отметить, что, несмотря на страшный голод в период бакинской коммуны, травматизм дает резкое снижение.

Необходимо учесть, что для нефтепромышленников, помимо их политической борьбы с рабочим движением, само состояние промышленности, живущей на правительственные субсидии, являлось фактором, толкающим их к непрерывному наступлению на материальное положение рабочих. Поскольку нефтяная промышленность работала в убыток, получая в виде ежемесячной ссуды от правительства 60 млн. рублей, всякое увеличение заработной платы всеми доступными средствами перекладывалось на правительство.

В январе 1920 г. в связи с указанием правительства на необходимость повышения ставок рабочих сверх прежней октябрьской прибавки (рабочим на 40%, служащим—от 60 до 100%) совет нефтепромышленников потребовал через министерство торговли и промышленности увеличения ссуды на табеля служащим и рабочим, во-первых, на 70% для прибавки, введенной с 1 октября, и, во-вторых, в случае новой прибавки с 1 марта еще на 80%². Таким образом сентябрьская ссуда на табеля в 39 млн. должна была быть увеличена на 27,3 млн. (70%), т. е. 66,3 млн. и с 1 марта еще на 80% (66,3+56,4)—всего 122,7 млн. руб. Далее нефтяные фирмы требовали начисления еще 50% для всех прочих

¹ Таблица составлена на основе «Материалов по статистике труда», вып. 1, и «Сравнительных данных по нефтепромышленности», изд. Азнефтекома. Из сравнения индексов явствует, что увеличение увечности в период мусавата значительно обгоняло подъем показателей по отраслям нефтяного хозяйства, завися таким образом от ухудшившегося в это время положения рабочих.

² На самом же деле октябрьская прибавка, и то не в полном размере, была введена только у крупных фирм; то же самое произошло и с прибавкой марта 1920 г.

расходов помимо оплаты табелей, т. е. $(122,7 \text{ млн.} \times 2) = 245 \text{ млн. рублей}$. Полное сальдо дефицита сводилось промышленниками следующим образом: «Весь же месячный расход нефтяной промышленности выразится в сумме $(245 + 20) = 265 \text{ млн. руб.}$ »¹.

Что касается прихода, то он выражается в той сумме, которую ежемесячно получает нефтяная промышленность и которая определяется в 150 млн. руб. Эта сумма образуется следующим образом. Вывозится полтора миллиона пудов керосина в Батум. С каждого пуда остается за вычетом расходов по тарифу, акцизу, пошлинам и др. расходам 80 руб., а всего 120 млн. руб. От вывоза в Грузию, Персию остается около 30 млн. руб. Таким образом для баланса нехватает 115 млн. руб.

Нет никакого сомнения в том, что требования нефтяных фирм значительно преувеличены. Но, с другой стороны, 60 миллионов рублей, отпускавшихся правительством в виде ссуды, конечно, не могли удовлетворить даже минимальные аппетиты нефтепромышленников. Неудивительно, что при таком состоянии промышленности характерные для периода экономической депрессии локауты, сокращения и закрытия промыслов стали в 1920 г. обычным явлением.

Обращение министра труда от 2 декабря говорит о том, что, «пользуясь прекращением подачи энергии вследствие забастовки рабочих «Электрической силы», предприниматели многих промыслов вывесили объявление о поголовном расчете всех промысловых рабочих. Некоторые администраторы заявили рабочим, что за дни забастовки они жалования не получают». Но и помимо таких предлогов, как прекращение подачи электроэнергии в министерство торговли и промышленности, вообще поступали многочисленные заявления о ликвидации. Например, ходатайство «Русского т-ва Нефть» о закрытии своего балаханского промысла мотивируется тем, что «при высокой оплате рабочего труда, слабой производительности скважин и большом отчислении на топливо и ренту землевладельцам этот промысел причиняет обществу большие убытки»².

Невыносимо тяжелое экономическое положение рабочего класса к концу 1919 г., связанное с развалом нефтяной промышленности, с преступной продовольственной политикой мусаватистов и с общим обострением классово-вой борьбы, дополнялось особо усилившимся политическим нажимом контрреволюционного правительства.

Среди различных репрессий, принятых с целью подавления ширящегося революционного возмущения масс, совершенно исключительное значение приобрело постановление генерал-губернатора Баку Тлехаса от 15 ноября 1919 г. о разгрузке города. Сущность этого постановления заключалась в том, что все приехавшие после 1 января 1919 г. и не

¹ Азгосархив. Фонды министерства промышленности и торговли. Дело № 34. 20 млн., испрашиваемые сверх всего промышленниками, должны быть ассигнованы на продовольственные расходы.

² Азгосархив. Фонды старшего фабричного инспектора, дело № 57, св. 5.

принадлежавшие к «коренным азербайджанцам», так же как и лица, не имеющие определенных занятий, должны были быть выселены.

Подвергшись резкой критике со стороны рабочей печати, это постановление вызвало небезынтересное разъяснение Тлехаса. «Против рабочих,—гласит его разъяснение,—я ничего не имел и несправедливыми по этому поводу были нападки в печати. Под свою поруку фирмы могут оставлять всех необходимых рабочих вплоть до кочегаров, если они находят, что другими их заменить нельзя, но не таких, конечно, вместо которых любой человек с таким же успехом может работать»¹. Постановление это с дополнительными разъяснениями Тлехаса подводило «законную» базу под любой арест, под любую высылку революционно настроенных рабочих и профессиональных работников. Кроме того, оно ставило рабочих, благодаря системе выдачи удостоверений о необходимости того или иного рабочего на предприятии, в полную зависимость от промышленников.

По промыслам и заводам прокатилась широкая волна протеста, указывавшая, что постановление о разгрузке бьет в первую очередь не по спекулянтам, а по рабочим². Это постановление затронуло широкие рабочие массы, увеличив еще больше произвол полицейских властей. «В довершение всех несчастий рабочих,—пишет в своих воспоминаниях т. Караев,—в конце декабря усилилось выселение рабочей массы из пределов г. Баку. Выселяют рабочего, оставляя на произвол судьбы его жену и детей. Подкидыши, подбрасывание под поезда, бросание в море полуголодных и измученных детей,—все это становится обыденным явлением для и без того обездоленных матерей. Ежедневно десятки изуродованных трупов детей рабочих собираются с железнодорожных путей, извлекаются из моря и предаются земле»³.

Начиная с ноября 1919 г. и вплоть до апреля, помимо произвола над широкими слоями трудящихся вообще, град репрессий обрушился непосредственно на рабочие организации. 31 декабря правление союза железнодорожников выносит протест против двукратного разгона рабочих собраний, созываемых союзом. Перед этим в ноябре совпроф обсуждал заявление генерал-губернатора, в котором говорится, что собрания, митинги и забастовки не будут допускаться и что все попытки в этом направлении будут подавляться силой⁴. В январе в совпроф поступают жалобы из объединенного союза о полицейском произволе, царящем в

¹ «Азербайджан» № 225 от 8/XII. Беседа с Тлехасом. Постановление о разгрузке мотивировалось отчасти желанием избавиться от многочисленных денкинских агентов, наводнивших город. Фактически же оно ударило по партийным и профессиональным работникам, которые, конечно, не могли представить свидетельства о благонадежности.

² Помимо совпрофа резолюции были вынесены цеховыми собраниями на Нобелевском механическом заводе и на многочисленных промыслах.

³ А. Г. Караев. «Из недавнего прошлого», стр. 93.

⁴ Архив АСПС. Дело протоколов комитета совпрофа (черновики).

Сураханах¹. В то же время на Тагиевской фабрике вошли в систему избияния рабочих охранниками и мусаватистами. Вместо разогнанного завкома были посажены несколько мусаватистов, которые терроризировали рабочих и запрещали им созывать собрания для новых выборов. На заседании объединенного союза от 24 марта ставится специальный вопрос об арестованных, так как «во всех районах за февраль и март много рабочих и работников союза арестовано».

В марте же на заседании комитета совпрофа вырисовывается картина массового террора, применяемого полицией против рабочих вообще и против деятелей рабочих организаций в особенности. «Участились аресты и избияния рабочих. Арестовываются члены правлений и делегатских собраний. Вчера были арестованы 5 членов союза работников водного транспорта, арестованных страшно избивают, издеваются над ними и часто подвергают их пыткам. Многие из арестованных уже препровождены в тюрьму, где их сажают вместе с уголовным элементом, со стороны коих арестованные подвергаются избияниям и изнасилованию. Такого кошмара не знает еще ни одно европейское государство, даже царское правительство не практиковало таких позорных явлений. Необходимо принять какие-нибудь шаги, чтобы положить конец этому бесшабашному произволу. Однако бумажные протесты не помогут, нужно требовать, чтобы аресты и избияния были прекращены, в противном случае порвать все переговоры и сношения с правительством»².

Реакция с каждым днем усиливалась, но наряду и в противовес этой реакции возрастала интернациональная сплоченность и единство рядов бакинского пролетариата, его готовность не только к экономической борьбе, но и к боям против мусаватского правительства.

Уже к ноябрю—декабрю 1919 г. перед бакинскими коммунистами отчетливо стояла неотложная задача организации бакинского пролетариата и особенно его мусульманской части вокруг задач непосредственной подготовки к свержению.

В обстановке крайне обостренной борьбы бакинских рабочих (которая из борьбы за мало-мальски терпимое экономическое положение быстро перерастала в борьбу за власть) весь процесс нарастания революционного подъема выдвигал два необходимых условия успешности классовых боев: во-первых, интернациональное единство выступлений бакинского пролетариата (проблема полного высвобождения рабочих-тюрок из-под влияния мусавата) и, во-вторых, единство экономической борьбы всех групп и частей бакинского рабочего класса (проблема преодоления политики частичных соглашений, разлагающих единство рабочих рядов). Таким образом от правильного коммунистического руководства зависело обеспе-

¹ 18 января был арестован председатель сураханского отделения союза Сумбат Фатали. 20 января был разогнан совет делегатов, собравшийся в помещении союза.

² Архив АСПС. Дело протоколов комитета совпрофа (черновые записи), заседание от 2 марта 1920 г.

чение подготовки бакинских рабочих к конкретно стоявшей задаче свержения мусаватского правительства.

Вовлечение тюркских рабочих в единое русло революционного движения достигалось кропотливой и трудной, но неустанной работой партийной организации среди рабочих тюрков. Несмотря на слабость недавно расколовшегося «Гуммета», недостаточность кадров партии «Адалят», незначительное количество тюркских левых эсеров, среди мусульманских рабочих была проведена большая агитационно-пропагандистская и организационная работа. Неустанная работа этих организаций, а также громадное внимание к этому делу со стороны Бакинского комитета РКП(б) сыграли решающую роль в высвобождении рабочих-тюрков из-под влияния мусавата и в сплочении их вокруг большевистских идей.

Не было почти ни одного заседания бюро Бакинского комитета, которое обошлось бы без обсуждения вопросов, связанных с деятельностью тюркских коммунистических организаций, и задачи завоевания влияния на тюркские массы. Оценка тех или иных выступлений от имени бакинского пролетариата расценивается всегда также и с точки зрения готовности к этому рабочих-тюрков. Неудивительно, что предъявление, например, колдового обусловливалось и тем, «когда он будет прочитан и разъяснен мусульманским рабочим»¹.

Усиление влияния большевистских сил, вступление все новых и новых отрядов в единое русло обостренной революционной борьбы требуют максимального объединения коммунистических организаций, до сего времени расчлененных по национальному признаку. Уже 1 января решением «президиумов трех коммунистических комитетов совместно с Кавказским краевым комитетом» создаются общепартийные ячейки путем слияния сначала ячеек «Гуммет» и «Адалят» и затем присоединения к ним ячеек из русских коммунистов.

Ставя задачей развертывание решительной борьбы за свержение мусаватского правительства, бакинские коммунисты, сделав все выводы и учтя все уроки революционной борьбы 1917—1918 гг., ни на одну минуту не забывали специфичности бакинской обстановки.

Попытка мусаватистов противопоставить большевизированным профсоюзам свой желтый профсоюз окончилась полнейшей неудачей. В своих воспоминаниях т. Караев описывает организацию этого мусаватского профсоюза следующим образом: «...когда бакинские профессиональные союзы отказались от участия в буржуазных правительственных органах охраны труда, они, мусаватисты, принялись за создание параллельно с существовавшим профсоюзом нового желтого профсоюза, задача которого заключалась в сосредоточении в нем только тюрков-рабочих. Во главе этого желтого профсоюза поставили одного из предателей рабочего класса Мелик-Иманова, а его заместителем Азима Дадашева—молодого парня, игравшего самую гнусную роль в рабочем движении...» Этот желтый проф-

¹ Архив Ин-та им. Шаумяна. Протоколы БК КПР(б) от 30/XI 1919 г.

союз дотянул свое плачевное существование филиала мусаватской партии почти до самой апрельской революции. Абсолютно никакого влияния на турецких рабочих ему оказать не удалось и дальше эмбрионального состояния он развиваться не смог.

Доклады Бакинскому комитету о работе в районах отмечают, что, несмотря на малое число опытных работников и отсутствие литературы, работа протекала вполне удовлетворительно в смысле охвата рабочих и активного участия в партийной и профессиональной работе мусульман. «Вся энергия мусаватистов в направлении провокационных действий находила дружный и стойкий отпор со стороны пролетарских организаций, и вследствие этого организованный желтый профессиональный союз не имел никакого успеха и значения в массах рабочих мусульман»¹.

В начале февраля в докладе в Центральный комитет партии следующим образом характеризуется охват влияния рабочих масс и состояние партийной организации: «...Среди бакинского пролетариата (и мусульманского и русского) у нас конкурентов нет; социал-революционеры и меньшевики совершенно изгнаны из рабочей среды, партия мусават—разлагающийся труп... В Баку насчитывается до четырех тысяч организованных членов. Вопросом дня в бакинской организации является сейчас объединение трех организаций: российской, персидской и азербайджанской; на этой неделе закончили эту работу, а в средних числах февраля созовем партийную конференцию в азербайджанском масштабе...»². Так решили бакинские большевики первое и важнейшее условие успешности классовых боев—вопрос об интернациональной сплоченности пролетариата.

Второе из отмеченных нами условий успешности предстоящих боев—создание организационных форм единой экономической борьбы как базы для перерастания ее в борьбу революционно-политическую—было также соблюдено.

С осени 1919 г. большевистская партия безраздельно руководила работой Рабочей конференции и Совета союзов. От правильной постановки лозунгов борьбы, от их своевременности зависела правильная ориентировка рабочего движения, его политическая целеустремленность. Между тем тяжесть экономического положения рабочих, невыносимые условия труда на промыслах и заводах, увольнения, обшеты, урезывание промышленниками правового положения не могли не вести к многочисленным разрозненным выступлениям рабочих с отдельными требованиями, с забастовками и т. п. Эти требования и забастовки отдельных групп рабочих на отдельных предприятиях неминуемо оканчивались частичными соглашениями с предпринимателями. Этим подрывалась база единых выступлений рабочего класса. Несмотря на невыносимо тяжелое положение рабочих, это способствовало созданию иллюзий о возможности улучшения своего положения при

¹ Архив Ин-та им. Шаумяна. Партийные протоколы и доклады. Доклад Завокзального района в БК за период с 15 марта по 1 мая 1920 г., стр. 19.

² Архив Ин-та им. Шаумяна. Партийные документы. Доклад без даты, но по смыслу видно, что написан в начале февраля, стр. 50—51.

существующей власти. Снова отвратительными пятнами проступала историческая болезнь бакинского пролетариата, в свое время порожденная экономической и национальной разграниченностью его отдельных групп, — политика частичных соглашений.

В феврале на заседании совпрофа приходится ставить вопрос об отношении к частным прибавкам. Указывается, что на этой почве среди различных групп рабочих существуют разногласия, есть возможность раскола по этому вопросу. В принятой резолюции намечается своеобразная тактика: «Прибавки, которые дают капиталисты, молча брать, но никаких требований не предъявлять...»¹. Здесь необходим был лозунг борьбы, соединяющий в себе как бы противоречивые задачи: выражение естественных устремлений различных групп рабочих к улучшению своего положения, с одной стороны, и укрепление единства революционной борьбы рабочих — с другой.

Кроме того, перед рабочими организациями стоял и другой вопрос, требовавший чрезвычайно вдумчивого подхода. Мусаватским министерством труда были организованы так называемые «комиссии по охране труда», нечто вроде конфликтных комиссий. Вхождение в эти правительственные органы охраны труда неминуемо вело к затушевыванию всей реакционной сущности мусаватского Азербайджана. Бойкот же этих органов, вполне правильно объявленный профсоюзами, вызвал недовольство рабочих, поскольку инспектора труда не признавали профсоюзных конфликтных комиссий, и таким образом для рабочих оказывалось невозможным попытаться разрешить столкновение с администрацией, которая часто передавала конфликтные дела в «комиссии по охране труда».

Развертывающееся рабочее движение требовало от партии неотложного разрешения тех противоречий, которые возникали в процессе борьбы и которые нужно было устранить с максимальной пользой для возрастающих классовых боев. Диалектически правильным сочетанием экономических и политических интересов пролетариата как раз и явился выдвинутый партией лозунг предъявления коллективного договора.

На данный момент, когда необходимо было удовлетворить естественные стремления рабочих к борьбе за улучшение своего материального положения и вместе с тем отменить политику частичных требований и разрозненных выступлений, превратив борьбу за коллективный договор в бои за власть, этот лозунг являлся единственно правильным. «Мы должны стремиться скорее предъявить колдоговор, чтобы после в нашей политической борьбе он не мешал... Мы должны доказать, что только своей сплоченностью и своей силой они (рабочие) могут чего-нибудь добиться, что не Красная армия, а они сами дадут себе свободу». (Из выступлений на заседании Бакинского комитета от 30 декабря 1919 г.) Так ставили вопрос

¹ Архив АСПС. Протоколы комитета профсоюзов (черновые записи), заседание от 9 февраля 1920 г. Комитет совпрофа недостаточно учел значение предъявленного 2 февраля коллективного договора.

большевики, заблаговременно начав подготовку по выработке и предъявлению коллективного договора.

Добиваясь широкого вовлечения тюркских рабочих в активную борьбу, преодолевая политику частичных соглашений, большевики вели рабочие массы к политической борьбе против мусаватистов.

Эта верная политическая линия не замедлила принести должные результаты. Уже во второй половине января доклады с мест рисуют растущую готовность самых широких слоев рабочих к политической борьбе, к боям за власть.

«Биби-Эйбат. За последнее время партийная жизнь усилилась. Заседания посещаются хорошо, интересуются главным образом текущим моментом...»

«Морской район. Уже определилось мнение, что без советской власти невозможно осуществить колдоговор и чего-нибудь добиться. Знают также, что без своей активной работы рабочие не получают соввласти, что красные войска без них не придут сюда...»

«Городской район. Постепенно партийная организация налаживается, восстанавливаются старые распавшиеся ячейки. Замечается приток членов партии...»

«Завокзальный район. Члены партии, как в других районах, прибывают. Отношение к колдоговору хорошее...»

«Черный город. Постепенно настроение рабочих улучшается. Рабочие все взоры свои устремляют на Сов. Россию. В колдоговоре они разочаровались, считают, что без соввласти ничего не будет и колдоговор ничего не даст...»

«Белый город. Колдоговор обсуждался на всех заседаниях, и каждый рабочий знает, что экономическая борьба сейчас ничего дать не может. Члены партии прибывают. На заседаниях присутствуют и гумметисты и адалятисты. На последнем заседании была принята резолюция о создании единой коммунистической боевой организации».

«Балаханский район. Члены прибывают... За последнее время выдвинут вопрос о колдоговоре, о нашем отношении к нему. Рабочие считают, что только установлением советской власти можно выйти из создавшегося тупика, ибо понимают, что колдоговор не улучшит их положения... Между Гумметом и Адалятом произошло слияние, выбран общий районный комитет»¹.

Вся эта обстановка предреволюционных месяцев выпукло подчеркивала целый ряд особенностей, усиливавших размах классовой борьбы и ускорявших ее перерастание в решительные бои за власть. Во-1-х, фоном ее являлось невыносимо-тяжелое материальное положение бакинского пролетариата и связанная с этим острота экономических устремлений рабочих. Во-2-х, совершенно очевидным оказалось банкротство экономической политики мусавата, которая привела к развалу всего народного хозяйства

¹ Архив Института имени Шаумяна. Протоколы БК. Доклады с мест. Заседание от 19/I 1920 г.

Азербайджана и к глубочайшему продовольственному краху. В-3-х, абсолютная незаинтересованность промышленников в работе нефтяной промышленности, благодаря отсутствию путей стока нефти, вызывала к жизни систему жестокого нажима на заработную плату, а также систему беспрестанных увольнений и локаутов, подчеркивая перед рабочими невозможность улучшения их положения в рамках существующего строя. В-4-х, репрессии, избиения, произвол и бесправие создавали такую атмосферу революционного возмущения, при которой политическая борьба поднимала к революционным боям даже самые отсталые группы рабочих. В-5-х, громаднейший опыт классовых, экономических и политических боев под руководством большевистской партийной организации выковывал крепчайшее интернациональное единство в самом рабочем классе. В-6-х, безвыходное положение бакинского пролетариата, угнетаемого двойным прессом мусавата и иностранного империализма, связывало его судьбу с возможностью получить помощь из Советской России, наглядно показывая, что его объективные интересы переплетаются с интересами советской власти, и увеличивая его субъективную готовность к восстанию, благодаря победам Красной армии.

В то время, когда каждый день подводил новые отряды рабочих на передовые линии борьбы за власть, классовая слепота одолевала бакинскую буржуазию, не замечавшую, что подъем боевого революционного движения неминуемо опрокинет мусаватскую власть и вместе с ней господство нефтепромышленников. Основная черта, характеризующая рабочее движение вплоть до настоящего времени, писал 21 февраля 1920 г. нобелевский управляющий,—это «утрата рабочим классом значения активной политической силы... поколебалась стойкость рабочей массы, ее сплоченность, ее способность выдерживать длительную борьбу... под давлением экономического гнета ряды рабочих расстраиваются...»¹.

В действительности же массы на собственном опыте усваивали тактику борьбы, убеждаясь и одновременно готовясь к решительной схватке за власть.

25 января Рабочей конференцией был утвержден коллективный договор. 9 февраля от имени Рабочей конференции и совета профсоюзов коллективный договор был предъявлен совету министров, министру труда и совету съезда нефтепромышленников. Никто не сомневается, что коллективный договор принят не будет. Но задачи увязки выступления в Баку с действиями отрядов Красной армии, очищавшей от остатков разбитых белых банд Северный Кавказ и Дагестан, так же как и задачи окончательного выяснения на примере колдоговора всей реакционной сущности мусаватского правительства требовали еще некоторого времени и некоторой подготовки масс.

Продолжавшиеся в согласительной комиссии при министерстве труда весь март и начало апреля 1920 г. переговоры не смогли дать соглашения

¹ Архив Азнефти, фонд Нобеля, д. № 165, письмо от 21 февраля 1920 г. в правление фирмы.

почти ни по одному пункту. Почти за два месяца работы комиссия успела обсудить только 10 пунктов проекта колдоговора. Переговоры с промышленниками по колдоговору с неизбежностью наталкивали самые широкие слои бакинского пролетариата на сознание невозможности и безвыходности существования при мусаватском правительстве. Лозунг коллективного договора терял среди рабочих свою популярность, уступая место политическим лозунгам борьбы за советскую власть. Коллективный договор сыграл свою роль, подведя рабочие массы непосредственно к политической борьбе, нагляднейшим образом показав, что улучшение экономического положения рабочих при мусаватском господстве невозможно.

С 20 апреля переговоры в согласительной комиссии были прерваны. Бакинский пролетариат без различия национальностей был подведен к борьбе за власть. Последние остатки влияния мусаватистов и соглашательских партий на рабочий класс были в основном изжиты. Борьба за советскую власть против мусаватской власти становилась все охватывающим лозунгом бакинского рабочего класса. Момент непосредственно революционного кризиса наступил. Начались решающие бои за свержение контрреволюционного мусаватского правительства.

«Я убежден, что под советскую власть мы не попадем и что в конце концов мы выйдем из этого положения хотя и довольно помятыми, но все же живыми...»—высказывал свои надежды 27 марта 1920 г. в своем последнем письме главный директор нобелевской фирмы Леснер. Его уверенность не оправдалась. Зато ровно через месяц—в дни апрельской революции—оправдались последние слова Степана Шаумяна: «Покидая этот город, потеря которого может иметь роковое значение для всей Советской России, они (представители советской власти.—А. Д.) не теряют надежды, что бакинские рабочие и матросы каспийской флотилии поймут, на какое предательство их толкнули правые эсеры. Они надеются, что рабоче-крестьянская Россия еще придет в Баку. Бакинский пролетариат вновь свяжется с рабоче-крестьянской Россией и вновь станет под знамя советской социалистической республики»¹.

А. Дубнер

¹ С. Шаумян, «Статьи и речи 1917—1918 гг.», стр. 243.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «ЭКОНОМИЗМА» *

«Экономизм» не случайное явление в русском рабочем движении. Если на базе стачечного движения 90-х годов впервые возникло как политическая партия революционное социал-демократическое направление, соединившись с массовым рабочим движением, то наряду с ним на той же базе возникло и оппортунистическое течение—«экономизм», как второй путь, второе направление в рабочем движении. Корни его лежат в буржуазном влиянии на пролетариат, осуществляемом через мелкобуржуазные тенденции, имеющиеся в рабочих массах. Это оппортунистическое течение не исчезло с «экономизмом», а продолжало существовать на протяжении всей истории рабочего движения, вплоть до Октябрьской революции, лишь меняя свои формы. Ленин говорит: «Бросая общий взгляд на борьбу двух течений в русском марксизме и в русской социал-демократии за 12 лет (1895—1907 гг.), нельзя не прийти к выводу, что «легальный марксизм», «экономизм» и «меньшевизм» представляют из себя различные формы проявления одной и той же исторической тенденции. Легальный марксизм г. Струве (1894 г.) и ему подобных был *отражением марксизма в буржуазной литературе*. «Экономизм», как особое направление социал-демократической работы в 1897 и следующих годах, фактически осуществил программу *буржуазно-либерального «Кредо»*: рабочим экономическая, либералам политическая борьба. Меньшевизм—не только литературное течение, не только направление с.-д. работы, а сплоченная фракция, которая провела в течение первого периода русской революции (1905—1907 гг.) особую политику, *на деле подчинявшую пролетариат буржуазному либерализму*»¹.

Задача заключается в том, чтобы проследить корни буржуазного влияния на пролетариат, возникшего в обстановке стачечного движения. Социально-экономические причины и характер стачечного движения содержат в себе и ключ к объяснению социально-экономических корней «экономизма».

Объяснения причин стачечного движения и корней «экономизма» в литературе содержат в себе ряд противоречий и грешат против нашей методологии.

* Статья печатается в порядке обсуждения. Редакция.

¹ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 69.

При объяснении экономических предпосылок стачечного движения и «экономизма» неправильно исходить только из общих указаний на гнет и эксплуатацию рабочего класса, так как эти общие ссылки еще не объясняют специфических форм эксплуатации и смены их. Было бы неправильным также исходить из «общих» ссылок и на промышленный подъем. Мотивы, которые приводятся здесь, заключаются в том, что подъем промышленности создавал благоприятные условия для стачечной борьбы в смысле уступчивости предпринимателей, которым высокие прибыли давали возможность повысить заработки. Эта уступчивость, в свою очередь, создавала иллюзии успешной мирной экономической борьбы в известных слоях рабочих масс. Не говоря уже о том, что такое «материальное» объяснение экономической базы и импульсов стачечного движения, такое возведение его на степень экономического фактора, как это делает т. Ярославский и др., неверно с методологической точки зрения и имеет прямо противоречащие указания в других источниках. Они говорят, что как раз экономически невыгодно было предпринимателям идти на уступки рабочим в период подъема, и, наоборот, промышленный подъем всюду вызывал со стороны предпринимателей наступление на рабочих по линии удлинения рабочего дня, усиления эксплуатации в целях наибольшей переброски средств на расширение производства¹.

Сам по себе подъем промышленности «вообще» несомненно создает благоприятные условия для развития рабочего движения, являясь его толчком, но ссылки на него в такой общей постановке не могут служить основанием для объяснения своеобразия движения и его движущего фактора, не могут объяснить ни характера, ни содержания, ни результатов движения. Так, напр., на основе промышленного подъема стачечное движение 90-х годов носило характер экономической борьбы, а на основе промышленного подъема 1912—1914 гг.—политический характер. Точно так же не всегда промышленный подъем вызывает стачечное движение. Так, стачечное движение 80-х годов возникло в условиях кризиса.

Но недостаточность обоснования стачечного движения экономическими предпосылками отнюдь не означает, что надо бросить эти экономические предпосылки и для обоснования причин стачечного движения обратиться к предпосылкам только социологическим, как это сделал Астров. Наоборот, социологические предпосылки должны вытекать из правильно понятых экономических предпосылок.

В качестве основного фактора движения нередко выдвигаются «вообще» материальные интересы тех или иных слоев рабочих, обусловленные их социальным составом. Но, оторванные от правильно понятого объективного экономического фактора, материальные интересы отдельных слоев рабочих, хотя и подкрепленные характеристикой их социального состава, не в состоянии объяснить ни движущих сил, ни специфического характера, ни результатов такого широчайшего движения, как

¹ Л. Мартов, статья «Развитие промышленности и рабочее движение с 1893 до 1903 г.» в VIII томе «Истории России в XIX веке» (изд. Гранат), стр. 73.

рабочее движение 90-х годов. Кроме того, изменение состава рабочего класса представляет обычное явление, сопровождающее развитие капитализма, особенно в период его раннего расцвета, и не может объяснить ни своеобразия стачечного движения, ни «экономизма».

Противоречивость обоснования причин стачечного движения и «экономизма» можно проследить на работе В. Астрова: «Экономисты», предтечи меньшевиков». Признав недостаточным общие ссылки на подъем промышленности в объяснении причин стачечного движения и корней «экономизма», Астров совсем отбрасывает объективный экономический фактор, обращается к самому носителю этого движения—рабочему классу, и объясняет как стачечное движение, так и «экономизм» изменениями в составе рабочего класса, изменениями связей с землей широких слоев рабочих, связанных с деревней. Вследствие разорения крестьянских хозяйств в период голода (1890—1891 гг.) лопались связи с деревней, и рабочие, получавшие ранее неполную зарплату (вследствие своей мелкобуржуазной уступчивости, как объясняет Астров), вынуждены были с разорением хозяйств в деревне переходить на один лишь заработок от наемного труда, вследствие чего и потребовали полной зарплаты. Этим и объясняется их наступательная борьба. Но по своей психологии рабочий, связанный с деревней, оставался крестьянином, отсюда его заблуждения (выражаясь современным языком,—мелкобуржуазный уклон) и иллюзии, что мирной борьбой можно добиться уступок. Мелкобуржуазные заблуждения рабочего, связанного с землей, и послужили основой для «экономизма». Астров считает, что за счет этой мелкобуржуазной основы «экономизм» так уродливо перерос свою материальную базу. Отсюда напрашивается вывод: не было бы голода, не нарушались бы связи с землей, не было бы стачечной борьбы, не было бы и «экономизма». Эта теория, объясняющая широчайшее рабочее движение одним только изменением формы связи известных слоев рабочего с землей и изменением состава рабочего класса, неверна, так как отмеченные причины сами по себе являются производными и не могут целиком объяснить своеобразия причин такого широкого движения рабочего класса. С другой стороны, они обычны для развития капитализма.

Наконец сам же Астров опровергает и такой, казалось бы, неоспоримый фундамент «экономизма», как материальные завоевания рабочих масс. Он считает, что иллюзии по поводу завоеваний рабочих невероятным образом переросли их действительные размеры, так как эти завоевания были невелики и недолговечны. Поэтому, согласно Астрову, «экономизм» в исторической перспективе кажется огромным и нелепым заблуждением, которое на один миг стало почти всеобщим. (Ценное признание!) И то обстоятельство, что он, согласно Астрову, расцвел почти после промышленного подъема, подчеркивает нелепость «экономизма», рисуя его как чудовищную карикатуру, как нарост на с.-д. Спрашивается: где же буржуазное влияние на пролетариат, столь характерное для «экономизма»? Оказывается, оно не имело корней в самой экономике,

а было принесено только извне, через слои рабочей аристократии, как идеология сотрудничества с буржуазией, лозунги которой по условиям момента нашли «гулкое отражение» в огромной массе вчерашних крестьян» (Астров).

Однако сам же Астров справедливо говорит, что и рабочая аристократия не имела серьезных экономических корней, так же, как и корней в рабочем движении. Это узкая прослойка рабочих крупных предприятий, связанных с поставками на казну и особенно интенсивно получавших внеуставные ссуды. Но эта группа была не типична для массового рабочего движения 90-х гг. Она имела чисто групповые, а не профессиональные и социальные признаки. В сущности только для этой узкой прослойки рабочих «экономизм» имел свой настоящий смысл тред-юнионизма. Поэтому «потуга натянуть на плечи русского рабочего европейский костюм («экономизм». — А. А.) потерпела неудачу: лишь только рабочий повел плечами, и лакейская ливрея раздалась по швам». В классических формах, справедливо удивляется Астров, оппортунизм на Западе, например в английском тред-юнионизме, имеет солидный материальный фундамент. Широкие верхушечные слои пролетариата буржуазия систематически подкупает там лучшей зарплатой за счет усиленной эксплуатации колониальных рабов. Русская же буржуазия на пороге XX века не сумела, даже в дни подъема, хотя бы на несколько лет обеспечить своих рабочих прожиточным минимумом. И все-таки оппортунизм господствует в с.-д. в течение этих лет.

Итак, «экономизм» как будто остается без фундамента, ибо ни «общие» ссылки на подъем, ни теория рабочей аристократии и тип ее взаимоотношений с буржуазией, ни обычные для капитализма изменения в составе рабочих масс за счет прилива из деревни новых слоев не объясняют ни причин стачечного движения, ни его своеобразия, ни корней «экономизма». Отсюда и самый «экономизм» изображается не как направление, возникшее в рабочем движении, а как случайное явление, не имеющее под собой определенной экономической базы, или как потуги натянуть европейский костюм на русское рабочее движение.

Стаечное движение 90-х годов имеет определенный социальный характер, как известный этап классовой борьбы. Стаечное движение 90-х годов, развившись в обстановке небывалого подъема промышленности, является таким движением, которое согласно правильной характеристике ряда историков приняло впервые в России характер общеклассового движения, направленного к изменению социальных условий положения пролетариата¹, и является определенным этапом классовой борьбы. Ряд историков характеризуют 90-е годы как зарождение массового рабочего движения. Тов. Невский справедливо характеризует его как «небывалое по своей силе и организованности стачечное движение, которое потрясло весь мир»².

¹ Л. Мартов, вышеуказанная статья, стр. 73.

² В. Невский, Очерки по истории РКП, «Прибой», Л. 1924 г., стр. 510.

Такая оценка отнюдь не вяжется с теми объяснениями и теми случайными причинами, о которых говорилось выше. Такие широчайшие рабочие движения, как движение 90-х годов (а оно явилось лишь кульминационным пунктом всей полосы рабочего движения, охватывающей и 80-е годы), нельзя рассматривать независимо как от характера развития производительных сил, от движения и изменения в общей экономике страны, так и от соотношения основных классовых сил страны. Формы и характер классовой борьбы не рождаются готовыми. Смена форм рабочего движения, а главное его характер, его результаты обусловлены характером смены форм и способов производства.

Какие же процессы в развитии производительных сил и экономики страны обусловили характер и результаты стачечного движения 90-х годов? Здесь не столько необходимо останавливаться на общих цифровых данных, рисующих подъем промышленности в конце XIX в., сколько необходимо подчеркнуть характер этого подъема как промышленной революции, расцвета машинной индустрии и оформления капиталистического характера промышленности в борьбе со старым укладом. «Я решительно не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались в чем-нибудь от того, что мы видели в Англии, Германии, Америке» — говорит Энгельс¹.

Быстрое развитие промышленности в обстановке сильных пережитков крепостничества, навыков и приемов хозяйствования, складывавшихся десятилетиями медленного развития предыдущих лет, создавало огромное количество противоречий, не таких, которые характеризуются возникновением капитализма вообще, а таких, которые обусловлены возникновением, развитием и борьбой нового промышленного уклада со старым. Ибо технически капиталистический прогресс и машинное производство несовместимы с крепостническими производственными отношениями. Машинная техника определяет капиталистический характер производственных отношений. Ленин в «Развитии капитализма» характеризовал этот противоречивый процесс развития капитализма на данном этапе как смену и борьбу двух укладов: новейшей прогрессивной промышленности с нормальными капиталистическими условиями положения рабочего класса (выражаясь условно — «американского типа развития») и отсталых форм капитализма с отсталой техникой с остатками крепостнических отношений, стеснявших развитие производительных сил. Этому отсталому укладу соответствовал и варварский уклад в положении рабочего класса с хищническими формами эксплуатации: 18-час. рабочим днем, отсутствием охраны детского и рабочего труда вообще, с полнейшим произволом в установлении заработной платы и т. д. «Налицо имелся рабочий класс, эксплуатация которого отягчалась крепостническими порядками на фабрике и полным политическим бесправием»². «Первые фабричные инспектора, —

¹ Маркс и Энгельс, «Письма», перевод В. Адуратского, изд. 3-е 1928 г., стр. 290.

² История ВКП (б), т. I, под ред. Е. Ярославского, Гиз, 1926, стр. 216.

говорит Невский,—вскрыли такую ужасающую картину нищеты, эксплуатации, угнетения, невежества, что перед этой картиной бледнеют все ужасы, вскрытые знаменитыми донесениями английских инспекторов, которыми пользовался Маркс в своем «Капитале»¹. Эти полукрепостнические формы эксплуатации целиком поддерживались и поощрялись правительством, которое «все усилия прилагало к тому, чтобы облегчить фабрикантам эксплуатацию рабочего класса»².

Ленин иллюстрирует этот двойственный характер экономики нашей промышленности и положения рабочего класса, эту смену двух укладов на примере Урала и Юга. «Смена двух укладов общественного хозяйства,—говорит Ленин,—сказывается на горной промышленности с особенной наглядностью вследствие того, что типичными представителями обоих укладов являются здесь особые районы. В одном районе (Урал) можно наблюдать докапиталистическую старину, с ее примитивной и рутинной техникой, что обусловило и наиболее хищнический полукрепостнический уклад в положении рабочего с личной зависимостью прикрепленного к месту населения, с прочностью сословных традиций, монополий и пр.)³. «Господство Урала было равносильно господству подневольного труда, технической отсталости и застоя»⁴.

«В другом районе (Юг)—полный разрыв со всякой традицией, технический переворот и быстрый рост чисто капиталистической машинной индустрии»⁵, что обуславливало и новый уклад в положении рабочего класса и влекло за собой революцию и в этой области, что лежало по пути развития производительных сил. Указывая на прогрессивность капитализма в России, Ленин говорит, что стремление наших предпринимателей воспользоваться выгодами докапиталистических приемов хозяйства должно быть поставлено в счет не нашему капитализму, а тем остаткам старины, которые задерживают развитие капитализма и которые держутся во многих случаях силой закона»⁶.

Из анализа данных развития горной промышленности Ленин делает следующий важный вывод, характеризующий всю экономику нашей страны в конце XIX века. «Данные о развитии горной промышленности... особенно наглядно показывают сущность той смены общественно-экономических отношений, которые происходят в России»⁷.

В разных своих работах Ленин неоднократно подчеркивает эту же мысль. Так, в своей статье «Еще одно уничтожение социализма» Ленин говорит: «Разумеется, «внезапное» превращение России в буржуазную страну возможно было в течение пяти или десяти лет XX века только по-

¹ В. Невский, Очерки по истории РКП, стр. 332.

² Там же.

³ Ленин, Сочинения, т. III, «Развитие капитализма в России», стр. 384.

⁴ Там же, стр. 380.

⁵ Там же, стр. 384.

⁶ Там же, стр. 385.

⁷ Там же, стр. 384.

тому, что *вся вторая половина прошлого века была одним из этапов смены крепостнических порядков буржуазными*»¹.

Эта смена укладов есть процесс, который происходил в продолжение всего периода 2-й половины и главным образом конца XIX века, и в 90-е годы получил лишь свое наиболее яркое выражение и оформление. Эта смена, происходившая во всех отраслях промышленности и ее районах, находила свое отражение и в борьбе консервативных предпринимателей и прогрессивных на почве конкуренции, вокруг промышленной политики и вопросов рабочего законодательства. Факты, указанные в брошюре Берлина², говорят о том, что между прогрессивно-технической частью фабрикантов и заводчиков, расположенных главным образом в Петербургском промышленном округе с наиболее высокой техникой, и отсталыми слоями фабрикантов, расположенных, между прочим, в Московском промышленном округе, который характерен низкой техникой и являлся опорой правительства в деле консервативного решения всех вопросов промышленной политики, в частности рабочего вопроса, шла конкурентная борьба. Технически отсталые слои фабрикантов и заводчиков в конце XIX века, а их было не меньше доброй половины, пользовались старой системой эксплуатации. Низкая техника обуславливала длинный рабочий день и самые тяжелые формы эксплуатации. Фабрикант брал с рабочего не только прибавочный продукт, но и *еще не доплачивал ему часть заработной платы*. Здесь рабочее законодательство было для фабрикантов крайне стеснительно и невыгодно. Наоборот, прогрессивная часть фабрикантов, пользовавшаяся более квалифицированным трудом, а значит, и более производительным, отстаивала сокращение рабочего дня и более безболезненно выполняла социальные требования рабочих. Здесь старая система эксплуатации перестала соответствовать интересам передовых слоев фабрикантов, и эта часть капиталистов шла на европеизацию своих отношений с рабочим классом. Кроме того высокая норма прибыли в технически отсталых предприятиях делала менее выгодными применение капитала к отраслям производства с высокой техникой, что тормозило развитие промышленности.

Передовые фабриканты уже давно начали выступать с радикальными проектами по рабочему вопросу, идя дальше правительства, которое поддерживало союз с более отсталыми московскими и другими предпринимателями. Борьба между этими группами буржуазии известна еще с 50-х годов, и ее можно проследить хотя бы на всей истории рабочего законодательства. Так, например, предприниматели Северного района явились инициаторами проекта закона об ограждении детского труда еще в 1859 году. Но сопротивление консервативных слоев предпринимателей Москвы и провинции, где детский труд применялся в широких размерах и в ночных производствах, было так сильно, что только в 1882 г. под влиянием

¹ Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 263. Курсив наш.

² П. Берлин, Русская буржуазия в старое и новое время, изд. «Книга», Л.—М. 1925.

стачечного движения конца 70-х годов был проведен первый закон, несколько ограничивающий варварские условия применения детского труда. Та же борьба шла и вокруг закона о сокращении рабочего дня, ограждения женского труда, закона о штрафах, найме рабочей силы и др. Встретив сопротивление со стороны консервативной части предпринимателей, эти законы впоследствии отменялись и изменялись и фабрикантам предоставлялся полный простор для произвола, а фабричная инспекция превращалась в послушный аппарат, защищавший интересы капиталистов. Такая же борьба происходила вокруг закона 1897 года о сокращении рабочего дня (до 11½ час.), который явился результатом компромисса между московскими и петербургскими предпринимателями. Но издание этого закона объяснялось не только давлением рабочих масс и их успехами в стачечной борьбе, но также и выгодой перехода на сокращенный рабочий день, что давало увеличение производительности труда на 25 и 30%. Даже московские фабриканты стали высказываться примерно в таком же духе, что рабочего надо эксплуатировать умело, а не так, чтобы он превращался в переутомленного тупицу, который ломает и портит машины¹.

Те же самые экономические процессы, происходящие в промышленности, обуславливали и отношение предпринимателей к экономическим требованиям рабочих в период стачечного движения 90-х годов и ту уступчивость, которая была проявлена целыми слоями фабрикантов в отношении этих требований.

Казалось бы, что буржуазия в целом должна была занять резко враждебную позицию по отношению к экономическому движению рабочих, направленному против самой же буржуазии. На самом деле дело обстояло не так просто. В конце XIX века не было единой буржуазии, а было два типа буржуазии, как уже говорилось ранее. На борьбе двух укладов в промышленности, на базе промышленной революции поднялась прогрессивная буржуазия, которая вела борьбу с отсталой консервативной буржуазией. *Экономические же стачки в дни подъема вскрывали не только и не столько противоречия капитализма, сколько его общую отсталость.* Широкое экономическое движение било в первую очередь *отсталых* фабрикантов, так как от сокращения рабочего дня и других экономических уступок крахнули бы в первую очередь предприятия с отсталой техникой, в то время как многие крупные заводчики добровольно сокращали рабочий день. На экономические уступки шла и не только прогрессивная крупная буржуазия. Сознание экономической выгоды перехода к новому техническому укладу промышленности и выгоды реформ в области условий труда рабочего класса захватывало и наиболее широкие слои предпринимателей, подхлестываемых к тому же стачечным движением и напором рабочих масс.

Буржуазия шла на уступки не только и не столько вследствие подъ-

¹ В. Невский, Очерки по истории РКП, стр. 383.

ема промышленности, экономические выгоды которого диктовали как раз нажим на рабочих, а потому что удовлетворение экономических требований рабочих в общем и целом соответствовало интересам и требованиям капиталистического развития. *В этом и лежит причина той уступчивости предпринимателей, которую мы наблюдали в стачечном движении 90-х годов.*

Борьбу прогрессивных слоев предпринимателей против старого уклада за свободное развитие капитализма Ленин рисует на борьбе предпринимателей за свободное развитие экономической борьбы против уголовного наказания за стачки ¹. Ленин подчеркивал, как эта борьба перерастала в оппозицию против абсолютизма, который поддерживал всеми имеющимися в его распоряжении средствами старые порядки. (Здесь мы не останавливаемся на двух направлениях в политике самого правительства, представленных двумя министрами—Витте и Треповым ²). Дело идет об отмене уголовного наказания за уход с работы и за стачки, чего требовала группа предпринимателей в записке на имя министерства внутренних дел. Значение этой записки Ленин особенно подчеркивает потому, что в ней мы видим не голос отдельных либералов—идеологов буржуазии, а голос целого слоя промышленников-практиков. Это уже не либерализм одних только гуманных чиновников и профессоров, это доморощенный, отечественный либерализм московских купцов и промышленников ³. Здесь особенно интересны практические соображения фабрикантов в защиту свободы стачек, аргументируемые тем, что забастовка есть явление чисто экономическое, вполне естественное и не требует вмешательства полиции и правительства. Ленин говорит по этому поводу: «Это—язык настоящих либералов манчестерцев, объявляющих борьбу капитала и труда чисто естественным явлением, приравнивающих с замечательной откровенностью «торговлю товарами» и «торговлю трудом», требующих невмешательства государства» ⁴. Но Ленин подчеркивает, что фабриканты выдвинули проект признания государством основных начал гражданского права, буржуазную «свободу и равенство» хозяев и рабочих и потому, что «отмена наказания за стачки стала *выгодной для фабрикантов...*, которым рабочие *практически демонстрировали* нелепость старых законов... Даже из самих фабрикантов кое-кто начал понимать, что европейские формы классовой борьбы лучше азиатского произвола полиции» ⁵. Ленин констатирует этот рост враждебности к полицейскому произволу. «Невертепж! Надоело! Не суйся!»—вот что говорит русский фабрикант русской полиции устами автора записки ⁶. Фабриканты протестуют против частных административных распоряжений и требуют законо-

¹ В статье «Проект нового закона о стачках», Сочинения, т. V, стр. 169—176.

² Мартов, вышеуказанная статья, стр. 92—96.

³ Ленин, Сочинения, т. V, стр. 170.

⁴ Там же, стр. 172.

⁵ Там же, стр. 175.

⁶ Там же, стр. 170.

дательством установленного порядка. Вывод из этого Ленин делает следующий: «Протест фабрикантов против средневекового закона о стачках показывает нам на маленьком частном примере *общее несоответствие интересов развивающейся буржуазии и отживающего абсолютизма*. Об этом следовало бы поразмыслить тем людям, которые боязливо закрывают глаза на элементы буржуазной оппозиции в России и твердят по старинке, что «интересы» (вообще!) русской буржуазии удовлетворены»¹. В одной из своих статей 1902 г.—«Политическая агитация и классовая точка зрения»—Ленин писал, что интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. «Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы *всей буржуазии*, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию»². Мартов эту мысль выражает таким образом: «Банкротство промышленной политики абсолютизма,—говорит он,—заключается в том, что оно впадало в противоречия с интересами действительного промышленного развития, ибо последнее требовало безусловного улучшения экономического положения рабочих масс как необходимой предпосылки прогресса производительных сил... Вот почему правительство политически не удовлетворяло представителей наиболее развитой и передовой буржуазии передовых промышленных районов. Отсталость режима абсолютизма не совместима с социальными отношениями, которые он сам вызвал к жизни»³.

Мы видим, что оппозиция самодержавию в буржуазных кругах росла не только на почве его аграрной политики, поддерживавшей остатки крепостничества в сельском хозяйстве и тем тормозящей развитие промышленности, но и на почве его политики в области промышленности, также поддерживавшей консервативный путь развития промышленности с остатками крепостнических полufeодальных отношений, тормозивших свободное развитие промышленности по капиталистическому, условно выражаясь, по «американскому пути». Эта оппозиция прогрессивных слоев предпринимателей 90-х годов и нашла свое отражение в либерализме и в тех «революционных» тонах, которыми было окрашено его отношение к самодержавию и его отношение к рабочему вопросу. Именно в это время буржуазия все вопросы пыталась ставить по-революционному, по-«американски», так как именно в 90-е годы резко наметились два пути развития промышленной буржуазии, условно выражаясь—«прусский» и «американский». В 90-е годы этот выбор встал перед буржуазией на основе той промышленной революции, которая наблюдалась во всем хозяйстве и на основе смены двух укладов, о которых говорил Ленин. Капиталистическое развитие и внутри промышленности могло пойти или

¹ Ленин, Сочинения, т. V, стр. 174.

² Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 355.

³ Л. Мартов, вышеуказанная статья, стр. 92.

путем революции или путем медленных реформ на основе низкого развития техники и мучительного медленного очищения условий труда рабочего класса от полукрепостнических форм эксплуатации. Мы знаем, что вследствие ряда экономических причин (самодержавие было посредником в деле получения займов из-за границы и др.), а также вследствие политических причин—боязнь пролетарской революции—буржуазия пошла по «прусскому» пути блока с самодержавием. Став на короткий срок революционной,—это нашло свое отражение в левом либерализме и легальном марксизме,—она быстро эволюционировала в сторону защиты «прусского» пути, в сторону блока и уступок самодержавию. С ней вместе эволюционировал и легальный марксизм, политическое лицо которого резко изменилось в 900-е годы.

Два пути развития буржуазии очертили и две тактики, две политики в отношении рабочего класса. В результате раздвоения буржуазии одна ее часть—прогрессивная—боролась за ликвидацию азиатских способов развития производительных сил, и на этом объективно как бы сошлись ее интересы с революционными отрядами пролетариата. Но как только пролетариат проявил себя, она быстро отошла назад, имея к тому же ко времени этого отхода в значительной доле ослабленным азиатское крыло в промышленности.

Либерализм в 90-е годы пережил резкий перелом. К 80-м годам в России существовал либерализм, специфической особенностью которого была идеология «постепеновщины». Он не пошел дальше мечтаний о необходимости завершения реформ 60-х гг. и дарования конституции самим самодержавием. В 90-е годы нарождается молодая прогрессивная буржуазия, которой стала очевидна ублюдочность и реакционность ползучих идей старого либерализма. Представители новой буржуазии (кн. Шаховской, Милюков, Родичев и др.) искали форму идеологии, более отвечающую интересам прогрессивного капиталистического развития, как оружие борьбы со старым крепостническим укладом и устранение всех помех с пути развития капитализма. Лучшим оружием в середине 90-х гг. и был марксизм. Наиболее последовательные и смелые из молодой прогрессивной буржуазии (Струве, Туган-Барановский, Булгаков и др.) и ухватились за него. Легальный марксизм и был своеобразным сочетанием этого направления прогрессивных буржуазных идеологов с существовавшим уже марксистским направлением. Легальные марксисты этого крыла в лице Струве и др. всячески подчеркивали историческое значение буржуазии. Для них развитие буржуазии означало развитие капитализма в борьбе с самодержавием. Из буржуазных организаций вырастает конституция. Земство есть уже зародыш конституции. Руководящая роль в борьбе с самодержавием должна принадлежать буржуазии. Буржуазия же в лице своей интеллигенции должна пойти к рабочим, передавать им знания и мобилизовать их силы под руководством интеллигенции на борьбу за создание условий для расцвета буржуазии. Но о какой же буржуазии говорит

Струве? Не о той, которая сжилась с царизмом и им развращена? Нет. Он говорил о ней, как о непоследовательной, неспособной для борьбы за европеизацию. Либеральная буржуазия в лице Струве и др. связывала свои надежды с прогрессивной буржуазией, будь то в городе или в деревне. Основные условия европеизации в России прогрессивной городской и деревенской буржуазии—это развитие крупной промышленности, с одной стороны, и развитие крупного крестьянского хозяйства—с другой. «Оба эти течения (т. е. развитие крупной промышленности и крепкое крестьянское хозяйство.—А. А.) объединяются в мощном демократическом потоке»¹. Либеральная буржуазия в лице ее представителей Струве и др. являлась идеологом экономического прогресса.

Основная мысль, воодушевлявшая буржуазно-демократическую часть легального марксизма,—это борьба с самодержавием, борьба с крепостничеством. Но имея в виду эволюцию и перспективу развития их взглядов, можно сказать, что они в конце 90-х годов были левыми буржуазными либералами в отличие от умеренных либералов, которыми они стали позднее, в 900-е годы. В начале своей деятельности и после стачек 1896 г. до начала 900-х гг. у легальных марксистов тон по отношению к самодержавию весьма боевой: «уничтожение», «свержение»—их обычные фразы. В этот период их левизна сильно била в глаза. «Мы будем проповедывать,—писал Струве, открывая «Освобождение»,—не приспособление к существующему строю, подтачивающему силы нашего народа, а, наоборот, борьбу с ним». Они звали на борьбу с самодержавием как олицетворением невежества, взяточничества, беззакония всего феодально-бюрократического режима. Они не могли не быть сторонниками борьбы с самодержавием еще и потому, что уроки действительности говорили, что самодержавие не способно разрешить задачи, связанные с европеизацией России как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Но если после стачки 1896 г. Струве, левее, говорил об уничтожении самодержавия или ограничивался общими заявлениями, то к 1905 году он показал себя как сторонник монархического типа управления. И если в 90-х гг. струвизм и легальный марксизм именуя себя марксистским течением, то к революции 1905 г. от марксизма у них ничего не осталось.

Политика либерализма в рабочем вопросе определялась двумя моментами. В борьбе с самодержавием и старым укладом в промышленности, который самодержавие поддерживало, либерализм пытался опереться на рабочие массы. С другой стороны, он вынужден был политически оградить себя от опасности социалистической революции. Либерализм учитывал все значение рабочего движения 90-х годов. Его общая установка в отношении к рабочему движению заключалась в том, чтобы, используя силы пролетариата в борьбе с самодержавием, крепко опутать его сетями буржуазного влияния. Либерализм считал, что от борьбы двух полюсов (пролетариат и самодержавие) выиграют только умеренные либералы. Учитывая

¹ С. Булгаков, Капитализм и земледелие, т. II, стр. 456. Спб. 1900.

соотношение этих сил и конъюнктуру в разное время, либерализм должен уметь предъявлять свои требования. Самый факт существования рабочего движения подкрепляет либеральную оппозицию и заставляет с ней считаться. Поэтому нельзя игнорировать рабочее движение, а надо его использовать, направляя по западно-европейскому образцу.

Либерализм резко оформил свой исходный пункт. «Рабочему—экономическая борьба», «либералам—борьба политическая». А политические интересы рабочего, как полагал Струве, на основе постепенного укрепления их экономического положения, тем самым будут все более удовлетворяться. Не случайно, что Струве с самого зарождения экономизма поддерживал это течение, ибо как он, так и «экономизм» отдавали политическую гегемонию буржуазии.

Спрашивается, почему в 90-х гг., в разгар рабочего движения, направленного против предпринимателей, струвизм выражал в общем идеи буржуазии, заигрывая с рабочим движением? Струвизм, как либеральное течение в решении рабочего вопроса исходил не только из политических соображений, но и из правильно понятых экономических интересов капиталистов. Струве вместе с прогрессивной буржуазией полагал, что развитие законодательства в России ведет к более быстрому развитию техники, а значит и к торжеству крупного производства. С другой стороны, оно, по его мнению, ведет к усилению национальной индустрии в конкурентной борьбе за рынки. Так же обстоит дело и с *экономическими* *стачками*. Струвизм считал, что экономические стачки, которыми были окрашены 90-е годы, дополняли промышленный подъем, вскрывая не столько противоречия капитализма вообще, сколько противоречия отсталого, медленно выходявшего из полуфеодалных пут русского капитализма. Вообще с его точки зрения стачки являлись необходимой принадлежностью каждой мало-мальски европейской страны. И именно поэтому заигрывание струвизма с рабочим движением шло по линии увеличения зарплаты, сокращения рабочего дня. Это объективное совпадение на данном этапе борьбы прогрессивной буржуазии за развитие капитализма и борьбы рабочего класса против крепостнических остатков и было причиной того, что либерализм ухватился за наиболее острое орудие—за марксизм, превращая его в орудие борьбы с крепостническими остатками. Именно на этой почве возникли и легальный марксизм и «экономизм».

В оценке социального характера рабочего движения 90-х годов нельзя забегать, отрываться от той эпохи и той стадии развития капитализма, которую мы наблюдаем в 90-е годы. Это еще ранний этап капитализма, период промышленной революции, которая происходит в борьбе со старым укладом промышленности, свойственным полукрепостническому, дворянско-помещичьему укладу экономической жизни. Эта смена двух укладов и борьба двух путей в развитии промышленности обусловила и борьбу за новый уклад как во всех областях хозяйства и общественной жизни,

так и в положении и условиях труда рабочего класса. Смена двух укладов промышленности и является той базой, на которой происходит массовое стачечное движение. Эта смена и революция в промышленности подготовили и требовали смены форм взаимоотношений классов в самом процессе производства. Она требовала смены полуфеодальных, полукрепостнических отношений, соответствующих отсталому укладу промышленности, на более прогрессивные капиталистические отношения и нормальные при капитализме условия положения рабочего класса. Одним словом, смена старого уклада в промышленности подготовила и смену старого уклада в положении рабочего класса. Стачечная борьба 90-х годов, которая лежала на рубеже старого и нового уклада, носила на себе специфические черты этой эпохи. Здесь именно ключ к объяснению характера содержания и результатов рабочего движения 90-х годов. Стачечная борьба 90-х годов, направляясь в конечном счете против капиталистического гнета и устоев капитализма вообще, *на данном этапе и по своему содержанию и по своим результатам направляясь против его специфической отсталой полуфеодальной, полукрепостнической формы, против всех видов кабальной эксплуатации.* Необходимо обратить особое внимание, что в тот период развития капитализма *русский рабочий класс*, как удачно говорил Плеханов, *«страдал не только от капитализма, но и от недостатка развития капитализма».*

В этот ранний период развития капитализма рабочий в основном боролся как за «программу минимум» еще за нормальные при капитализме условия своего существования, за прожиточный минимум, получаемый в нормальных капиталистических странах, против кабальных условий, не обеспечивающих этот минимум.

Здесь надо искать объяснения, почему главной массой бастующих были текстили (более 50% всех бастовавших рабочих), предприятия и районы с наиболее отсталой техникой (Урал). Ряд исследователей, в том числе и Астров, неверно объясняют преобладание в стачечном движении отсталых отраслей производства изменением состава слоев рабочих вследствие изменения связи с деревней. На самом деле это было связано с преобладанием в этих отраслях промышленности отсталых форм капитализма, против которых при всех прочих равных условиях и направлялась борьба рабочих. Движущей силой классовой борьбы у Астрова является связь с деревней. Связь изменилась—значит возникают стачки. Неверная схема.

Неправильно также подгонять причины стачечного движения 90-х годов под аналогии с западноевропейским трэд-юнионизмом в его развитых формах. Если искать аналогии с западноевропейским рабочим движением, то надо искать их в более ранних стадиях.

Но эта борьба рабочих масс против полукрепостнических форм эксплуатации на основе промышленной революции, за сокращение рабочего дня, за рабочее законодательство, за повышение зарплаты, за свободу экономической борьбы лежала по пути развития капитализма. Этой борь-

бой рабочий класс одновременно расчищал путь развития капитализма от старых полукрепостнических остатков, которые мешали этому развитию. Крепостнические же остатки так крепко сидели в промышленности и в отсталых слоях предпринимателей и имели такую сильную опору в самодержавии, в дворянско-помещичьем извращении капиталистического развития промышленности (в виде, условно выражаясь, «прусского пути»), что рабочему классу, при слабости и неустойчивости так называемых прогрессивных слоев буржуазии в борьбе с дворянско-помещичьим слоем, приходилось отвоевывать нормальные капиталистические условия труда развитию производства и производительных сил тяжелой и чрезвычайно медленной борьбой.

В то время передовым фабрикантам необходимо было быстрее формирование класса «чистых», квалифицированных и культурных рабочих, как это требовали предприниматели Юга, в то время как им необходимо было освобождение капитализма из полуфеодальных пут, в которых он появился на свет в России, масса паразитической и консервативной буржуазии старой формации оказывала этому отчаянное сопротивление и целиком поддерживалась в этом направлении самодержавием. И действительно, громадная масса русских рабочих, та самая, которую Витте и Трепов расстреливали и ссылали, вела отчаянную борьбу за создание из себя класса, столь нужного горнопромышленникам Юга и вообще нормальному развитию капитализма. Рабочему классу России пришлось завоевать условия для свободного развития буржуазного способа производства против воли и сознания большинства заводчиков и фабрикантов и при их отчаянном сопротивлении. Таким образом, миссия толкать вперед буржуазное развитие падает на пролетариат на протяжении всего периода восходящего капитализма, начиная с самого его зарождения.

В 90-х годах общее стачечное движение рабочих против полукрепостнических форм эксплуатации, за «нормальные» условия труда рабочего класса при капитализме против отсталых форм его совпало с рождением и борьбой за развитие капитализма прогрессивной буржуазии. Новой нарождающейся буржуазии была выгодна эта экономическая борьба рабочих, ибо она была направлена в первую очередь против отсталых форм капитализма и расшатывала их. Это соответствовало интересам общего развития капитализма. Борьба за экономические интересы рабочего класса против крепостнических отношений по существу своему была борьбой за реформы капиталистического характера, не устранявшие корней капиталистической эксплуатации. Буржуазия не возражала против такой борьбы и сама ее готова была насаждать. Она возражала лишь против той борьбы, которая была направлена против капитализма в целом, против такой борьбы, в которой рабочий класс хочет играть руководящую роль, а не быть орудием в руках буржуазии.

Целые слои предпринимателей в период стачечного движения шли на уступки потому, что в общем и целом улучшение положения рабочих шло по пути развития производительных сил. Подъем промышленности облег-

чал этот переход на новые рельсы и создавал для этого условия. Это совпадение путей борьбы буржуазии и пролетариата, хотя и не сознаваемое рабочим классом, нашло отражение «в уступчивости» буржуазии. Это в свою очередь и могло послужить основой, фундаментом, которого никак не могут найти ряд наших исследователей, для иллюзий в возможность мирного реформистского движения и известного доверия к буржуазии в экономической борьбе. Такие иллюзии могли создаться не только в отдельных отсталых слоях, но и в массе рабочих. Ибо совсем нет необходимости изощряться в специальных исследованиях для доказательства *особых* причин отсталости известных слоев рабочих масс. Эти причины отсталости лежали не во временных изменениях состава рабочих масс, вернее, не столько в них, сколько в условиях раннего этапа развития капитализма. Это именно тот период, когда рабочий класс еще только формировался в класс для себя, по мере развития самого капитализма в России. В этот период рабочий класс, как и во всех европейских странах, еще в огромной своей части был связан с деревней. Периодические изменения в составе рабочего класса, какие мы наблюдали в 90-х годах и которые ввели в заблуждение Астрова, лишь обычные процессы, сопровождающие формирование и развитие капитализма. Другое дело, что формирование рабочего класса в класс «для себя» шло быстрее темпом. Но недостаточное еще оформление рабочего класса, как класса «для себя» в тот период—это не уклон, как думает Астров, а ступень в рабочем движении. Нечего здесь рядить рабочий класс или в европейский или в крестьянский костюм.

Ленин весьма ясно говорит о том, что «во всех капиталистических странах пролетариат неизбежно тысячами переходных ступеней связан со своим соседом справа: с мелкой буржуазией. Во всех рабочих партиях неизбежно образование более или менее ярко обрисованного правого крыла, которое в своих взглядах, в своей тактике, в своей организационной «линии» выражает тенденции мелкобуржуазного оппортунизма. В такой мелкобуржуазной стране как Россия в эпоху буржуазной революции, в эпоху первых зачатков молодой Рабочей с.-д. партии эти тенденции не могли не проявиться гораздо определеннее, ярче, чем где бы то ни было в Европе»¹. В других странах, скажем во Франции, в аналогичный период развития рабочий класс делал революцию вместе с буржуазией и под ее знаменами. Конечно, у нас и не могло идти выступление рабочего класса под знаменем буржуазии, потому что за 12 лет до разбираемого нами периода совершенно законченно сложилась идеология рабочего класса. За 12 слишком лет зрела и крепла идея гегемонии пролетариата в буржуазной революции, в то время как буржуазия «выключивала субсидии у самодержавия». Но в один исторический момент в очень своеобразной форме переход массы рабочих на революционный путь встретился с борьбой либеральной буржуазии. Это тем более возможно, что, как

¹ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 70.

говорит Ленин, «в период буржуазной революции и самой буржуазии не «чужды иллюзии победы», свободы, равенства и братства, иллюзии водворения мира на земле, отсутствие классовой розни, внутри угнетенного монархией и средневековым «народа», иллюзий не буржуазной, а общечеловеческой республики».

Неудивительно, что когда в борьбе за прогрессивные формы развития производительных сил, прежде всего такой производительной силы как сам рабочий класс, борьба последнего объективно совпала, скрестилась с борьбой буржуазии, то это попытались использовать враги рабочего класса—ревизионисты и сама либеральная буржуазия. Они делали эту попытку, чтобы закрепить рабочий класс, как «союзника» буржуазии, посеять иллюзии в реформистский путь развития, т. е. насаждать «европейский» реформистский тип рабочего движения. Самый блок ортодоксального марксизма с потенциальными либералами в середине 90-х годов был также своеобразным проявлением отмеченного нами совпадения. Струве начал с блока с последовательным марксизмом, а потом пришел через провозглашение пропаганды идей Бернштейна в России («Новое слово», «Начало») к «Освобождению». И ответ на вопрос, почему ортодоксальные марксисты нашли союзника в лице легального марксизма, кроется в совпадении задач буржуазии и пролетариата по линии борьбы с феодальными остатками в эпоху промышленной революции.

Здесь особенно важно подчеркнуть, что экономизм не был случайностью, недоразумением, не имевшим экономического фундамента. Наоборот, *он был зарождением второго пути рабочего движения на базе известных взаимоотношений с буржуазией, сложившихся в период промышленной революции.* В дальнейшем эта тенденция в рабочем движении воспроизводилась в другой обстановке в разное время.

Рабочие идеологи и пропагандисты ошиблись, полагая, что рабочий класс сможет только экономической стачечной борьбой завоевать себе при капитализме хотя бы нормальные условия труда. Буржуазия не дала и не могла дать рабочему классу даже капиталистический прожиточный минимум, да и в дальнейшем она не смогла обеспечить «европейский путь» развития ни за собой, ни за рабочим классом. Когда в рабочем движении наметились социалистические тенденции и выявилась роль пролетариата как гегемона революции, буржуазия предпочла союз с самодержавием союзу с рабочим классом, расчистив себе все же благодаря борьбе рабочего класса в 90-е годы пути дальнейшего капиталистического развития.

С другой стороны, в самом процессе борьбы с фабрикантами и предпринимателями рабочий класс натолкнулся на самый худший остаток крепостничества—самодержавие, которое являлось главным препятствием в борьбе с капитализмом. Этот опыт рабочих масс в период стачечной борьбы, наряду с разразившимся кризисом, а также вместе с неразрешенными противоречиями в самом положении рабочего класса, и послужил основой перехода экономической борьбы в политическую. Очищение промыш-

ленного развития и условий труда от крепостнических остатков продолжало идти чрезвычайно медленным и мучительным путем. Пролетариат несмотря на свою героическую борьбу продолжал нести на своих плечах всю тяжесть крепостнических остатков вплоть до революции 1917 г. Все это переплетаясь обостряло общие противоречия капиталистического развития и обусловило дальнейший ход рабочего движения в сторону мобилизации всего рабочего класса под знамя непримиримой революционной борьбы.

Задачи буржуазно-демократической революции не были разрешены не только в сельском хозяйстве и в общих условиях развития промышленности, но и внутри самой промышленности и прежде всего в условиях основной производительной силы рабочего класса.

А. Алексеева

К ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ В ФИНЛЯНДИИ *

(1917—1918 гг.)

Февральская революция 1917 г. и ликвидация российского царизма оказались для Финляндии совершенно неожиданными. Несмотря на свою вековую автономию и старинную «конституцию» Финляндия, особенно во время империалистической войны, была превращена Николаем II и К^о в бесправную «российскую окраину». Финляндский рабочий класс оказался абсолютно не подготовленным ни к Февральской, ни к Октябрьской революциям. Главной причиной этого было отсутствие в то время в Финляндии большевистской партии. Тогдашние вожди финляндского пролетариата были не большевиками-коммунистами, а «центристами—социал-демократами». Они совершили непоправимую историческую ошибку, упустив в ноябре 1917 г. благоприятный момент превратить всеобщую революционную забастовку в пролетарскую революцию. Они не последовали тогда совету В. И. Ленина, данному им осенью 1917 г., накануне нашего Октября. Вот его слова: «Вставайте, вставайте немедленно и берите власть в руки организованных рабочих»¹.

Если финских рабочих наша революция застала врасплох, и они не сумели воспользоваться ее уроками, то финляндская буржуазия в своей наиболее активной части была подготовлена к контрреволюционной борьбе с нашей и финляндской пролетарской революцией. Недаром финляндские активисты того времени были еще во время мировой войны искусными агентами и шпионами германского империализма, с помощью которого они надеялись «освободить родину» от гнета России. Недаром они прошли в те годы школу конспиративной, реакционной работы².

* Помещая воспоминания т. Смирнова, редакция отмечает, что автор совершенно правильно подчеркивает заслуги «Волны», но недостаточно критически относится к первому периоду ее работы. Утверждение, что «Волна» с первого момента своего существования вела ясную, четкую большевистскую линию (стр. 73), не соответствует действительности, так как до опубликования апрельских тезисов Ленина она по ряду вопросов сбивалась на позиции Каменева. Редакция.

¹ Слова Ленина приводятся в «Открытом письме к т. Ленину» от 3 сентября 1918 г. Учредительного собрания Финляндской коммунистической партии (Сборник статей «Финляндская революция», Госиздат, Москва 1920 г., стр. 26). См. также брошюру О. В. Куусинена: «Революция в Финляндии (самокритика)». Петроград 1919 г. Эта работа т. Куусинена приводится в вышеупомянутом сборнике.

² См. В. Смирнов «К десятилетию пролетарской революции в Финляндии» («Пролетарская революция», 1928 г., №№ 2 и 4).

Февральская революция началась в Финляндии с «некоторым запозданием»—16—17 марта (нов. ст.) и на первых порах это была «чисто русская», военная революция (по выражению финляндских белогвардейских историков). Вечером в пятницу 16 и в субботу 17 марта в Гельсингфорсе и в др. местах Финляндии происходили восстания матросов и солдат против царских офицеров. В числе других офицеров тогда был убит и командующий Балтийским флотом вице-адмирал Непенин. Финские рабочие стояли еще тогда совершенно в стороне от этих революционных событий, и перепуганная не на шутку финляндская буржуазия была этим весьма довольна. В Гельсингфорсе и в других городах 17 марта происходили чрезвычайно внушительные, но по преимуществу военные демонстрации. На улицах в течение этого дня неоднократно раздавалась ружейная и пулеметная стрельба. Руководящую роль в этих событиях играли моряки Балтфлота, большая часть судов которого во время войны находилась в Гельсингфорсском порту.

В образовавшемся вечером 17 марта в Гельсингфорсе совете депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта до конца сентября (нов. ст.) 1917 г. преобладали эсеры и меньшевики. Эсеры были почти исключительно «мартовские». После Февральской революции в Финляндии наблюдалось в самых широких размерах то же самое явление, которое тогда имело место и по всей России: всевозможные обыватели, главным образом офицеры, военные врачи, даже генералы и др., моментально превращались в эсеров. Эсеры на первых порах преобладали повсюду, не только среди солдат, но и среди моряков. Лишь линейный корабль «Республика» (раньше «Павел I») и отчасти «Петропавловск»¹ были после Февральской революции оплотом большевизма. Однако среди расположенных в Финляндии русских войск и главным образом среди моряков Балтфлота происходил быстрый процесс полевения. Уже на III Финляндском областном съезде советов, происходившем в 20-х числах сентября (по нов. ст.) 1917 г., преобладали большевики. В избранный на этом съезде Областной комитет вошел всего один меньшевик при 37 большевиках и 27 левых эсерах. В октябрьские дни в Питере моряки Балтфлота сыграли, как известно, славную роль героических борцов пролетарской революции.

Такому полевению, такой большевизации в значительной степени содействовала работа большевистских организаций в Финляндии и в частности большевистской печати.

¹ Тов. Ф. Ильин (Раскольников) в ст. «Объезд Финского побережья в 1917 г.» (относится к июню 1917 г.) констатирует: «В общем здесь (т. е. в Гельсингфорсе) царило эсеровское засилье, которое давало себя чувствовать даже на кораблях.

Только «Республика» и «Петропавловск» имели репутацию двух цитаделей большевизма. При этом на «Республике» большевизм господствовал безраздельно, вплоть до того, что весь судовой комитет был целиком под влиянием наших партийных товарищей, тогда как на «Петропавловске» наряду с большевистским течением, завоевавшим настроение большинства, еще заметно пробивалась анархическая струя» («Красная летопись», 1925 г., № 1, стр. 222).

После Февральской революции в Финляндии начал выходить целый ряд русских газет. Вместо ненавистой для всех финляндцев черносотенной «Финляндской газеты», этого официального органа господ обрушителей, издававшегося притом на средства финляндской казны, появляются новые, отчасти также «официальные» органы созданных революцией организаций. Через несколько дней после образования в Гельсингфорсе 17 марта (нов. ст.) Совета депутатов и его Исполкома в хорошо оборудованной типографии «Финляндской газеты» начинают печататься «Известия гельсингфорсского совета депутатов». Само собой разумеется, что пока в Совете преобладали эсеры и меньшевики, т. е. до конца сентября или начала октября (нов. ст.) 1917 г., направление этой газеты было чисто оборонческим. Временное правительство и его агенты в Финляндии (ген.-губернатор—«левый» октябрист Стахович, его преемник—кадет Некрасов и др.) в общем находят поддержку со стороны «Известий»¹.

Из партийных газет вскоре после Февральской революции в Гельсингфорсе начала выходить эсеровская «Народная нива». После возвращения в мае из эмиграции «свеаборгского героя» капитана Циона она перешла в его руки и превратилась в ярый антибольшевистский орган, который вел с пеной у рта погромную кампанию против большевиков. После Октябрьской революции эта газета, насколько я помню, была закрыта Гельсингфорским советом, но вскоре стала снова выходить. По крайней мере ее вдохновитель правый эсер Цион был арестован и отправлен в Питер, откуда он через несколько дней «благополучно» прибыл обратно в Гельсингфорс.

В середине апреля (нов. ст.) 1917 г. в Гельсингфорсе начала выходить подлинно пролетарская, большевистская газета «Волна». Уже самое название «Волна», равно как и «Прибой», служивший продолжением закрытой после июльских дней «социалистом» Керенским «Волны», ясно говорит, для кого в первую очередь предназначалась эта газета. Впрочем, в первом же номере «Волны» было точно обозначено: «Орган свеаборгского матросского коллектива РСДРП». Однако в «Волне», вместо упомянутого обозначения, очень скоро появилось другое, а именно: «Орган гельсингфорсского комитета РСДРП». И, действительно, сначала «Волна», а с первых чисел августа (по нов. ст.) 1917 г. «Прибой», является нашим партийным органом в Финляндии. Несмотря на то, что ее читателями, в первую голову, были моряки, «Волна», разумеется, была газетой не одних матросов, а всех примыкавших или сочувствовавших в Финляндии партии большевиков, т. е. большевистски настроенных русских моряков, солдат и рабочих. А русских рабочих (работавших во время империалистической войны в Финляндии по возведению укреплений, а также более квалифицированных рабочих, особенно металлистов, работавших «на обо-

¹ В Финляндии после Февральской революции выходили и др. «официальные» газеты: «Известия армейского комитета 42-го корпуса», «Финляндские известия», «Выборгский солдатский листок» и др.

рону» в Свеаборгском порту в Гельсингфорсе) было немало. Вряд ли простой случайностью было избрание первым председателем Гельсингфорского совета депутатов рабочего-металлиста Хильяни (собственно Хильянен). Его впрочем вскоре сменил бывший морской офицер-большевик С. А. Гарин (С. Гарфельд.)

Начало «Волны» совпадает с началом партийной большевистской работы в Гельсингфорсе. Об основании «Волны» мы находим интересные данные в статье т. Дингельштедта ¹, приехавшего с тт. Женевским и Жемчужным в составе кронштадтской делегации в Гельсингфорс в конце марта (по стар. ст.) для постановки партийной большевистской работы и партийного органа.

Выход первого номера «Волны» относится к 30 марта (12 апреля) 1917 г. Первые шесть номеров газеты были выпущены в частной типографии Рыбакова ². Следующие же номера «Волны», до перехода ее в июне в собственную типографию в казарме на Маринской улице, печатались в превосходно оборудованной типографии Финляндского сената. Такая «странная» комбинация—печатание большевистской газеты в правительственной типографии (после Февральской революции в конце марта в Финляндии образовался коалиционный—с.-д. и буржуазный—сенат или правительство)—оказалась возможной благодаря «любезности» с.-д. Токой, главы нового правительства. Токой, очевидно, тогда считал себя левым с.-д. После же подавления финляндской пролетарской революции в 1918 г. Токой, занимавший в революционном рабочем правительстве пост народного уполномоченного (комиссара) по продовольствию, оказался чистейшим ренегатом и в настоящее время состоит редактором одной финской с.-д. газеты в Америке. Весной же 1917 г. он оказал нашей партии немалую услугу, предоставив возможность печатать «Волну» в лучшей в Гельсингфорсе типографии ³.

В связи с вопросом о месте печатания этой газеты мне припоминается следующая небольшая подробность. По просьбе т. Жемчужина я обращался по этому делу к редактору главной в то время в Финляндии с.-д. газеты «Тюэмиес» Э. Валпасу. Я просил его устроить в типографии его газеты печатание русской партийной газеты. В этой типографии когда-то (в 1901 г.) было по моей просьбе тайно отпечатано несколько прокламаций Питерского комитета РСДРП. Валпас, не возражая в принципе против самого проекта печатания в типографии «Тюэмиеса» русской газеты, обещал не замечать этого. Другими словами, он не хотел брать на себя никакой ответственности за возможные для типографии послед-

¹ Ф. Н. Дингельштедт, «Весна пролетарской революции» («Красная летопись», 1925 г., № 1, стр. 213).

² Александр Женевский, «Несколько поправок к статье Ф. Дингельштедта «Весна пролетарской революции», «Красная летопись», 1925 г., № 1, стр. 215.

³ «Жемчужину. — рассказывает т. Дингельштедт, — удалось с ним очень быстро столковаться, так как, узнав, что мы социал-демократы, он сразу растаял». «Красная летопись», 1925 г., № 1, стр. 213.

ствия. Этот ответ для него очень характерен, так как Валпас вообще не любил ни в чем брать на себя какую-либо ответственность. А между тем он в глазах финляндской буржуазии был олицетворением крайнего радикализма финляндской социал-демократии. Валпасу, однако, не пришлось «закрывать глаз» на печатание «Волны», так как она стала выходить в сенатской типографии.

Само издание большевистской газеты в Гельсингфорсе было налажено товарищами, прибывшими из Петрограда, или вернее—из Кронштадта. Но наряду с ними большую энергию в работе по постановке нашего партийного органа проявили большевики из моряков Балтфлота—П. Е. Дыбенко, Марусин (матрос с «Республики») и др. Они сделали сбор на «Республике», выпустили 2—3 воззвания и бюллетень резолюций с отдельных кораблей, обращались в Петроград в ПК с просьбами «чтобы кого-нибудь прислали для руководства (партийной работы.—В. С.), главным образом для изданий газеты»¹. В результате их просьб и посылки делегации в ПК, по словам т. Дыбенко, в качестве редактора приехал, наконец, т. Жемчужин, который «ретиво взялся за работу»... Выпустили первый номер газеты «Волна». Это была газета маленького формата, небогатая красноречивыми статьями, но зато она выражала именно то, что внутренне требовал каждый матрос. Газетка нашла широкий отклик в матросской массе. Она утвердилась и распространение ее росло». Товарищ Дыбенко первым редактором «Волны» упоминает т. Жемчужина, между тем как на самом деле первым ее редактором был т. А. Женевский². Ошибка Дыбенко объясняется, очевидно, тем, что товарищи, приехавшие вместе с т. Жемчужиным, наладив большевистскую партийную работу и поставив в Гельсингфорсе партийный орган, через несколько дней оттуда уехали. Жемчужин же остался там работать и в дальнейшем и, действительно, некоторое время был редактором «Волны». Перед приходом в апреле 1918 г. в Гельсингфорс германских войск он не уехал вместе с др. товарищами в Петроград, решив продолжать в Финляндии революционную работу. Это по тогдашним условиям означало—итти на верную смерть. Действительно после разгрома финляндской рабочей революции он был расстрелян финляндскими белогвардейцами. Я с т. Жемчужиным встречался почти ежедневно в течение целого года и хорошо его знал. Этот излишне резкий на вид молодой человек в действительности был отзывчивым, хорошим товарищем и одним из наиболее самоотверженных борцов пролетарской революции. Естественно, что финляндские белые палачи не пощадили его и расправились с ним так же зверски, как они расправлялись с другими захваченными товарищами, которые во время гражданской войны в Финляндии сражались в рядах финляндской Красной гвардии.

В начале мая (по нов. ст.) 1917 г. в Гельсингфорс приехал на парт-

¹ П. Е. Дыбенко, «Мятежники», изд. «Красная новь», 1923 г., стр. 32.

² Ф. Н. Дингельштедт, «Красная летопись», 1925 г., № 1, стр. 213.

работу и в частности для редактирования «Волны» т. Леонид Николаевич Старк, ныне полпред в Афганистане. Литератор по профессии, он быстро оживил «Волну», сделав ее более интересной и многосторонней. В ней тогда появился, между прочим, финляндский отдел, вести который он поручил мне. Он пригласил меня на постоянное сотрудничество в газете по совету т. Е. Д. Стасовой, которая знала меня еще по моей старой партработе с 1901 года.

Несколько позднее, в июне 1917 г., в Гельсингфорс приехал т. Антонов-Овсенко, недавно перед тем вернувшийся из эмиграции. Мы с ним были старые знакомые, так как в 1907 г. после побега из тюрьмы он два месяца скрывался в Финляндии. Первое время он жил у меня в Гельсингфорсе; позднее же мне через финляндских активистов¹ удалось найти для него подходящее «местожительство» в деревне. Тов. Антонов-Овсенко некоторое время редактировал «Волну» и вообще летом 1917 г. развернул в Гельсингфорсе в полном объеме свои организаторские, пропагандистские и агитаторские способности.

Работа т. Антонова-Овсенко прервалась его арестом 28 июля (нов. ст.) и закрытием «Волны». В сентябре же он снова на короткое время вернулся на работу в Гельсингфорс.

Здесь же упомянем и о других редакторах и сотрудниках нашей большевистской газеты в Финляндии. В «Прибое», преемнике закрытой «Волны», осенью 1917 г. некоторое время в качестве редактора работал т. И. Смилга, который был председателем Финляндского областного комитета, избранного в конце сентября на III Областном съезде. Далее в «Волне» (или позднее в «Прибое») принимали участие тт. С. Воложский, М. Рошаль (брат т. Семена Рошалья), матросы Светличный (был расстрелян финляндскими белогвардейцами в 1918 г.), А. Лебедев, Дейко-Суворов и другие. Трое последних были редакторами «Прибоя». Кроме того в газете помещались статьи и заметки и многих других лиц, главным образом матросов.

Вообще с кораблей и из казарм в редакцию поступало много материала в виде протоколов собраний, писем в редакцию, воззваний, резолюций и приветствий, причем нередко подобные резолюции соединялись с пожертвованиями в железный фонд газеты. Одним словом, главными сотрудниками первого большевистского органа в Гельсингфорсе были представители широких пролетарских масс—сами матросы и солдаты и рабочие. Точно так же и техническую работу по экспедиции газеты выполняли в первую очередь матросы. Из них я особенно отчетливо помню т. Луханина (матроса с «Республики»). К сожалению, я не могу припомнить имени одного товарища, переплетчика по профессии, который особенно усердно работал в «конторе» «Прибоя». Позднее, в июне 1918 г., я видел его в Петрограде на похоронах финляндского товарища В. Борга,

¹ Буржуазные «революционеры» в 1904—1907 гг. во время империалистской войны, главные германские шпионы и агенты в Финляндии, злейшие враги рабочих во время гражданской войны 1918 г.

оказавшего в Финляндии много услуг нашей партии. Весной и летом 1917 г. технической работой в «Волне» также занималась приехавшая из Питера Ася Никитична, впоследствии жена т. Старка, корреспондент ТАССА, скончавшаяся в 1928 г. в Кабуле.

Как сейчас, я помню две скромные комнаты в казарме на Маринской улице, где помещались с мая 1917 г. редакция и экспедиция «Волны». В первой комнате на стене висел, между прочим, аншлаг, запрещающий под угрозой штрафа в 25 пенни рукопожатия. На первых порах я неоднократно по рассеянности нарушал это постановление и уплачивал в пользу газеты упомянутый штраф. Любопытно отметить, что сначала редакция «Волны» находилась на Высокогорной улице в квартире бывшей русской жандармерии. В казарме же на Маринской улице помещался партийный комитет нашей партии. Я жил в нескольких шагах отсюда и обыкновенно ежедневно по несколько раз заходил в «Волну», особенно когда туда же было переведено и печатание ее.

О той тесной, живой связи, которая существовала между нашей маленькой большевистской газетой и ее пролетарскими читателями, красноречиво свидетельствовали также печатавшиеся в ней многочисленные «приветствия». Написанные подчас несколько наивно и малограмотно, подобные приветствия, воззвания и резолюции являлись подлинным литературно-политическим творчеством широких народных масс, только что сбросивших с себя вековой гнет самодержавия. Несколько выдержек из этих произведений дадут ясное представление о той моральной да и материальной поддержке, которую наш парторган встречал со стороны матросов и солдат в Финляндии.

Так, например, в № 14 «Волны» от 15/IV (ст. ст.) мы читаем приветствие солдат 5-й роты 310-го пехотного Волховского полка: «От души приветствуем издательство газеты «Волна», как первый орган в г. Гельсингфорсе, отстаивающий интересы пролетариата; имея живейший отклик в душе каждого из нас на призыв поддержать издательство, покорнейше просим принять от нас, солдат... восемь марок, двадцать пять пени и десять копеек в железный фонд газеты».

Не следует упускать из виду, что «Известия гельсингфорсского совета депутатов» начали выходить почти на месяц раньше «Волны». Но эта газета, пока в ней распоряжались меньшевики, не удовлетворяла рядового, революционно настроенного читателя.

В том же 14 номере «Волны» помещено обширное письмо «Артиллериста», заключающее в себе пламенный призыв к «товарищам-артиллеристам Свеаборгской крепости» поддерживать «Волну». «Зачем нам буржуазные газеты,—спрашивает он,—если у нас существует своя газета «Волна», которая борется за наши интересы и которая распространяет только те лозунги, которые нам желательны, и которая существует только на средства товарищей солдат, матросов и рабочих... Она взялась с ничего, ей мы обязаны помогать своими средствами, чтобы она существовала и выводила нас из омула буржуазной прессы»... «Стыдно, това-

рищи, нам смотреть из-за угла, как жертвуют другие на революционную «Волну», а не принимать в пожертвовании участия нам, революционерам еще 1906 г.»¹. Товарищи, если не будет никто жертвовать, то газета должна закрыться, буржуазия уведет нас в темный угол... и возьмет нас голыми руками». На «Волну», как мы видим, автор письма смотрит как на могучий орган борьбы с буржуазией.

Автор другого письма видит в ней «своего доброго друга—учителя» и желает, чтобы «и впредь газета была на страже интересов народа». Он был уполномоченным команды свеаборгского расходного продовольственного магазина. При его письме также препровождалась в железный фонд «Волны» скромная лепта»². В том же самом номере (под тем же общим подзаголовком: «Приветствия») помещено письмо артиллеристов 1-й роты, 1-го свеаборгского крепостного артиллерийского полка, посылавших денежную поддержку для того, чтобы «названная газета смело продолжала обращаться ко всему миру с лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Там же мы читаем приветствие группы командиров 3 башни линейного корабля «Петропавлоск», которые приветствовали «от всеї души орган печати Российской социал-демократической рабочей партии»... и, «желая поддержать ее в тяжелой борьбе с буржуазной прессой», посылали собранные между ними деньги 9 р. 29 к. и 1 марку (финскими) «в железный фонд героической «Волны».

Команда заградителя «Нарова», «руководимая чувством долга и желанием поддержать орган свободного и великого пролетариата, вносит в ее железный фонд свою скромную лепту в размере 18 р. 5 к. и 94 марки 58 пенни». Вместе с этим команда шлет свой сердечный привет «Волне» и горячее пожелание быстрого политического роста газеты на страх буржуазии. Да здравствует «Волна»!³.

В № 29 от 17/V (нов. ст.) мы читаем: «Много борцов погибло за свободу народа... много веков они, как волны, шли на приступ гранитной твердыни насилия и зла над свободным человеческим духом»... Это поэтическое приветствие подписано: «Товарищи матросы 6-го дивизиона подводной лодки Б.М.». Они также посылали собранные среди них деньги в железный фонд «Волны».

Приведенные примеры ясно говорят о той сильной поддержке, которую широкие массы русских рабочих и матросов, находившихся в то время в Финляндии, оказывали нашему парторгану. «Волна» не только соответствовала требованиям и запросам передовых и сознательных матросов, солдат и рабочих; она мощно содействовала большевизации Балтфлота и расположенных в Финляндии войск. Влияние этой маленькой и скромной на вид газетки было в действительности огромным.

Как видим; массовый читатель «Волны» считал революционным

¹ В 1906 г. произошло, как известно, свеаборгское восстание. Возможно, что автор письма принимал участие в этом восстании.

² «Волна» № 26 от 13/V 1917 г.

³ «Волна» № 15 от 16/IV (ст. ст.) 1917 г.

долгом из своих скудных средств уделять «посильную лепту» в железный фонд газеты. Последний составлялся, главным образом, из подобных взносов. На 13 апреля (ст. ст.) в нем значилось (с раньше поступившими) финскими деньгами 2 035 марок 44 пенни и русскими 2 256 р. 86 к. 1. С 20 по 30 апреля (ст. ст.) поступило 4 240 фин. марок 1 пенни. Из этой суммы 4 000 марок получено было от финского с.-д. коммунального совета г. Гельсингфорса. Вместе с прежде поступившими в железный фонд «Волны» деньгами получалась сумма в 15 286 марок 73 пенни 2. Сумма для того времени значительная.

Пожертвования в железный фонд «Волны» являлись откликом на призывы, печатавшиеся в газете. Так, например, в том же номере (27) было помещено следующее воззвание: «Товарищи солдаты, матросы и рабочие! Знайте, что рабочая матросская и солдатская газета может существовать только при вашей поддержке. Делайте сборы в железный фонд «Волны».

Средства в железный фонд постфпали и от наших финских товарищей. Я помню, например, что 30 июня (нов. ст.) 1917 г. секретарь правления (т. е. ЦК) финляндской с.-д. партии передал мне для «Волны» значительную сумму (сколько, точно не помню, во всяком случае несколько тысяч марок) для покрытия части расходов по приобретению «новой» (на деле старой) типографской машины.

Для этой же цели были открыты особые сборы среди читателей нашей газеты, печатавшей следующий красноречивый призыв: «К нашим друзьям». «Товарищи! Для того, чтобы «Волна» могла выходить регулярно, для того, чтобы расширить ее, увеличить в объеме и ввести новые отделы, необходимо приобретение *своей* партийной типографии. На это нужны специальные средства. Гельсингфорский комитет РСДРП призывает все партийные коллективы и всех товарищей и всех сочувствующих приступить немедленно к сборам в фонд партийной типографии. Приступайте скорей! Время не ждет!.. Гельсингфорский комитет РСДРП» 3.

Через некоторое время было действительно проведено увеличение объема «Волны», выходявшей вначале в самом маленьком формате (4 стр., в 4 столбца).

Кроме пожертвований, сборов и отчислений в железный фонд «Волны» (например, во время организации ее моряки «Республики» постановили из корабельной кассы отчислить (1 000 руб.) 4, доход поступал и от продажи газеты. Ее продавали не только в Финляндии, но и в Питере, куда она ежедневно пересылалась специально для этого ездившими матросами и где она продавалась на улицах. Кроме того «Волна» распространялась и в Ревеле. Гельсингфорский комитет, обсуждая 12 мая

1 «Волна» № 14 от 15/IV 1917 г. (ст. ст.).

2 Там же № 27 от 15/V 1917 г. (нов. ст.).

3 «Волна» № 31 от 20 мая (нов. ст.) 1917 г.

4 Ф. Н. Дингельштедт, «Весна пролетарской революции», «Кр. лет.», 1925, № 1, стр. 213.

(нов. ст.) вопрос о распространении «Волны», постановил «войти в сношение с Ревельским комитетом РСДРП о распространении «Волны» в Ревеле: исполнительной комиссии предложено было командировать для этого в Ревель специального делегата ¹.

Само собой разумеется, никакого гонорара за статьи и заметки в «Волне» не платили. Наоборот, сотрудники, по мере возможности, сами оказывали газете материальную поддержку.

Наша большевистская газета в Гельсингфорсе выходила, главным образом, на трудовые гроши своих читателей при товарищеской поддержке со стороны финских рабочих организаций. Каждому представителю коллектива на кораблях или в казармах вменялось в обязанность ежедневно брать известное количество номеров газеты «Волны» для распространения на местах ².

С первого же момента своего существования «Волна» вела ясную, четкую большевистскую линию. Изю дня в день она на различных конкретных примерах беспощадно разоблачала реакционную буржуазную природу Временного правительства и империалистический характер политики гг. Милюковых, Гучковых и К^о. Не церемонилась «Волна» и с Керенским, который всячески старался «умиротворить» революционных моряков Балтфлота. Я помню, как во время одного из приездов Керенского в Гельсингфорс (кажется, в июне 1917 г.) т. Жемчужин в сатирической, резкой статье, направленной против него, остроумно воспользовался одной из басен Крылова, называя при этом Керенского уже без всяких церемоний попросту «господином», тогда как в Гельсингфорском совете его величали «народным министром», «товарищем» и т. п.

Здесь уместно напомнить, что Временное правительство, как правильно констатирует т. Дыбенко, потеряло свою власть и свое влияние над Балтийским флотом не в конце сентября 1917 г., как это обыкновенно считалось, а еще в апреле. Уже в № 25 «Волны» от 29 апреля (по ст. ст.) матрос Линяев заканчивает свою статью о земле заявлением, «что Временное правительство не наше», что оно «должно быть отстранено от своего поста, его место должен занять Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Заключительным аккордом звучит восклицание автора: «Да здравствуют Советы рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов!.. *Долой Временное правительство!*» (курсив наш).

Требование о переходе *всей* власти в руки советов «Волна» выставляла и развивала изю дня в день вплоть до июльских событий. Точно так же «Волна» вела решительную кампанию против соглашательской политики меньшевистских и эсеровских «вождей» Петроградского совета.

¹ «Волна» № 27 от 15 мая (2/V) 1917 г.

² Постановление Гельсингфорского комитета от 12 мая 1917 г.

Особенно ярко это проявилось в передовице, посвященной «реорганизации» Временного правительства». «Торг, повидимому, можно считать совершившимся, читаем в начале этой статьи». Буржуазия получила заложников от Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Соглашательская политика их «вождей» привела к тому, к чему и должна была привести: к полной сдаче позиции. Несколько дальше в той же передовице говорится: «Мы решительно заявляем: Новое временное правительство есть попрежнему правительство буржуазии и никоим образом не может быть названо революционным правительством. Никакая поддержка недопустима. Вступление в него социалистов (с.-д. меньшевиков и социал-революционеров) есть прямая измена делу социализма, есть поддержка империалистической войны и захватных целей российских капиталистов, есть удар в спину наших товарищей революционных с.-д. в Германии и Австрии (К. Либкнехт, Мering и пр.), борющихся против своего правительства. И в согласии с резолюцией, принятой Гельсингфорским советом депутатов армии, флота и рабочих, мы говорим: «никакой речи о поддержке и доверии Новому временному правительству быть не может»¹.

В другой передовице (№ 27 от 2/15 мая) 1917 г., направленной против «займа свободы», «Волна» констатирует, что незадолго перед тем Гельсингфорский совет принял резолюцию с требованием «ухода» Врем. правительства и даже обещал вооруженной силой содействовать этому уходу, если Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов признает это нужным. Следует отметить, что в это время оборонцы в Гельсингфорском совете были в численном превосходстве и, повидимому, подобные курьезы с принятием таких радикальных резолюций являлись результатом сплоченности большевистской фракции, умело использовавшей колебания мелкобуржуазного оборонческого блока.

«Волна» в течение всего времени своего существования вела упорную борьбу с социал-патриотическим большинством Гельсингфорского совета и исполкома. В частности ее непримиримая позиция отчетливо проявилась по вопросу о так называемом «займе свободы». Так, в номере от 12 мая (нов. ст.) (№ 25) «Волна» по поводу предстоящего в тот день обсуждения этого дела в Гельсингфорском совете писала: «Ни копейки Временному правительству на позорное дело человекоистребления—вот наш лозунг. Товарищи должны его твердо помнить». Но Гельсингфорский совет, отклонив 217 голосами против 125 при 3 воздержавшихся резолюцию, внесенную фракцией большевиков, принял 296 голосами против 94 при 5 воздержавшихся резолюцию, предложенную народниками и сводившуюся к поддержке «займа революции», как красиво гласила принятая «резолюция, причем гельсингфорские оборонцы, разумеется, «присоединялись к решению Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов»...

¹ «Волна» № 31 от 20 мая (7/V) 1917 г.

В упомянутой выше передовице от 15 мая (нов. ст.) «Волна» отмечала противоречие между прежней резолюцией Гельсингфорсского совета об «уходе» Временного правительства и решением его по вопросу о займе. Тезисы подчеркивали, что теперь Гельсингфорсский совет «своим голосованием за заем фактически выразил доверие правительству Гучкова и Милюкова и поддержал политику российских империалистов»... «Итак штемпель поставлен. Но дело, повидимому, нельзя считать законченным», так как на некоторых судах «уже был поднят вопрос о пере выборах своих представителей в Совете, ввиду недовольства их поведением на этом заседании Совета и голосованием за заем». В своей передовице «Волна» указывала, что она много раз писала о значении этого займа.

Из приведенных примеров видно, какую непримиримую позицию занимала с самого начала «Волна» по отношению к Временному правительству и к соглашателям разных видов и мастей.

Наступательная политика Керенского встретила со стороны «Волны» должный отпор. «Наступление,—читаем мы в передовице № 67 от 4 июля (нов. ст.) 1917 г., скомандованное 18 июня военным министром Керенским при тех условиях, в которых находится Россия, является вопиющим преступлением». «Наступление в настоящее время, когда во главе России стоит грабительское, в большинстве своих членов, правительство... является сильнейшим ударом делу российской, делу международной революции»... Эта крайне резкая передовица заканчивается следующим боевым призывом: «С оружием в руках, полные решимости, станем мы на страже свободы. На приказ Керенского о наступлении перейдем в решительное наступление против реакции. Долой министров, слуг капиталистов! Долой правительство провокации!» Эта передовица была уже настоящим объявлением войны коалиционному правительству. На Сенатской площади в Гельсингфорсе в те дни происходили митинги, организованные нашим Гельсингфорским парткомитетом. «Флот,—пишет т. Дыбенко,—готов был выступить с оружием в руках на защиту своих требований, но ждал указаний и призыва из Петрограда ¹.

За несколько дней перед этим, в воскресенье 1 июля (нов. ст.), в Гельсингфорсе и других городах происходили чрезвычайно внушительные демонстрации, в которых принимали участие и финские рабочие. Эти демонстрации происходили под большевистскими лозунгами—под теми же самыми лозунгами, как и в Петрограде—«Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», «Долой десять буржуазных министров», «Вся земля народу», «Долой провокационную политику наступления!» и др. И «Волна» могла с полным правом констатировать: «Сегодня революционный Гельсингфорс объединен». Демонстрация закончилась единогласным принятием резолюции, подтверждающей основные

¹ П. Е. Дыбенко, «Мятежники», стр. 57.

лозунги демонстрации и скрепляющей революционное единство Гельсингфорса»¹.

В Або в тот же день, 1 июля (нов. ст.), прошла демонстрация также под нашими лозунгами, несмотря на враждебную нам деятельность «местных черносотенцев, рядящихся в подешевевшие ныне «соц.-революционные» ткани». Накануне там Советом была вынесена резолюция о необходимости перехода всей власти к Всероссийскому совету раб., солд. и крест. депутатов². А выходявшие в Або «Известия» рядом с этой большевистской резолюцией преспокойно поместили «статейку» некоего Макарова с подлейшими выпадами по адресу большевиков». Подобные противоречия были в то время «бытовым явлением» в истории советов Финляндии. В советах тогда еще хозяйничали «мартовские» эсеры и меньшевики, а широкие массы моряков, солдат и рабочих уже были фактически настроены революционно и находились под влиянием большевиков. В конце сентября в переизбранных советских организациях руководство всецело перешло в руки большевиков, и всевозможные шатания подобного рода прекратились. С этого момента Врем. правительство для флота и армии в Финляндии фактически уже не существовало. Недаром Керенский видел во флоте своего злейшего врага. Созданию такого положения наряду с общей работой большевиков среди моряков и солдат в значительной мере содействовала наша «Волна», а после ее закрытия—«Прибой». Борьбу против социал-патриотов газета не ослабила и после Октябрьской революции. Я помню, что перед выборами в Учредительное собрание мы в «Прибое» беспощадно разоблачили главного кандидата эсеров—«свеаборгского героя» Циона, который в действительности во время Свеаборгского восстания в 1906 г. сыграл позорную роль. Он заблаговременно скрылся из Свеаборга, оставив на произвол судьбы других участников восстания. С 1918 г. он в шведской печати вел годами злостную кампанию лжи против советской России.

Говоря о разоблачении «руководителя Свеаборгского восстания» Циона, следует упомянуть и о другом разоблачении, сделанном мною в «Волне» или в «Прибое». Летом 1917 г. в Гельсингфорсе начала выходить на русском и финском языке газета «Общее дело», ставившая своей задачей пропаганду в пользу Врем. правительства. Узнав от одного сочувствовавшего нам тогда финского буржуазного журналиста подоплеку этого издания «Комитета Государственной думы», я в иронической статье «Воскресение мертвых» (мертвые—Государственная дума) раскрыл черносотенный характер этой нарождавшейся тогда газеты. Газета прислала нам «письмо в редакцию», которое было напечатано с моей еще более откровенной отповедью. Эта газета, не встретив отклика со стороны «беспартийных» читателей, вскоре умерла естественной смертью.

Позиция «Волны» и «Прибоя» по финляндскому вопросу была

¹ «Волна» № 67 от 4 июля (нов. ст.) 1917 г.

² Там же.

также крайне неприятной для Врем. правительства. Примерно с 10 мая (по нов. ст.) я почти в каждом номере «Волны», а позднее—в «Прибое», помещал под общим заголовком «По Финляндии» хронику или обзоры событий в Финляндии, подобно тому как в 1902—1903 гг. под заголовком «События в Финляндии» я писал из Гельсингфорса корреспонденции в «Искру». Не ограничиваясь упомянутыми обзорами и переводом наиболее важных резолюций и материалов, касавшихся финляндской с.-д. парламентской фракции, я нередко писал для «Волны» большие статьи, в которых проводил точку зрения нашей партии по национальному вопросу применительно к Финляндии.

Ввиду огромного значения, которое этот вопрос имел в то время как в «финляндской политике» Врем. правительства, так и во всей политической жизни Финляндии, приведем несколько выдержек из наших статей. «Финляндский вопрос,—писали мы в своей первой статье по финляндскому вопросу,—в настоящее время сводится к тому, какое государственно-правовое положение по окончании войны должна занять Финляндия по отношению к России. Русская революционная демократия на этот вопрос может лишь коротко и ясно ответить: это будет зависеть всецело от самой Финляндии, т. е. от воли большинства финского народа. Недаром же мы, русские социал-демократы, признаем *право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства*. Само собой разумеется, что после свержения царизма в России этот пункт можно понимать лишь в самом широком смысле, и отнюдь нельзя толковать его в смысле «дарования» этим нациям автономии. Итак, свободная Россия должна предоставить самой свободной Финляндии решить вопрос об ее будущем положении. Чего же хотят финляндцы?» На этот вопрос в нашей статье давался тот ответ, что большинство финляндцев, в том числе финляндская социал-демократическая партия, или по крайней мере значительное большинство ее, «до сих пор требует такого расширения финляндской автономии, чтобы вся внутренняя политика Финляндии была делом самой Финляндии... а внешняя политика Финляндии и России была общей». Меньшинство же финнов—«часть финляндской буржуазной интеллигенции, особенно радикально настроенная буржуазная молодежь, а также часть и рабочей молодежи и некоторые отдельные солидные члены с.-д. партии—стремятся к абсолютной независимости Финляндии. *Пока по крайней мере*, насколько мне известно, это второе течение имеет гораздо меньше сторонников, нежели первое».

Следует напомнить, что Ленин в своей статье «Финляндия и Россия» также констатировал, что финский народ требовал «пока еще не отделения, а только широкой автономии». Любопытно отметить, что гельсингфорсская буржуазная «Хувудстадсбладет» утверждала, что это мое предположение неправильно, т. е., другими словами, что не меньшинство, а, наоборот, большинство финнов уже тогда стремились к полной независимости Финляндии.

Лишь после подавления пролетарской революции в Финляндии ряд

белогвардейских историков и активистов в своих «трудах» и воспоминаниях вполне разоблачили ту грандиозную конспиративную работу, которая велась в Финляндии во время империалистической войны и которая еще более усилилась немедленно после Февральской революции. Целью всех усилий буржуазных «патриотов» было отделение Финляндии от России с помощью германских империалистов и превращение страны в вассала Вильгельма II и К^о. Финляндские «патриоты» хотели продать свою родину германскому империализму за порабощение им финляндского пролетариата. Все это в полной мере стало известным лишь впоследствии. Весной же и летом 1917 г. финляндские политики действовали осторожно, тщательно скрывая свои закулисные интриги и свои переговоры с германским военным командованием о германской военной интервенции в Финляндии ¹.

Тем не менее сильная германская ориентация значительной части финляндской буржуазии и существование в Германии финляндского егерского батальона не было уже и тогда ни для кого тайной. Поэтому как в своей первой статье по финляндскому вопросу, так и в позднейших статьях я неоднократно развивал ту мысль, что не империалистическая Германия, а русская революция, наш революционный пролетариат могут и должны дать Финляндии независимость. В статье «Финляндия и Россия» я, резко осудив отказ Врем. правительства утвердить законопроект о расширении внутренней автономии Финляндии, писал, что такая недалководидная политика подрывает всякое доверие финляндцев к революционной России и заставляет многих из них возлагать свои надежды на обещания империалистической Германии, сулящей Финляндии полную государственную независимость. Указав, что финские с.-д. отлично понимают, что германские империалисты нисколько не лучше русских империалистов, которые «в лице октябристов в 3-й Думе энергично поддерживали возмутительную обрусительную политику Столыпина в Финляндии», я подчеркивал, что «полную независимость может дать и, разумеется, даст Финляндии одна только революционная Россия, предоставив Финляндии самой решить вопрос о своем будущем государственном устройстве. Мы же, русские с.-д. (я подразумевал в данном случае, разумеется, лишь большевиков), признавая стремления финляндцев к абсолютной независимости вполне законными, будем поддерживать их требования в этом направлении».

Наше советское правительство, как известно, вполне осуществило на деле такую точку зрения большевиков, признав 31 декабря (нов. ст.) 1917 г. независимость Финляндии — в тот же день, когда глава тогдашнего финляндского буржуазного правительства Свинхувуд, прославившийся вскоре после того в качестве зверского палача финляндского пролетариата, обратился по настоянию Германии с соответствующей просьбой к Ленину ².

¹ См. наши вышеупомянутые статьи в «Пролетарской революции», 1928 г., №№ 2 и 4.

² «Волна» № 31 от 20 мая (7/V) 1917 г.

Обличая реакционный характер финляндской политики Врем. правительства, я в своей статье, между прочим, писал, что сейм ясно выразил «справедливое требование всего финского народа немедленного предоставления Финляндии независимости во внутренних делах. Это теперь, так сказать, программа-минимум всех политических партий в Финляндии...» Мы должны в свою очередь требовать, чтобы новое коалиционное правительство немедленно и без всяких оговорок исполнило это законное и вполне справедливое требование всей Финляндии».

На этой точке зрения—на требовании независимости во внутренних делах Финляндии—в то время стояло еще подавляющее большинство финляндской с.-д. партии. В этом же направлении был составлен и закон относительно верховной власти в Финляндии, который 18 июля (нов. ст.) 1917 г. провела в сейме с.-д. фракция, представлявшая, как известно, в ней большинство. Этот в высшей степени демократический—с точки зрения буржуазной демократии—закон предоставлял всю власть по внутренним делам сейму. Несмотря на то, что за этот закон голосовало и большинство буржуазных депутатов, он в действительности был для финляндской буржуазии крайне ненавистен. За кулисами буржуазные «патриоты» энергично интриговали в пользу роспуска «красного сейма». Горе-социалисты во Врем. правительстве, на радость финляндской реакционной буржуазии, распустили демократический сейм, в котором незначительное большинство голосов имели с.-д.¹ Любопытно, что Керенский и К^о не постеснялись распустить сейм, хотя указанный закон на деле представлял довольно близкую копию резолюции по финляндскому вопросу, принятой на I Всероссийском съезде советов в июне (по ст. ст.) 1917 г. А на этом съезде преобладали единомышленники тогдашних «правителей» России—меньшевики и эсеры!

Здесь уместно указать, что незадолго до проведения этого закона в сейме, в воскресенье 8 июля (нов. ст.), мною от имени Гельсингфорского комитета нашей партии на митинге (на Сенатской площади) русских матросов, солдат и рабочих была предложена резолюция, требовавшая, чтобы Врем. правительство немедленно осуществило право финляндского сейма окончательно решать все касающиеся Финляндии дела, за исключением внешне-политических и военного законодательства. Эта резолюция, опубликованная на следующей день в «Волне», в общем и целом вполне соответствовала содержанию резолюции по финляндскому вопросу Всероссийского съезда советов и закону 18 июля «о верховной власти». В этой резолюции, принятой митингом при возражениях всего лишь одного меньшевика, между прочим говорилось следующее:

«Собрание не рассчитывает на Врем. правительство, которое отказывается одобрить самые скромные требования Финляндии. Лишь тогда,

¹ 103 из общего числа 200.

когда вся власть перейдет всероссийским советам рабочих и солдатских депутатов, могут осуществиться справедливые требования Финляндии». В заключение резолюция выразила решительный протест против травли, которую вели против Финляндии русские буржуазные газеты, и заклеила позором решение Врем. правительства выпустить из тюрьмы бывшего ген.-губернатора Зейна и бывшего вице-председателя Финляндского сената Боровитикова ¹.

В своих статьях в «Волне» и «Прибое» мы постоянно осуждали и обличали реакционный характер финляндской политики Врем. правительства, проводя последовательно большевистскую линию по национальному вопросу. Из всех тогдашних партий в России лишь одна наша партия без всяких оговорок поддерживала стремления Финляндии и других «окраин» к полной независимости, а после Октябрьской революции наше советское правительство признало, как мы указывали выше, первым и раньше других государств, независимость Финляндии. Этот бесспорный факт не помешал, однако, финляндским белогвардейским политикам и историкам назвать их войну за порабощение финляндского рабочего класса «освободительной войной», т. е. войной якобы за освобождение их «родины» от гнета «исконного врага» России.

Отражая настроения подлинно-революционных матросских, солдатских и рабочих масс в Финляндии в 1917 г., «Волна» является наилучшим показателем отношения этих масс к В. И. Ленину. Для значительной части моряков Балтфлота его авторитет с момента возвращения его из эмиграции становится бесспорным. Об этом красноречиво свидетельствует целый ряд заявлений, которые входили в заметки и письма, опубликованные в «Волне».

Сотрудников и читателей газеты до глубины души возмущала та чудовищная кампания травли и клеветы, которую вели против Ленина буржуазия и ее печать. Вот, например, матрос Линяев в заметке, которая проводит мысль, что землю надо взять захватным путем, пишет: «Вся кадетская пресса и буржуазия впустили свои змеиные жала в товарища Ленина, который показал нам верный путь, как нужно взять землю и кто должен ею пользоваться...» В своей большой статье «О клеветниках и клевете» М. Доброхотов писал, между прочим: «Теперь они (буржуазные журналисты) набросились всей сворой на старого испытанного вождя рабочего класса т. Ленина» ².

Передовица в № 14 от 15 апреля (ст. ст.) 1917 г., озаглавленная: «Ленин и буржуазия», направлена против бешеной кампании лжи, поводом для которой послужил проезд В. И. Ленина через Германию. Эта статья ясно и понятно отвечала на вопрос читателей: «почему Ленин избрал путь через Германию?»

Наиболее интересной является первая часть этой передовицы, в

¹ Содержание резолюции мы приводим по гельсингфорсской газете «Хувудстадс-бладет» от 9/VIII 1917 г., перепечатавшей ее в свою очередь из «Волны».

² «Волна» № 25 от 12/V (29/IV) 1917 г. Курсив наш.

которой автор дает правильное объяснение причины той травли В. И. Ленина со стороны буржуазных писак, о которой речь шла выше.

Дав исчерпывающий ответ на вопрос, почему Ленин проехал через Германию, автор заканчивает свою передовицу указанием, что буржуазная пресса молчала о других русских эмигрантах, придерживавшихся иных взглядов и приехавших вместе с Лениным в Россию. «Почему же о них молчит буржуазная пресса и весь яд своих стрел, всю свою желчь направляет на одного Ленина?»—спрашивает автор передовицы и продолжает: «Ответ ясен—дело вовсе не в поступке (т. е. проезде через Германию) и той и иной оценке его, а в самой личности Ленина, которого ненавидит буржуазия, как своего злейшего и непримиримого врага».

Большевистская линия, которую проводила «Волна», естественно навлекла на нее безграничную ненависть не только русской буржуазии, но и «социалистов» всевозможных мастей. В ней видели своего злейшего врага и представители Временного правительства в Финляндии. Последних сильно возмущала наша позиция по финляндскому вопросу. В частности мои статьи не пришлись по вкусу «революционному» генерал-губернатору, «левому» октябристу Стаховичу. В интервью с суворинским «Вечерним временем» от 1 июня (нов. ст.) № 1825 этот агент Временного правительства в Финляндии следующим образом жаловался на меня: «Впереди всех в смысле распространения этой вредной пропаганды (т. е. в пользу государственной независимости Финляндии) идет наша русская «Волна», подголосок петроградской «Правды». Некий Смирнов, бывший служащий библиотеки, каждый день пишет статьи, в которых обвиняет финляндский сейм в нерешительности и измене. Он, русский, предлагает финляндцам отложиться от России»¹.

«В приведенных словах г. Стаховича,—отвечал я в «Волне»,—выражаясь мягко, все с начала до конца сплошная ложь»... Это утверждение я обстоятельно обосновал в своей полемической статье «По поводу одной беседы». Однако справедливость требует сказать, что Стахович, назвав «Волну» «подголоском» «Правды», этим самым правильно охарактеризовал ее как революционный большевистский орган.

В своих телеграммах из Гельсингфорса о закрытии «Волны» «Новое время» и «Биржевые ведомости», подобно Стаховичу, опять-таки представляли меня вдохновителем финляндских сепаратистов. Это неудивительно, так как за время, протекшее от упомянутого интервью со Стаховичем в «Вечернем времени» до закрытия «Волны» 28 июля (нов. ст.), я в ней успел поместить еще целый ряд неприятных для наших черносотенных шовинистов статей по финляндскому вопросу.

Само собой разумеется, что «Волна» вследствие ее постоянной и последовательной борьбы против контрреволюционной политики Врем. правительства не могла не представляться г. Керенскому и К^о опаснейшим

¹ Цитирую по моей ответной статье в «Волне» № 57, 15 июня 1917 г.

подстрекателем русских моряков и солдат к «бунту» против «законного» правительства. Неприемлемым для тогдашних «социалистических» правителей России было и то, что «Волна» в значительной степени содействовала росту пролетарской солидарности между русскими рабочими и солдатами и финским рабочим классом в их борьбе как с русской, так и финляндской буржуазией. Эта солидарность ясно сказалась в ряде совместных грандиозных демонстраций и в упомянутом выше совместном выступлении во время третьего обсуждения в сейме новых коммунальных законов и закона о 8-часовом рабочем дне.

Среди русских солдат и в частности среди моряков Балтфлота в те дни царила крайне напряженная революционная атмосфера. Приказ Керенского о наступлении послужил сильнейшим толчком к ускорению и без того уже быстрого процесса большевизации, происходившего тогда главным образом в Балтфлоте, который в июльские дни фактически был готов начать настоящую войну против Врем. правительства. Одержав «победу» в июльские дни в Питере, Керенский решил применить испытанные им методы и в Финляндии. Еще перед тем, 18 и 19 июля (нов. ст.) в Петрограде были арестованы и избиты юнкерами две делегации Центробалта, прибывшие на миноносцах из Гельсингфорса. Об этих событиях достаточно подробно и красочно рассказывает тогдашний председатель Центробалта т. Дыбенко, который находился во главе второй делегации и по прибытии в Петроград очутился в «Крестах»¹.

В Гельсингфорсе аресты были произведены несколько позднее, 28 июля (нов. ст.). В 10 часов вечера наряд вооруженных солдат окружил казарму на Маринской улице, где помещались Гельсингфорсский комитет РСДРП(б) и где редактировалась и печаталась «Волна». В тот же вечер была также окружена и сенатская типография, где наша газета печаталась до перехода ее в собственную типографию. Одновременно были произведены аресты и в русском театре, где происходило большое собрание. В числе арестованных тогда в Гельсингфорсе были т. Антонов-Овсенко, левый эсер Прошьян и др. Они в тот же вечер были отправлены в Петроград. Я лично избежал ареста, повидимому, случайно, так как за несколько дней перед тем я на короткое время выехал из Гельсингфорса. Когда же я в начале августа снова возвратился в Гельсингфорс, я за собой заметил слежку. Знакомые мне рассказывали, что я также находился в списке лиц, подлежащих аресту. Но к этому времени, когда я вернулся в Гельсингфорс, политическая ситуация уже, очевидно, несколько изменилась, и агенты Врем. правительства в Финляндии были заняты главным образом обстоятельствами, связанными с роспуском «Красного» сейма².

В типографии «Волна» машина, на которой печаталась газета, была

¹ П. Е. Дыбенко, «Из недр царского флота к великому Октябрю». 1928. Изд. «Военный вестник». Москва, стр. 98—104.

² В. Смирнов, «К десятилетию пролетарской революции в Финляндии» («Пролетарская революция», 1928 г., № 2, стр. 54—55).

опечатана, и к ней был приставлен военный караул. Это «грозное» происшествие не послужило, однако, препятствием к выпуску в очень скором времени новой газеты «Прибой», которая отличалась от «Волны» только своим названием. Я был тогда в отъезде. О выходе новой газеты меня известил по телефону т. Жемчужин и просил меня возобновить свою работу в ней. Солдаты, которых Стаховичу и К^о в июле, а его преемнику Некрасову в августе (но уже не в сентябре) удалось еще использовать для своих «военных» операций против разогнанного «социалистом» Керенским сейма при ежедневном контакте с большевистскими матросами в нашей типографии, быстро «разлагались». Получилась довольно комическая картина: солдаты молча дежурили, стоя у типографской машины, но вместе с тем не пытались препятствовать печатать на ней «Прибой». По окончании печатания очередного номера машина снова опечатывалась... Такая процедура продолжалась недели три-четыре, пока солдаты самовольно не перестали ходить на такой бессмысленный караул. А наша газета попрежнему продолжала распространять среди солдат и матросов большевистскую заразу...

Преемник «Волны» «Прибой» продолжал выходить до марта (нов. ст.) 1918 г. На этот раз прекращение работы нашего парторгана в Финляндии было вызвано не внешними насильственными мероприятиями, как это имело место в июле 1917 г. В связи с большевизацией русских моряков и солдат в Финляндии радикально изменился и состав Гельсингфорского совета депутатов и Финляндского областного исполнительного комитета. К концу сентября эти и другие подобные им русские организации фактически сделались большевистскими. Подавляющее большинство в них принадлежало большевикам, причем левые эсеры в них в то время являлись нашими «союзниками». От меньшевиков же и правых эсеров в наших пролетарских организациях, можно сказать, и следа не осталось.

После III финляндского областного съезда (в 20-х числах сентября, по нов. ст.), прошедшего под знаком большевизма, «Известия» Гельсингфорского совета и Финляндского областного комитета из меньшевистской газеты превратились в большевистскую. Главным редактором «Известий» с этого времени состоял большевик т. А. Сидоров. Вследствие этого естественно уменьшилась и потребность издания особого парторгана, поглощавшего немало средств. С другой стороны, число русских моряков и солдат после Октябрьской революции, и особенно с начала 1918 г., стало в Финляндии быстро уменьшаться. Одни работали уже в Красном Питере и в др. местах, другие возвращались к себе в деревню. С уменьшением же числа читателей «Прибоя», естественно, стали ослабевать и необходимые для издания его ресурсы. «Волна» же и «Прибой», как мы указывали, выходили на трудовые копейки своих пролетарских читателей. Наряду с этим имевшиеся в то время в Финляндии немногочисленные литературные силы среди русских большевиков должны были теперь работать в «Известиях».

Мне по крайней мере было в октябре предложено постоянно сотрудничать в «Известиях». Несколько позднее, в ноябре 1917 г., бывший редактор «Волны», т. Л. Н. Старк, занявший в дни Октября пост заведующего Петроградского телеграфного агентства, поручил мне заменить прежнего не то меньшевистского, не то кадетского гельсингфорсского корреспондента этого агентства. Эти функции я выполнял вплоть до самой «эвакуации» в Петроград в апреле 1918 г. перед приходом в Гельсингфорс германских войск.

Поэтому у меня, например, после Октябрьской революции фактически не оставалось больше времени для регулярного сотрудничества в «Прибое». Приходилось уже писать для него лишь урывками.

К сожалению, кроме личных воспоминаний у меня не имеется никаких материалов для освещения работы по изданию «Прибоя» и большевистских «Известий». Воспоминания же мои касаются почти исключительно моего сотрудничества в этих газетах.

Помню, что на страницах «Прибоя» я в августе 1917 г. впервые в нашей печати разоблачил начавшие формироваться в то время белогвардейские шюцкоры. Это вызвало резкие нападки на меня со стороны финляндской буржуазной печати. Позднее с обострением классовой борьбы в Финляндии эти нападки перешли в настоящую травлю против меня. Ультрареакционная газета «Хувудстадсбладет» еще в день начала пролетарской революции в Гельсингфорсе, 27 января (нов. ст.) 1918 г., по поводу моих статей в «Известиях» называла меня «зловредной революционной бациллой» в Финляндии. Вообще мое сотрудничество в «Прибое» и «Известиях» вызывало бешеную ненависть ко мне в буржуазных белогвардейских кругах. Анонимные письма с угрозами, анонимная ругань по телефону, неанонимная брань при встречах со мной на улицах, тщательный обыск на моей квартире, когда я уже находился в Петрограде, официальное увольнение меня за «участие в бунте весной 1918 г.» от моих должностей при Гельсингфорском университете и, наконец, внесение меня в белогвардейские проскрипционные списки—все это ясно говорило о неудовольствии, которое я вызывал в «культурных» кругах финляндского общества.

Иначе относились к нашим большевистским газетам финские рабочие. Вскоре после перехода «Известий» в руки большевиков главный в то время рабочий орган в Финляндии «Тюэмиес» («Рабочий») горячо приветствовал перемену направления нашей официальной газеты по финляндскому вопросу. «Прибой» прекратил свое существование 1 марта (нов. ст.) 1918 г. «Известия» же продолжали выходить до самой эвакуации наших учреждений из Финляндии в апреле 1918 г.

В последнем номере «Прибоя» я, основываясь на данных в органе финляндского рабочего правительства, выражал в своем обзоре хода гражданской войны в Финляндии уверенность в будущей победе финляндского рабочего класса. Мой тогдашний оптимизм, который разделялся активными участниками финляндской революции, не оправдался. В апреле

1918 г. объединенная финляндская и германская контрреволюция одержала победу над пролетариатом. Финляндские белые «герои»—Манергейм, Свинхувуд и К⁰—в своих зверствах не только не уступали, но скорее даже превосходили палачей Парижской коммуны.

Но если мы *тогда* и ошиблись в своих надеждах, то окончательная победа, хотя и «с некоторым запозданием», но достанется пролетариату в Финляндии.

В. Смирнов

ОКТЯБРЬСКАЯ ЗАБАСТОВКА И СТУДЕНЧЕСТВО

Мощное развитие рабочего движения после 9 (22) января не могло не отразиться на настроении различных мелкобуржуазных слоев населения. В течение лета 1905 г. образовался ряд якобы профессиональных, но по существу политических союзов служилой и неслужилой интеллигенции: докторов, инженеров, учителей, железнодорожных служащих, адвокатов, союзов женского равноправия и т. п. Была даже создана организация, пытавшаяся объединить деятельность и устремления этих мелкобуржуазных, преимущественно интеллигентских союзов—так называемый «Союз союзов». Политической платформой этих союзов была, несомненно, программа «Союза освобождения», ставшая затем программой кадетской партии.

Октябрьская забастовка, особенно после того, как остановилось железнодорожное движение, стихийно захватила и большую часть этих мелкобуржуазных союзов. «Революция сокращенных рук», как называли интеллигенты всеобщую политическую забастовку, оказалась по плечу этим трусливым обывателям, внезапно возомнившим себя «настоящими» революционерами. Еще бы—«совсем без драки могли попасть в большие забияки»!..

Постепенно забастовали различные городские предприятия, банковские учреждения, школы вплоть до низших и даже суды. Юркие адвокаты образовали в Москве от имени «Союза союзов» особый «стачечный комитет», успевший распространить свое влияние и на некоторые слои рабочих печатников, железнодорожников, приказчиков и т. п. После 17 (30) октября мы вынуждены были повести решительную и ожесточенную борьбу против этого комитета, ставшего явно реакционным.

Наиболее однако искренний и живой отклик нашла революционная борьба рабочих в среде учащейся молодежи, в среде студенчества. Это наблюдалось не только в Москве, но и в других городах с высшими учебными заведениями. Русское студенчество по традиции было революционно-демократическим. Многие студенты вполне искренно считали себя в 1905 г. социалистами. Впрочем, это была, так сказать, лебединая революционная песня буржуазной студенческой молодежи. После неудачного исхода для нас революции 1905 г. не стало больше слышно о массовых студенческих волнениях, которые когда-то играли известную будирующую роль в жизни царской России. Постепенно большинство студентов стало выглядеть смирными, благоразумными молодыми людьми и «академиста-

ми», разделявшими, самое большое, воззрения кадетской партии. Наконец после пролетарской революции и в годы гражданской войны немало студентов того времени выявило себя как ярые белогвардейцы.

Но в октябрьские дни 1905 г. московские студенты оказали, несомненно, значительные услуги революционной борьбе пролетариата. Может быть, это происходило потому, что всеми чувствовалась буржуазная сущность, буржуазная ограниченность первой русской революции.

С первых чисел октября или даже еще раньше, аудитории «императорского» университета и других высших учебных заведений широко открыли свои двери для невиданной прежде в их стенах публики с улицы, среди этой публики было много бастующих рабочих. С солидных профессорских кафедр вместо вялых проштемпелеванных лекций полились огненные агитационные и пропагандистские речи. Люди, совершенно не знавшие до тех пор захватывающей мощи свободного смелого слова, пьянели от этих речей. В университете митинги продолжались обыкновенно до поздней ночи. И особенно сильное впечатление производили эти ночные собрания, происходившие при тусклом освещении немногих свечей, ибо рабочие электрических и газовых станций бастовали.

Иногда вспыхивали горячие споры между ораторами различных партий, преимущественно между социал-демократами и эсерами. Большевики и меньшевики, еще не разделенные непроходимой пропастью классовой вражды, старались обсуждать свои разногласия только на чисто рабочих собраниях. Против же эсеров мы выступали обычно единым фронтом. Впрочем, уже тогда у большевиков чаще, чем у меньшевиков, происходили схватки с эсерами, и последние буквально ненавидели нас за нашу непримиримость, постоянное высмеивание и разоблачение их мелкобуржуазной ограниченности и реакционной сущности.

Ни разу и нигде не удалось мне слышать чисто кадетских выступлений. Кадеты, называвшие себя ради обмана и завлечения простаков «партией народной свободы», порядком испугались революционного выступления пролетариата и плели за его спиной сети предательства. Впрочем, однажды я был свидетелем весьма оригинальной жалобы перепуганного обывателя, бывшего или ставшего впоследствии, несомненно, кадетом или октябристом.

Часов 9 вечера. Аудитория, доотказа набитая рабочими, студентами и иной публикой с улицы, тонет в таинственном полумраке. Лишь кое-где в огромном помещении и около кафедры мерцают огарки стеариновых свечей. Какой-то безусый студент, захлебываясь от восторга, рассказывает о том, что он видел на улицах и на заводах, куда он заглянул с несколькими товарищами. Говорит о закрытых магазинах, перетрусившей полиции, готовящихся забастовать дворниках и т. п. Его плохо слушают, и он торопится кончить свою неискusstную речь. К кафедре робко протискивается и нерешительно просит слова упитанный и хорошо одетый человек лет сорока. Он уверяет, что ему, как гласному городской думы, нужно сказать что-то очень важное. Ему немедленно предоставляют слово, по-

лагая, что он делегат от городской думы, от которой тогда некоторые наивно ждали чуть ли не революционной инициативы. От перепуганных купцов требовали между прочим организации и вооружения «народной гвардии». Очевидно, на воображение некоторых товарищей действовали истории давно прошедших буржуазных революций Западной Европы.

Толстяк гласный взобрался на трибуну и плаксивым тоном сказал приблизительно следующее: «Вот здесь господин студент говорил сейчас о закрытых лавках. Все закрыли,—все!.. Это—большая беда: ни молока, ни мягкого хлеба, ничего нельзя достать. Пожалейте, господа, хоть маленьких деток, если не жалеете нас! Вот пришел я сегодня домой, а мои плачут:

— Молочка хочу, папа! Дай молочка!..—кричит маленький сынок.

А шестилетняя дочка тоже плачет:

— Хочу мягкого хлебца!.. Купи белого хлебца...

Ну я и сам чуть не заплакал. Пожалейте деток, господа! Погибнем все, господа. С голоду погибнем... пожалейте!..».

Он действительно почти плачет. Остановился и растерянно смотрит по сторонам. И вдруг,—гомерический хохот, улюлюканье, свист. На одну из скамеек вскакивает высокий рабочий с густыми черными усами и, энергично размахивая руками, кричит:

— Вишь, чего захотел—молочка! Детки, говоришь, плачут. Сам, верно, соскучился по молочку. Вишь, какое брюхо насосал-то! А мои ребята,—их четверо у меня,—никогда молока, кроме мамкиного, не пробовали и не видали. Ты об этом когда-нибудь думал, пузатый чорт?

Под свист и улюлюканье «пузатый чорт» скатывается с трибуны и спешно пробирается в толпе к выходу.

Бурное развитие политической забастовки, захватившей даже часть государственных служащих, несомненно внесло большую дезорганизацию и растерянность в ряды высшей администрации и полиции. Однако часть полиции, особенно охранка, стала к середине октября, вероятно, по указанию из Петербурга, стягивать вокруг себя свои «народные» силы. В состав этих народных сил входили содержатели притонов, кабатчики, охотнорядские торговцы с их тупыми молодцами, хорошо известные полиции воры, хулиганы, жулики и иные преступники, поставщиком которых была с давних пор преимущественно Марьино роща. Так зародилась в Москве черная сотня.

Стали носиться слухи о возможности погромов. Так как евреев в Москве было немного, полиция науськивала свою черносотенную гвардию на интеллигенцию вообще и на студентов в особенности. Как известно, такие черные банды действительно произвели немедленно после октябрьского манифеста ряд кровавых погромов во многих городах (Тверь, Саратов, Тамбов и др.).

В Москве черносотенное движение не имело большого успеха, ибо в самом начале встретило решительный отпор со стороны рабочих, особен-

но со стороны наших дружинников, несколько раз основательно проучивших черносотенцев. Помню одну попытку черносотенной толпы напасть на Техническое училище, в котором Московский комитет большевиков с самого начала забастовки имел свою штаб-квартиру. Достаточно было дать несколько выстрелов, чтобы банды погромщиков в панике разбежались. Но на отдельных революционеров, а иногда и просто на интеллигентов черносотенцы нападали и в Москве. Так, 18 (31) октября был убит черносотенцем только что выпущенный из тюрьмы т. Н. Бауман.

Однажды я тоже чуть не попал в лапы черносотенцев. Я возвращался к центру города из Технического училища по окончании заседания комитета или исполнительной комиссии. Было часов 11—12 ночи. Долго не попадался извозчик. На улице было темно и безлюдно. Только время от времени раздавались подозрительный свист и отдаленные ответы на него. Навстречу мне по другой стороне улицы показалась группа людей, человек 5—6. Один из них продолжительно свистнул. Я сжал в кармане браунинг, открыв на всякий случай предохранитель. Подозрительная группа медленно прошла мимо, посматривая в мою сторону. Стараясь не ускорять шага и не оборачиваясь назад, я шел своим путем. Вдруг слышу за собой спешные шаги и крики:

— Эй, подожди!..

Круто оборачиваюсь. От остановившейся группы ко мне почти бежит субъект среднего роста, одетый в короткую теплую куртку и сапоги. Подойдя вплотную, он внимательно всматривается в меня и грубо спрашивает:

— Ты не из училища идешь? Не забастовщик случаем?

— А тебе какое дело?—отвечаю я.

— Так и есть—забастовщик. Сюда, ребята!—попался один.

Субъект старается схватить меня за руку. Но я, выхватив револьвер, сам бросаюсь на него и изо всей силы ударяю его по голове увесистым стальным дулом. Он охнул и свалился с тротуара. Я делаю несколько выстрелов по направлению банды, а затем пускаюсь без оглядки наутек. Пробежав несколько минут, сворачиваю в переулок и смотрю из-за угла назад. За мной никто не гонится, а, наоборот, убегают, кажется, от меня. Только усилился свист с разных сторон. Переулками я добрался, наконец, до большой освещенной улицы и скоро встретил извозчика.

Незадолго до манифеста охотнорядские черносотенцы все чаще стали нападать на студентов университета, подвергая побоям то одного, то другого. Перед вечером 14 или 15 октября я проходил по Моховой мимо университета. Вижу, во дворе старого здания университета происходит необыкновенное оживление, беготня и тревога. Подхожу к воротам,—студенты заваливают ворота всякой всячиной—досками, бревнами, ящиками, камнями. Заинтересованный этой странной работой, я спрашиваю, в чем дело. Один из студентов, очевидно знавший меня, торопливо раздвигает

доски и предлагает мне лезть поскорей в образовавшуюся щель. Я пробрался во двор. Мне торопливо объясняют, что полиция организует охотнорядцев для нападения на университет. Хотят, мол, перебить всех собравшихся на митинг.

— А сколько же здесь народу?—спрашиваю я.

— Не меньше 2000 человек.

— Кто-нибудь из социал-демократов говорит на митингах?

— Да, несколько человек. В самой большой аудитории говорит сейчас Алексинский.

Я попросил проводить меня к нему. Когда он закончил свою грубовато-едкую и довольно остроумную речь, я отозвал его в сторону и попросил рассказать, что тут затевается. Алексинский тоже заговорил об охотнорядцах, собирающихся громить университет, но кроме того сообщил, что полиция хочет при содействии войск арестовать всех находящихся в университете, а самый университет временно закрыть, чтобы прекратить происходившие в нем митинги и сборища. По слухам войска и жандармы уже оцепляют университет.

Я только что проходил мимо университета и никаких войск и жандармов не видел. Но возможно, что они находились в соседних дворах и в переулках. Однако часть публики и студентов преспокойно ушла из университета. Очевидно, сами студенты и их гости жаждали революционного приключения; оставшиеся в университете были во всяком случае настроены очень воинственно. Больших надежд на успешные последствия этого своеобразного «университетского восстания» я не имел, но использовать создавшееся положение и боевое настроение молодежи было необходимо. Однако прежде всего нужно было внести в дело хотя бы относительную организованность.

— Образован ли какой-нибудь штаб обороны или другой руководящий орган?—спрашиваю я Алексинского.

— Что-то, кажется, есть... А, может, и нет ни чорта.

— Давай узнаем. Если есть, войдем в него от имени комитета партии, если нет,—организуем.

Позвали представителей студенческой организации. Оказалось, что настоящего боевого центра пока нет. Было много суетни, личной инициативы, молодого задора и вместе с тем—полное отсутствие плана.

Мы немедленно приступили к организации боевого штаба, который назвали, кажется, «революционным комитетом по обороне университета». Сколько человек входило в его состав и кто именно, я припомнить через 25 лет не могу, но мы с Алексинским стояли фактически во главе его.

Прежде всего был поставлен вопрос, есть ли провиант и сколько. Продовольствия оказалось очень мало, его нужно было достать. Мы выбрали десяток надежных и смелых ребят, снабдили их деньгами, а главное записками, и послали добывать провиант. Они благополучно выбрались из университета, и большинство вернулось назад, добросовестно выполнив поручение. Продовольствие подвезли переулком позади университета да-

же на подводах. С этой стороны мы были обеспечены на 1—2 дня. Особо назначенная комиссия экономно распределяла продовольствие между осажденными.

Другой существенный вопрос был об оружии. Мы собрали всех имевших огнестрельное оружие, и к моему удивлению у осажденных оказалось сотни полторы-две револьверов, среди которых было много браунингов. Вооруженных револьверами мы разбили на отряды, присоединив к ним не имевших оружия, но боеспособных. У некоторых из них были кинжалы и ножи, другие вооружились металлическими прутьями и просто дубинками, но главным метательным оружием наметили камни. Вымощенный булыжником двор был моментально вскопан, и груды камней насыпаны там и сям.

Я был во времена студенчества химиком. У меня, естественно, явилась мысль, нельзя ли использовать химические лаборатории университета. Можно было попробовать приготовить динамит и снарядить самодельные бомбы. Теорию взрывчатых веществ я немного знал, но никакого практического опыта у меня не было. Среди осажденных тоже не нашлось хотя бы относительных знатоков этого дела. Мы все-таки попробовали изготовлять динамит, но у нас ничего не вышло. Я подумал было обратиться за содействием к профессору Зелинскому, который жил в одном из корпусов при университете, но потом отказался от этой мысли—проф. Зелинский был достаточно труслив и, пожалуй, реакционен; я хорошо знал его со времен своего студенчества.

Серная и азотная кислота, а также другие едкие вещества были на всякий случай взяты из лабораторий. Они сами по себе могли служить довольно сильным оружием.

Вечер прошел очень оживленно, бодро и даже весело. Разложили костры, что было, конечно, очень неосторожно; кипятили чай, шутили, рассказывали анекдоты, пели. Но уже с утра следующего дня настроение у многих очень понизилось. К университету были стянуты войска, и мы оказались совершенно отрезанными от внешнего мира. Что делалось в городе, узнать было трудно. Пополнять скудные запасы продовольствия уже не было возможности. У большинства осажденных создалось убеждение, что извне их не поддерживают. Подавленное настроение быстро распространялось. Для меня было ясно, что наша случайная, в значительной мере мелкобуржуазная армия долго не продержится. Нужно было искать возможностей с честью выйти из неудобного положения.

Еще накануне к нам неоднократно обращался ректор университета, умоляя оставить здание университета и не подвергать его неизбежному разгрому. Ректор был тогда, если не ошибаюсь, проф. А. Мануилов. Он намекал даже, что возьмет на себя посредничество между осажденными и московскими властями. Теперь мы серьезно отнеслись к предложению ректора и вызвали его на заседание «ревкома». Я твердо объявил ему, что мы решили обороняться до последней капли крови. Университет и его обстановка, конечно, пострадают при этом. Нам его очень жаль, но тут

уж ничего не поделаешь. Если окажется необходимым, мы сами подожжем университетские здания. Однако, если московский генерал-губернатор даст гарантии, что никто из находящихся в университете не только не будет арестован, но и обыскан, мы обсудим вопрос о выходе из университетского здания.

Ректор довольно охотно согласился немедленно переговорить с московскими властями. Мы постановили пока не оповещать массу осажденных об этих переговорах, дабы не порождать ликвидаторских настроений и не ослаблять бдительности и дисциплины.

Прошло несколько томительных часов. Наконец ректор вернулся и радостно объявил, что московские власти согласились выпустить нас из университета на предложенных нами условиях, но со своей стороны требуют, чтобы мы не устраивали при выходе никаких демонстраций и расходились по домам в указанных местах.

— Уверены ли вы, что согласие московских властей не является предательской ловушкой?—спросил я ректора.

Он беспомощно развел руками. Его неуверенность была, конечно, вполне естественной. Мы потребовали тогда, чтобы при нашем выходе присутствовал и шел вместе с нами кто-либо из высшей московской администрации и чтобы войска, жандармы и полиция были отведены от университета. Ректор снова отправился вести переговоры с властями.

Вернувшись, он объявил, что с нами пойдет помощник градоначальника и он, ректор московского университета. Последнее условие не имело для нас ровно никакого значения и было выдвинуто, очевидно, храбрыми московскими властями. Удалить войска эти власти категорически отказались, мотивируя отказ тем, что войска и полиция должны охранять нас же от возможных нападений со стороны «возмущенной» части московского населения. Эти условия, по заявлению ректора, были окончательными.

Мы устроили в нескольких аудиториях собрания всех осажденных и рассказали им о наших переговорах и о результатах этих переговоров. При этом мы, конечно, не скрывали, что доверять обещаниям царских сатрапов является большим риском. Впрочем, большинство осажденных и сами понимали, что дело может кончиться чудовищным вероломством. Поэтому все были настроены очень серьезно и строго выполняли распоряжения штаба. Решено было попробовать выйти из университета.

Проходить нужно было, согласно условию, по Большой Никитской улице (теперь ул. Герцена). Мы собрали отдельно всех вооруженных револьверами и выработали следующий план: они выходят первыми и выстраиваются двумя шеренгами вдоль Никитской улицы. Если сразу ничего не случится, выходит остальная масса и выстраивается между вооруженными шеренгами. Револьверы держать на взводе в карманах, но не суетиться и не нервничать. Если в ряды заберутся провокаторы и вздумают стрелять или иными способами вызывать переполох, немедленно при-

канчивать их на месте. Об этом был предупрежден и явившийся помощник градоначальника.

Наступила уже темная ночь, когда вдоль улицы стала выстраиваться наша охрана. Выход остальной массы тянулся больше часа. Я не отходил от градоначальника, твердо решив в случае предательства пристрелить в первую очередь его. Большое смущение вызвало среди всех нас его предложение расступиться и пропустить отряд конных жандармов или драгун. Они, по его словам, должны были занять переулки справа, чтобы предупредить возможные нападения на нас и не пропускать в эту сторону и нас. Вероятно, ни одно сердце тревожно сжалось, когда в узкий проход, образовавшийся в нашем строю, устремились вооруженные винтовками и саблями всадники.

Вопреки нашим естественным опасениям все кончилось вполне благополучно. Мы, стараясь соблюдать спокойствие и порядок, двинулись вверх по Никитской улице. Впереди шел пом. градоначальника, окруженный свитой полицейских чинов и офицеров. Возле него семенил ректор университета. Я старался не отставать от них. Наш отряд постепенно уменьшался. Товарищи группами уходили в переулки налево. Когда мы подошли к Тверскому бульвару, оставалось уже меньше половины. Пом. градоначальника вежливо козырнул и сел в ждавший его экипаж.

Мы с Алексинским свернули на Тверской бульвар. Нас никто не остановил и не задержал. Насколько мне известно, и остальные товарищи благополучно вернулись домой. Так закончился этот любопытный эпизод университетской осады.

17 (30) октября был опубликован царский манифест, обещавший свободу собраний, неприкосновенность личности и прочие «конституционные гарантии». Мы, революционеры-профессионалы, ни минуты, конечно, не сомневались, что эти вынужденные обещания будут вероломно нарушены на следующий же день.

М. Васильев-Южин

МАТЕРИАЛЫ

ПРОТОКОЛЫ ТРЕТЬЕЙ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РСДРП(б) 1917 ГОДА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третья Московская областная конференция подвела итоги работы большевистских организаций области за период август—ноябрь 1917 г. Картина этой работы по докладам с мест оказалась весьма пестрой. Как правило в промышленных районах области, на фабриках и заводах так же, как и вокруг них, местные парторганизации почти тотчас же после июльских разгромов вновь развернули свою активную большевистскую работу. Отлив из организаций быстро сменился огромной волной прилива, особенно в связи с Московским государственным совещанием и корниловщиной. Впереди шли организации Москвы, Московской окружной организации, Иваново-Вознесенск, Канавино (район Н.-Новгорода), Владимирский уезд, Тверь. Несколько отставали организации Н.-Новгорода, Сормова, Костромской и Тверской губ. Еще более слабым оказались большевики в Ярославской губ., Смоленской, Воронежской, Рязанской, в Жизд-ринском и Бежицком уездах (Калужской и Орловской губ.). И совсем в хвосте плелись организации Тамбовской и Тульской губ. Сильные организации с пролетарским составом и подлинными революционными традициями еще в марте вышли из подполья вполне обособленными от меньшевистских организаций. В других районах некоторое время имели место объединенные с меньшевиками организации, из которых большевики вышли или в связи с июльскими событиями или в дни корниловщины. Наиболее отсталые большевистские организации окончательно порвали с меньшевиками только в октябрьские дни и даже после них.

Доклады с мест обнаружили повальное бегство интеллигенции из большевистских организаций к меньшевикам. Особенно часто это имело место в организациях, которые были долгое время объединенными. Рабочим самим приходилось выделять из своей среды и агитаторов, и пропагандистов, и организаторов, и даже партийных литераторов. А между тем потребность в партийных работниках выросла до огромных размеров, так как после Октября везде свирепствовал саботаж буржуазии, чиновников и служащих. Всех мало-мальски активных и способных к общественной работе парторганизации должны были направлять в аппараты организующейся соввласти, в профсоюзы и в органы управления промышленно-

сти. Немудрено, что была колоссальная нехватка в работниках и в парторганизациях в особенности.

Доклады же с мест констатировали, что идеологически наиболее крепкими оказались низовые массы парторганизаций, интеллигентские же верхушки нередко качались и вправо и «влево».

Наибольший исторический интерес имеют те части протоколов конференций, в которых вскрылись эти уклоны вправо и отчасти «влево» со стороны самих участников конференции. Эти колебания выявились главным образом в прениях по докладу т. Ломова о текущем моменте и в выступлениях т. Рыкова и Ногина о дезертирстве товарищей из ЦК партии и из Совнаркома в октябрьско-ноябрьские дни.

В докладе т. Ломова о текущем моменте, в котором в основном он защищал позицию Ленина, по вопросу об Учредительном собрании все же проскользнули следы правой установки. *«Его (Учредительное собрание.—К. К.), говорил он,—не следует разгонять, потому что оно само будет способствовать рассеянию конституционных иллюзий. Заседание само убедится в ненужности его. Необходимо только удалить из него партию к.-д.,¹ чтобы уничтожить возможность использования его в контр-революционных целях».*

В развернувшихся по докладу прениях выявились как правые, так и «левые» настроения. Представитель Воронежской организации т. Врачев в конце своего правильного высказывания об Учредительном собрании, как учреждении, подсобном по отношению к Советам, «обмолвился» фразой, сводящей на-нет эту оценку: *«Только после этих вопросов (о земле, мире, рабочем контроле.—К. К.) Учредительное собрание может заняться организацией власти»².* Противоположное мнение высказал т. Стуков: *«Революция,—говорит он,—оставила далеко за собой Учредительное собрание и прочие буржуазные предрассудки. Что скажут товарищи, погибающие в борьбе с Калединым, если мы будем заседать вместе с кадетами! Вопрос решается только силой оружия»...* Может быть, придется, не открывая Учредительного собрания, разогнать его. Следует ясно сказать это в резолюции, а не замазывать. *Ошибка партии, которая пропагандировала Учредительное собрание»³.* В таком духе высказался и делегат Елпединский, который тоже считал, что Учредительное собрание не следует созывать.

Нужно, однако, отметить, что в основном громадное большинство делегатов придерживалось правильной линии, и принятой конференцией резолюция по текущему моменту (см. приложение № 6) в общем совпадает с установкой ЦК партии.

По вопросу об отношении к товарищам, вышедшим из ЦК партии и из Совнаркома, в чрезвычайно характерной для оппозиционеров всех мастей форме, высказались тт. Рыков и Ногин. Как позднейшие оппо-

¹ Курсив наш. — К. К.

² То же.

³ То же.

зиционеры, они упорно отрицают свою раскольническую вину, смазывают ее, запутывают вопрос, пробуют отыгаться на мелочах, забывая о главном, упорствуют в своем оппортунизме и в то же время говорят о полном согласии с линией партии, о том, что партия перешла на их позицию, что все дело в нарушении принципа демократизма со стороны руководства ЦК (т. е. со стороны Ленина) и т. д. и т. п.

Очень ярко проведена у Рыкова чисто троцкистская установка по вопросу о возможности победы у нас социалистической революции. «В России,—говорит он,—необходимо удержать революцию до возникновения в Западной Европе, раз силы пролетариата недостаточны для организации социалистического строя». Но в то время как Троцкий делал отсюда выводы, что либо мы немедленно зажжем факел мировой революции, либо мы погибнем, Рыков считает, «что исторически не может удержаться чисто большевистская власть в этой отсталой стране, в то время как в Европе не произошла социалистическая революция». Отсюда он делает дальнейшее заключение, что «необходимо привлечь все силы для организации нового общества. Так как рабочий класс составляет незначительную часть населения, большевики составляют только часть его (рабочего класса.—К. К.), то успех весьма сомнителен (при организации однородной большевистской власти.—К. К.). Не следует обострять отношения с другими партиями, необходимо соглашение с ними».

Такие же перлы оппортунистического упорства, клеветы, извращения фактов и уверток рассыпаны в речах т. Ногина: «При данном соотношении сил в стране,—говорит он,—чисто большевистское правительство должно пойти по пути террора...» «По мнению вышедших, надо было указать, что в партии нет демократизма, обвинить Ленина в личном режиме». Дальше следуют классические для всех оппозиционных группировок рассуждения на тему о том, что «чем больше партия, тем больше в ней течений», что «если вы хотите полного согласия, то вы разгоните всю партию» и т. д. В довершение же всего Центральному комитету бросается обвинение в том, что он установил монополию «для одного или пяти думать»... Вообще в выступлении Ногина что ни слово, то грубая фальшь; обращение с фактами, граничащее с надувательством; мелкое крючкотворство; противоречия самому себе; неуклюжее выгораживание собственной персоны; наглое обвинение руководства партии в узурпации; бахвальство, что за Лениным было меньшинство партии, а за вышедшими—большинство, что партия в конце концов пошла за ними.

Нашлась на конференции и пара защитников позиции вышедших из ЦК и СНК, но это были отдельные голоса, получившие резкий отпор от громадного большинства делегатов, полностью защищавших линию ЦК и т. Ленина. Впрочем, и сама защита вышедших из ЦК делалась в завуалированной и стыдливой форме.

Выявились на конференции и некоторые другие отклонения от основной линии партии. «Пролетариат,—говорит Стуков,—должен всегда... за-

нимать позицию, отвергающую всякую соглашательскую политику... Крестьянство связано с господством финансового капитализма». Здесь мы имеем истоки будущей позиции «левых» коммунистов, вынужденных в связи с установкой, подобно стуковской, занять позицию против брестского мира. Из выступлений Хлупова и Стукова видно, что отдельным «лево»-настроенным делегатам не чужды были и откровенно-анархистские настроения. Хлупов вносит предложение о слиянии «всех советов профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов и партии большевиков». Стуков же, беря слово по личному вопросу, указывает, что когда тактика правых элементов партии тормозила работу, он на закрытом заседании фракции «заявил в нервном состоянии, что лучше перейти к анархистам».

Высказывания т. Сафонова по вопросу об организации народного хозяйства, наоборот, звучат недвусмысленно-правыми настроениями: оратор отмечает «возможность соглашения с капиталистами, так как крутое изменение (в производстве) невозможно силами советов».

Но все эти отклонения от линии партии были лишь отдельными штрихами в основном направлении работ конференции. В целом же как речи делегатов, так и постановления конференции совпадали с линией ленинского руководства.

В публикуемых протоколах воспроизводится один из вариантов подлинника, хранящегося в архиве Института Ленина. Параллельные варианты этих же протоколов использованы лишь для расшифровки текста первого варианта и пополнения его в виде сносок (подстрочных примечаний) к основному тексту. Стилистические ошибки оригинала исправлены нами в подстрочных примечаниях.

К. Касаткин

[ПЕРВЫЙ ДЕНЬ КОНФЕРЕНЦИИ--(20)7 ДЕКАБРЯ 1917 г.]

Ломов (вступ[ительное] слово) [В начале своей речи он говорит] о предыдущей [июльской московской областной] конференции, происходив[шей] в обстановке преследований [нашей] партии буржуазией, которая [в то время] была сверху и пользов[алась] под[держкой] соглашат[елей]. Печать бурж[уазии] после июля* [заявляла] о повержен[ии] в прах марксизма. За три мес[яца] оправдались те мысли и тот анализ, кот[орый] был дан партией, оправдались торжество марксизма и свержение буржуазии. [Идут] вопли буржуазии о преследованиях печати и проч. Партия должна идти вперед, должна следовать по пути всемирной революции. [Эта] револ[юция] — перех[одная] к социалистической, что доказыв[ается] крушен[ием] всех устоев бурж[уазного] порядка (суд, печ[ать] и проч.).

* После событий (16 — 18) 3 — 5 июля 1917 г.

Ничем не остановить ход пролет[арской] революции. Помехи со стор[оны] бурж[уазии], казаков. [Октябрьская революция]—самый крупный социальный переворот. Русск[ому] пролетариату пришлось открыть эпоху соц[иалистической] революции. Ответств[енность] и труд[ности] предстоящ[их] работ [из-за] недостат[очности] соц[иально]-экономич[еского] разви[тия]. Опора—пролетариат, идущий вперед и способн[ый] справиться со всеми препятствиями. Неизбежны ошибки. Даже если будет задушен раб[очий] кла[сс],—трудно будет бурж[уазии] восст[ановить] старый строй.

Влияние [нашей революции] на международное движение. Перед вами новая эпоха всемирной истории; мы не только присутствуем, но являемся творцами, заложивш[ими] основы социалистич[еского] переворота. Призыв[аю] к разрешен[ию] предстоящих задач.

Предлаг[ается] президиум: Ломов, Стуков, Бала[шов], Невский, Корольков. Утверждается порядок дня* Предлаг[ается] [избрать] мандатную комисс[ию]; [конференцией] поручается президиуму [наметить состав комиссии].

Доклад Областного бюро

[Тов.] Манцев. [Докладчик вначале говорит] о том, что конференция собр[алась] при совершенно другой политич[еской] ситуации, чем в июле, когда были преследования партии. Та травля, которая имела место в июле, теперь не так резка, так как партия сделалась правительственной. [Далее оратор говорит] о том, что в июле отшатнулись те элементы, кот[орые] давали объединенные организации. Объединен[ные] организац[ии] остались только в Ростове и в Моршанске¹. [Оратор отмечает корниловские] дни, во время котор[ых] партия большев[иков] заняла главенствующее положение при отражении корниловского восст[ания]², изменение в составе советов, особенно солдатских. Областное бюро по-прежнему отвергало массовую запись в партию. Давались связи, велась агитация без оформления в ячейке, чтобы [организовалась] масса сочувствующ[их]. [После июля число партийных организаций в области повысилось с] 56 [до] 83 **, [членов партии в области тогда было] 45 тыс[яч], теперь—около 70 тыс[яч]. [Имеются] связи с группами и отдельными ли-

* Утвержден был порядок дня, предложенный Областным бюро и предварительно опубликованный в печати.

1. Доклад Областного бюро.

2. Доклады с мест.

3. Текущий момент и ближайшие задачи партии:

а) взаимоотношения советской власти и Учредительного собрания;

б) организация местной власти.

4. Организация народного хозяйства.

5. Участие в областной организации советов.

6. Отношение к товарищам, вышедшим из ЦК партии и из Совета народных комиссаров.

7. Организационные вопросы.

** В подлиннике протоколов ошибочно написано 83 вместо 82.

цами. [Поступают] сведения с мест о кризисе работников, кот[орые] могли бы обслужить всю массу орган[изованных партийцев]. Расширение и создание губернских [партийных] объединений. Масса работн[иков] ушла в Сов[еты], зем[ства] и в Учр[едительное] собр[ание]. Поэтому губ[ернские партийные] объ[единения] плохо работают. Районы Гусевский, Алекс[андровский], Владим[ирский] удалось оформить. Губернск[ие] конференц[ии] [всюду состоялись]. Губ[ернские партийные] объедин[ения, однако], не сыграли [своей] роли и [частично даже] исчезли. Кризис в работн[иках] в самом О[бластном] б[юро]. Работа [в Московском] в[оенно]-р[еволюционном комитете, выборы] в Учр[едительное] собр[ание] отняли работников. Уничт[ожился] разъездной аппарат, тогда как после июльск[ой] [конференции] сущ[ествовало] 5 раз[ъездных] раб[отников]. Полного сост[ава] О. Б. на собир[авшихся] пленум[ах не было], на что теперь не приходится рассчитывать. [За отчетный период по области было сделано работниками Областного бюро] * 9 маршр[утных] поездок и 25 [поездов] в отд[ельные] города. [Производились] разъезды во время корниловской истории для координ[ирования] действий и объедин[ения их]. Тоже [делалось и] в октябре, когда готовилось восстание по плану О[бластного] б[юро]. [Далее докладчик говорит] о том, что будущая работа не будет носить того порядка *, кот[орый] был раньше. Необходимо поставить партийную школу, для создан[ия] кадров работников, способных вести работу в О[бластном] б[юро]. Поступление членских взносов—минимально. Многие организации совсем не вносят. О[бластное] б[юро] не имеет совсем никаких других средств к существован[ию]. Раньше О[бластное] б[юро] имело остатки кажд[ый] отч[етный] мес[яц]. В дальн[ейшем] О[бластное] б[юро] вступило в полосу дефицита, который все увеличивается. Только в сентябре, ввиду обращения О[бластного] б[юро], несколько повысились отчисления. [На нужды книжного магазина получена] ссуда в 2 000 [руб. от] Ковровского комитета. Поступления по «займу—жертве» ³ [в августе—] 220 [руб.], [в сентябре] 1636 [руб. 75 к.], [в октябре] 3 170 [р. 25 к.], [в ноябре] 4 185 [р. 70 к.], [всего] 9 212 [р. 70 к.].

Необходимо [местным организациям] покрыть заем и собрать отчисления и [деньги] выслать О[бластному] б[юро]. Организация книжного магазина и книгоиздательства [вызывает] увеличение расходов по книгоиздательству. [Должна быть] хорошая организация издательства**.

Доклад о политической линии [Московского областного бюро т.] Стукова

Линия поведения О[бластного] б[юро] должна быть известна, так как большинство О[бластного] б[юро] было старое. [Данная революция

* Следует читать — *характера*.

** Конференции был представлен письменный доклад-отчет о деятельности Московского областного бюро, см. приложение № 1. Приложение это так же, как и приложения №№ 2, 3, 4 и 5, будут помещены в ближайшем номере «Пролетарской революции».

есть] переход[ная] рев[олюция]; этим именно и определялась политич[еская] линия [Бюро]. При господстве имп[ериализма], фин[ансового] кап[и- тала] и им[периалистической] войне всякая революция ставит остро все вопросы: или должно сущ[ествовать] госп[одство] буржуазии или [должно совершиться] уничтожение ее. Пролет[ариат] должен всегда был занимать позицию, отвергающую всякую соглашательскую политику. О[бластное] б[юро] стремилось к тому, чтобы пропасть между классами открывалась как можно полнее. Промежуточный элемент соглашателей должен был быть вытравлен. Постольку, поск[ольку] партия может вмеш[иваться] в стих[ийный] ход рев[олюции], О[бластное] б[юро] сделало много для этой цели. Крестьянство связано с госп[одством] фин[ансово- го] капитала, кулацк[ие] элем[енты], кооперат[оры]—[с] крупн[ыми] акц[и- онерными] кап[италистическими] предпр[иятиями]. [Все] эти элем[енты] перешли на сторону буржуаз[ии]. Процесс развит[ия] русской революции, кот[орый] вытр[авил] промеж[уточные] элементы, дал ясное представл[е- ние] о себе в ряде событий после июльск[ого] восстания. Август [дал контрреволюционные] изв[естия] о Каледине⁴ и Корнилове. Следовало заботить[ся] об уничтожении корнил[овской] истории и расшатать дикта- туру Керенского. [На этой почве были] столкновен[ия] О[бластного] б[юро] с М[осковским] к[омитетом], в котором наблюд[ались] колебание и отсут- ствие плана действий в августе. Эти столкн[овения] изживали[сь], не при- вода к сер[ьезным] ст[олкновениям].

Во время Моск[овского] совещ[ания]⁵ столкновение этих линий стало гораздо серьезнее, когда надо было провести определ[енную] линию. Директивы М[осковского] о[бластного] б[юро] задерж[ивались] Стаалем⁶. Шестерка, в которую вошел М[осковский] к[омитет], являлась пособником в борьбе с большевиками (в дни корниловщины)⁷. М[осковское] о[бласт- ное] б[юро] вызывало [тогда] тов[арищей] с мест и давало им директивы.

[Встал] вопрос о преследован[иях] со стороны Керенского. Или [наша партия должна быть у власти], или [Керенский]. [Была] резкая пост[а- новка] вопроса. О[бластное] б[юро] обратило вним[ание] на то, что центры парт[ии] колебались, в то время как массы уже были готовы к выступ- лению. О[бластное] б[юро] (резолуция пленума [Московского областного бюро (10 октября) 27 сентября 1917 г. о текущем моменте]) указывало на то, что необходимо вооруж[енное] восст[ание], что парлам[ентская] борьба вредна*. [Было послано] извещение ЦК [партии] об этой резо- люции, что способствовало усилению левой части ЦК, кот[орый] принял вскоре резолюцию о восстании. Практические действия Об[ластного] б[юро] после прин[ятия] резолюции: проекты выст[уплений] советов для вмеш[ательства] в экономич[ескую] жизнь; в области регулирования отно- шений между трудом и капиталом; проведение [своей] линии в [Москов- ской] области посылкой товарищей; резолюция Владимир[ского] съезда советов о разрыве с правительством **; реш[ение] М[осковского] губ[ерн-

* См. приложение № 2.

** См. приложение № 3.

ского] совета, на кот[ором] предст[авитель] О[бластного] б[юро] провел подобную же резолюцию.

Во время восстания Об[ластное] б[юро] стремилось к тому, чтобы [его] линия проводилась без всяких колебаний. Гладко работа [проводилась] в области, где на $\frac{3}{4}$ [она] шла так, как именно должен идти революц[ионный] пролетариат. [Имелось] столкновение с линией соглашательства, которая убила много времени на переговоры, кот[орая] только затянула [борьбу. М[осковское] о[бластное] б[юро] с членами М[осковского] к[омитета] [и Московского] О[кружного] к[омитета] вырабатывали директивы, кот[орые] дикт[овались] В[оенно]-рев[олюционному] комит[ету]. Крупная роль О[бластного] б[юро] и налаженное дело стали срывать в столкновении с колеблющимися[ся] элемента[ми]. После опять [взяла] верх линия О[бластного] б[юро], когда необходимо потребовалось пустить в ход артиллерию. [В основу нашей линии были положены] тезисы Ленина, от которых не отступало О[бластное] б[юро]⁸. Дальнейшая полит[ика] должна также быть вполне последовательной в борьбе с правыми большеви[ками]. О[бластное] б[юро] стоит на старой точке зрения строго выд[ержанной] рев[олюционной] пролет[арской] линии.

[Задаются] вопросы по докладу [тов. Манцева].

Один из товарищей говорит о недостатке агитаторов, о финансовом кризисе О[бластного] б[юро]. Ввиду предстоящей громадной работы О[бластного] б[юро] и возможности гражд[анской] войны необходимо принять экстренные меры, в согласии с советами, для поддержки О[бластного] б[юро] во всех отношениях.

Лещинский (от Великодворья [Владимирской губ.]) вносит предложение [ответить] на вопрос об освобождении черносот[енцев] из тюрем.

Хлупов (ст. Лобня [Московской губ.]) [вносит предложение] о необходимости работы совместно с Советами, [о необходимости] слияния всех Советов, професс[иональных] союзов, ф[абрично]-зав[одских] комитетов и партии большевиков. В борьбе с буржуазным хозяйством необходима общность действий всех пролетарск[их] организаций. Предлагает[ся] контакт пролет[арских] организаций.

Невский ([берет слово] к порядку). Прения должны придерживаться 2-го [второго] доклада, ненужность прений по первому докладу [ясна], [по нему] надо ограничиться письменными предложениями.

Председ[атель] Стуков. [Поступили] предложения; 1-е—прекратить работу по обс[уждению] доклада; 2-е—[о том], чтобы ораторы говорили с кафедры.

Один из товарищей предлагает не прерывать работы (аплодисм[енты]).

Тов[арищ], внесший предложение [о перерыве в работе], говорит, что [конференция] не все еще собралась и [поэтому] надо сделать перерыв, т[ак] к[ак] доклады с мест необходимо выслушать [предварительно].

[Другой] товарищ предлагает перенести доклады с мест.

[Третий] товарищ предлагает не отступать от порядка дня.

Голосование (предложение за [сохранение принятого порядка дня] собрало) 31 [голос], против — 24.

Матвеев ([от] Хамовн[ического] района [говорит] о недостатке работников, [задает] вопрос О[бластному] б[юро], можно ли работать при социалистической революции, когда нет работников [и приводит] пример, — контроль над произв[одством], который не может осуществляться за недостатком работников. [Оратор говорит, что] работники, уходящие из партии*, [и] предлагает принять все меры для создания [партийной] школы и привлечения работников.

[Поступило] предложение о регламенте: докл[адчику]—40 мин., [для] заключ[ительного слова]—20 мин., оратор[ам] в 1-й раз — 10 мин., 2-й раз—5 мин., по предл[ожениям]—1 [одному] за, другому против [по 3 мин.]. За 40 мин. [голосовало] меньшинство. Время для доклада не ограничивается. [За] заключительное слово в 20 мин. [голосовало] меньшинство. Заключит[ельное слово ограничено] 10 мин. Мотивировка предложений [ограничена] 3 мин. Докладчики с мест имеют 10 мин.

Мясников от Кулебак [Нижегородской губ.]**.

Рыков. [Оратор говорит] о том, что они [соглашательски настроенная часть большевиков] вышли из Сов[ета] нар[одных] комиссаров, о пунктах расхождения между правыми и левыми [большевистскими] организациями, о словах Стукова о тезисах Ленина, котор[ые] относятся к Рыкову, [о] постановлении партии о передаче власти Совет[ам] для установления диктатуры. Левые большев[ики] говор[ят] о том, что мы присутств[уем] при организации соц[иалистического] общества. [Оратор отмечает] слабость экономич[еского] разв[ития] [нашей страны], [делает] указание на поднятие революц[ии] во всей Европе. Последнее обязат[ельно] и для правого и левого крыла партии. В России необходимо удержать революцию до возникновения ее в Зап[адной] Европе, раз силы пролетариата недостаточны для организац[ии] соц[иалистического] строя. Соглашение с крестьянами. Необходимость блока раб[очих] и крест[ьян] для образования базы против контрреволюции. Необходим[ость] организаци[и] власти из всех партий, входящих в Совет[ы]. Платформа 2-го съезда [Советов]: немедл[енное] зак[лючение мира], контр[оль над производством], земл[я] [народу], Сов[етская] власть. Необходимо привлечь все силы для организации нового общества. Т[ак] к[ак] раб[очий] класс сост[авляет] незначит[ельную] часть населения, большевики сост[авляют] только часть его [рабочего класса], то успех весьма [сомнит[елен] [при организации однородной большевистской власти]. Не следует обострять отношен[ия] с другими партия[ми], н[е]обходимо соглашение [с ними]. Большин[ство] ЦК [партии] снача[ла] высказ[алось] за соглаш[ение]. Впоследствии ЦК [пар-

* Следует читать с партийной работы.

** Речь т. Мясникова ни в одном из вариантов подлинных протоколов конференции не приведена.

тии] вынес постановление прервать переговоры [с советскими партиями] После этого мы и вышли и[з] ЦК для того, чтобы сделать это обсужд[ение] достоянием широкого обсужд[ения]⁹. [Получено] известие о занятии юга Калединым. Вопрос с Украиной [с Украинской Радой] следует разрешить оружием. Борьба Рады — не борьба с Керенским: за Радой стоят ее полки¹⁰. Съезд Сов[етов] в Киеве бессилён. [Надо иметь в виду] классовый состав Юга, где население не может поддерж[ать] Советы. [Это—] казач[ья] Вандея. Если даже Рада и Кал[един] будут побеждены, то все же население Юга не будет изменено. Диктатура рабочих не соотв[етствует] составу населения; следует организовать власть, которая не только силой оружия, но и морально была бы сильна.

[Оратор отмечает] заявление в С[овете] нар[одных] ком[иссаров] о том, что вхожд[ение] лев[ых] с.-р. создаст власть, которая будет пользоваться поддержкой населения всей страны. В Министерство* замедления вошли [левые] с[оциалисты]-р[еволюционеры]. Это — первый шаг. Отношение к другим вопросам, как Учр[едительное] собр[ание], должно также измениться**.

Один из товарищей предлагает не касаться речи Рыкова в дальнейших прениях.

[Поступило] предложение о прекращении записи ораторов. [Всего записано] 7 ораторов.

[Викман (из Кимр Тверской губ.)]. [Остро стоит] вопрос о необходимости привлечения организаторов и агитаторов. Выход—в организации партийной школы. Необходимо постановить [об упорядочении] финансов[ой] сторон[ы] [партийных организаций]. [Оратор говорит о] мер[ах] О[бластного] б[юро], которые были приняты для осведомления на местах, о докладе Стукова. Следует иметь в виду разногласия в партии и осведомить на местах, что имеется правое, соглашательское крыло в партии. [Нужно отметить] заслуги О[бластного] б[юро], кот[орое] последоват[ельно] проводило революционн[ую] тактику.

* В подлиннике ошибка: следует сказать—в народном комиссариате.

** В другом варианте подлинника протоколов речь тов. Рыкова записана так:

«Слово [предоставляется т.] Рыкову.

Я один из тех, кот[орых] именуют правыми большевиками. У меня нет времени, намечу только линию, кот[орая] [проходит] между пр[авым] и лев[ым] кры[лом] большевизма. Больш[инство] разногласий, кот[орые] выст[авил] Ст[уков], ко мне не относятся, но [его выступление] по поводу тезисов Ленина я принимаю. Я хотел [бы] подчеркн[уть] [мнение] пар[тии] в целом, что она отвергла тезис[ы] Ленина. В резолюц[ии] партия остановилась на определении грядущего момента, как [момента] диктатуры раб[очих]. Вот основ[ные] тезисы; в настоящий момент иные тезисы: перевор[от], соц[иалистическое] общество,—хотя пролет[ариат] и слаб для врем[ени] орган[изации] соц[иалистического] общ[ества], но в истор[ическую] эпоху они диктуют социалист[ические] задачи: мы зажжем такой факел, от кот[орого] загор[ятся] вся Евр[опа]. Это обст[оятельство] обязат[ельно] для правого и лев[ого] [крыла], но мы [делаем из него] иные выводы: для того, чт[обы] востор[жествовала] соц[иалистическая] револ[юция], надо, чт[обы] наша не была подавлена. Тактика Сов[етов] должна дотянуть торж[ество] револ[юции] до того [момента], чт[обы] нам [успела] помочь

Балашов (Ив.-Вознесенск.) [Оратор — говорит о] лини[и] О[бластного] б[юро], [отмечает] правильность этой линии, т[ак] к[ак] О[бластное] б[юро] отвечал[о] [своей линией] на запросы революц[ионных] масс. В разных местах линия О[бластного] б[юро] только и создавала возможность перехода власти в руки Советов. [Производило] давление О[бластное] б[юро] на ЦК [партии]. Тактика Ленина была проведена М[осковским] о[бластным] б[юро], и если оно пойдет по прежн[ей] линии, то развитие революции обеспечено. Следует прислушив[аться] к голосу масс.

Беленький. (Моск[овская] организ[ация]). [Оратор говорит] о колебаниях [Московского] к[омитета]. [Затем он отмечает, что] в данное время тактика М[осковского] к[омитета] совпадает с [тактикой] ЦК [партии], [что городские] районные работники стояли на точке зрен[ия] необходимости восстания, которое по их мнению было обеспечено успехом. Постановление общегородск[ой] конфер[енции], одобрившей тактику Ленина ¹¹.

([Тов. Гулевич] Нижн.-Новгород). [Оратор говорит] о под[держке] нижегородской организацией О[бластного] б[юро] и его линии. Отставание городских центров от деревни, где раньше, чем в городе, происходил за-

Евр[опа]. Мы должны искать союзников среди крестьянства и [добиваться], чт[обы] этот блок рос и ширлся, чт[обы] к[онтр]-рев[олюционные] силы не могли... Мы нах[одим], что историч[ески] не может удерж[аться] чисто-большев[истская] власть в [э]той отсталой стране в то время, как в Евр[опе] не произошла соц[иалистическая] рев[олюция]. Надо, чт[обы] было схождение всех [социалистических] партий [на платформе]: немедл[енное] закл[ючение] мира, земля народу, советская власть. Мы должны привлечь все силы, способные по [своему] социальному положению [поддержать революцию]. Нам ясно, что стране, как Россия, — где [количеству] раб[очих] ничтожно и [где мы знаем], что больш[евистская] партия — часть [трудящихся], что [в стране] большинство крестьян, — опасно проводить тезисы Ленина; теперь, — пока не окрепла победа большевиков, — опасно разрывать с другими партиями. После победоносного перево[рота] поставили вопрос о соединении и привлечении [к власти] соц. партий. [Затем] ЦК [партии] изменил решение. Он прерывает перегов[оры] и остан[авливается] на платформе чисто больш[евистской] власти.

Последний эпизод. Сегодня [имеем] вечерние] известия: Юг занят Кал[единым]; [в] Таганрог[е] солдаты разбежались. По сущ[еству] с украин[ским] вопр[осом] мы справимся. Нужно мобил[изовать] все силы, чт[обы] подавить [контрреволюцию] в корне. Но это кал[единоское] выступл[ение] [создает] тяжелое впечатление. Раде удал[ось] получить всех украин[ских] крестьян против С[ов]н[ар]к[ома]. Кер[енский] не получил войск, а Раде [это] удалось. Это объясн[яется] классов[ым] составом Юга; [его] население не может поддерживать с[оветскую] власть: [ведь] это — зажиточное кр[естьянство]. Мы добьемся победы только вооруж[енной] рукой. Но пойдем ли мы на это? [Пойдем ли] и в Сибирь, где рабочих тоже мало? Это обстоя[тельство] наталк[ивает] [на мысль], что диктатура раб[очих] недостат[очно] соотв[етствует] их интересам. И [напрашивается] вывод, [что нужно базироваться] на платформе 2-го съезда [Советов], чт[обы] организ[овать] такую власть, чтобы она не только силой, но и морально могла бы победить. Вхожде[ние] [в СНК] лев[ых] с[оциалистов]-р[еволюционеров] создается почва, на которой власть поддерживалась [бы] большинством населения. Шаг сделан вхожд[ением] в министр[ство] земл[едел]ия лев[ых] с[оциалистов]-р[еволюционеров]. Это — только первый шаг. [Отсюда] вытекает отношение и к Учредительному собранию и к управл[ению] России.

[Затем] Рыков перешел к вопросу о текущем моменте. Я описал основной момент нашей точки зрения, что мы стоим на диктатуре не только рабочих».

хват власти. Необходимо обратить внимание на отсутствие работников. Необходимо устроить курсы в различ[ных] губ[ернских] городах. [Оратор] призыв[ает] к образов[анию] коллегии лекторов в области. События настолько быстро идут вперед, что необходимы экстренные меры. Необходимо вносить аккур[атно] процент[ные] отчислен[ия].

Большаков (Александр[овская] организ[ация] [Владимирской губ.]) [говорит] о правильной линии О[бластного] б[юро], который, учитывая момент, провел * ту тактику, которая привела к захвату власти [и благодаря которой удалось] свергнуть правит[ельство] Керенского. Трения О[бластного] б[юро] с непролетарскими элементами. Давление О[бластного] б[юро] на ЦК [партии], в котором оказались трусливые элементы, далеко отставшие от масс. Следует поддерживать всеми силами О[бластное] б[юро]. Губ[ернский] съезд [Советов] во Влад[имире], подготовка восстания. О[бластное] б[юро] способствовало организации движения и направления его в надлежащее русло. Финансовый вопрос — необходимость помощи для О[бластного] б[юро]. Необходим руководящий центр для организации борьбы.

Кушнарев (от Владивостокск[ой] жел. дор.) приветств[ует конференцию] от имени Владивосток[ского] комитета [партии и говорит] о том, что [эта] организация ждала восстания в июле, [затем —] во время корнил[овского] восст[ания], после которого Влад[ивостокский] совет взял власть в свои руки ¹². После 2-го [всероссийского] съезда [советов] осуществляют[ся] в [нашей] области идеи марксизма. Владивосток не был занят японцами, как это сообщалось. [Ставим] вопрос на предстоящем всерос[сийском] ж[елезно]-дор[ожном] съезде о взятии в свои руки жел[езной] дороги. Не следует бояться и задумываться над дальнейшим. Роль [Московского] о[бластного] б[юро] весьма значительна и может быть оценена только впоследствии. [Оратор отмечает] роль 5 вышедших [народных] комиссаров. Не следует нимало отклоняться от последовательной революционной политики.

[Стоит] вопрос о связи с японскими рабочими. Связи [с ними] во Влад[ивостоке] [пока] нет, но есть товарищи, осведомляющие русских раб[очих] о рабочем движении в Японии.

Корольков предлагает перерешить вопрос о прекращении сегодняшнего заседания.

Манцев сообщает, что все крупные организац[ии] [области] имеют представител[ей] [на данной конференции].

Сафонов предлагает выслушать мотивировку Королькова.

Невский предлагает не перерешать [вопрос о прекращении заседания].

Председатель предлагает заслушать сначала [заключительные слова] докладчик[ов] и оглашает две резолюции и предложения, предлагает сдать все предложения в О[бластное] б[юро].

* В подлиннике протоколов ошибка: следует сказать — *которое провело*.

Манцев [говорит] об удовлетворении членов О[бластного] б[юро] отзывами тов[арищей] с мест [о его работе], об удовлетв[орении] тем, что высказыв[авшиеся] товарищи одобряли доклад т. Стукова, [говорит] о том, что О[бластное] б[юро] принимает все меры для привлечения работников, [что] необходима помощь с мест.

Стуков счит[ает] необходимым ответить, так как по его докладу ему заданы вопросы. Вопрос о том, насколько сильно в партии соглашательское течение: оно имеется только в верхах, в ЦК [партии] и крупных организациях, чего нет на низах, т. е. имеется только небольшая группа. [Оратор говорит] о партийной школе, несостоятельности упреков товарищей [по этому вопросу]. [Есть] препятств[ия], не дающие [возможности] О[бластному] б[юро] выполнить необходимые меры [по удовлетворению всех запросов с мест]. Нужды Моск[овской] организ[ации] обслужив[аются] лучше, чем какая бы то ни было *. [Затем оратор говорит] о словах Рыкова (о текущем моменте), [отмечает] выступление Каменева и Зиновьева, [говорит, что] слова Рыкова не касаются сути дела.

[В президиум поступили] 3 резолюции [по докладу о работе Областного бюро].

[Один] тов[арищ] предлагает передать резолюции для обработки редакционной комиссии.

Председ[атель] предлагает принять за основание 2-ю резолюцию.

Авторы других резолюций не соглашаются их снять.

Председ[атель] оглашает [новое] предлож[ение о передаче резолюций для обработки в президиум]. За передачу в президиум [голосовало] 38, за вторую резолюцию [за принятие ее в основу] — 8, [за] третье [предложение] — (голосовать каждую резолюцию) никого **.

Невский оглашает фамилии тех, кто должен зайти в мандатн[ую] комис[сию] [для дачи справок по своим мандатам].

[Заслушивается] доклад т. Манцева о [работе] мандатн[ой] коми[с-сии]; [т. Манцев] читает доклад: отсутств[уют] [на конференции] пред[ста-вители] от Орла, Калуги, Смоленска. Всего [присутствует на конференции] 121 дел[егат]: 39 — с сов[ещательными], 82 — с реш[ающими] голос[ами].

Т[ов.] Стуков предлагает выбрать ревизионную комиссию О[бластного] б[юро] в составе 5 чел[овек]: от Моск[овской] орг[анизации], М[осковской] окр[ужной] организации, Ив[аново]-В[ознесенска], Гусев[ского района] и одного [от какой-либо] из больш[их] орг[анизаций] губ[ернских]: Яро-сл[авской], Костр[омской] или Воронеж[ской]. Выбираются единогласно: 1) Сапронов — от М[осковской] окр[ужной] о[рганизации], 2) Воронин — от Ив[аново]-Вознес[енска], 3) Лещинский — от Гусевского района, 4) Белов — от Костромы, 5) Маша [т. Черняк] — от Моск[овского] жел[езно]-дор[ожного] райо[на] (Москва) ***.

* Т. е. чем нужды какой бы то ни было другой.

** Резолюция, принятая конференцией по докладу о работе Московского областного бюро — см. приложение № 4.

*** Протокол ревизионной комиссии — см. приложение № 5.

[ВТОРОЙ ДЕНЬ КОНФЕРЕНЦИИ—(21) 8 ДЕКАБРЯ 1917 г.].

Доклады с мест.

Решено: делать доклады по списку имеющих[ся] представителей; все тт. делег[аты] должны сделать д[оклады] с мест, не повторяясь. Остается [в силе прежнее] решение: 10 мин. давать для докл[ада] каж[дому] докл[адчику].

Т[ов.] *Балашов* (Ив[аново]-В[ознесенск]). В наст[оящее] врем[я] в г[оро]де около 50 000 всех рабоч[их], до войны б[ыло] 70 000. Понизилось числ[о] раб[очих] вслед[ствие] упадка производств[а]. [В нашей партийной] организ[ации] 5 871 ч[ел.]. Есть парт[ия] с[оциалистов]-р[еволюционеров], около 250 ч[ел.], максимал[истов] — 60, меньшев[иков] 50 ч[еловек]. Есть и анарх[исты] — чел[овек] 20—25. Делег[аты] наши [на областную конференцию] были изб[раны] гор[одской] конфер[енцией] [17] 4 декабря. Членские взносы (отчисл[яют] 1% с заработ[ка]) плохо поступают вслед[ствие] недавней забастовки, и пот[ому] раб[очие] не получ[ают] еще регулярно заработка, — за это еще ведется борьба, т[ак] к[ак] ф[абрикан]ты саботируют. Газет [у партийной организации] нет. Раньш[е] издав[алась] «Звезда», но она прикрылась за недостатком литер[атурных] сил. Сейчас сущ[ествует] раб[очая] газета «Голос», издает[ся] гор[одским] самоуп[равлением] и Советом р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], расход[ится] в 5 000 экз[емплярах]. Было изд[ано] 5 000 листовок и для окруж[ной] организации, а не только для Ивано[во]-Возн[есенска].

В деревне [партийная работа] ведется дерев[енскими] силами, т[ак] к[ак] у нас нет в г[оро]де сил, хотя потребность в этом большая. Мы посылаем иногда на одно собр[ание] или митинг товар[ищей]. Совет хотя состоит не из одн[их] б[ольшевиков], но в большинстве [в нем] б[ольшевики], др[угие] пар[тии] в С[овете] в меньшинстве. Меньш[евики] и с[оциалисты]-р[еволюционеры] — обор[онцы] во вр[емя] окт[ябрьской] рев[олюции] заявили об уходе и постоянной раб[оты] не ведут. В Совете 190 ч[еловек]. Существуют след[ующие] [профессиональные] союзы в Ив[аново]-Возн[есенске]: текстиль[ыщиков], механич[еского] про[изводства], союз тор[гово]-пр[омышленных] служащих. Текстильн[ый] союз насчит[ывает] 30 000 чел[овек]. В [союзе] мех[анического] производства и с[оюза] т[оргово]-промышленных сл[ужащих] неизвес[тно] кол[ичество] членов. [Имеются] кооперативы: «В единении — сила» и «Почин». В [кооперативе] «В единении — сила» насчитывается 18 000 человек; посл[едний] кооп[ератив] [«Почин»] — союза фабрикант[ов]. Есть клуб рабоч[их], занят с[оциалистами]-р[еволюционерами] и м[еньшевиками]. Мы мало обращали внимания на него.

В Окт[ябрьскую] рев[олюцию] известие [о петроградском восстании] к нам пришло [9 ноября] 27 окт[ября] (была телеграмма от железнод[орожников], и на Советс[ком] засед[ании] ее прочли нам); оно придало большую энергию нам, а с[оциалисты]-р[еволюционеры] и меньш[евики] ушли с собран[ия] недовольн[ые]. На др[угой] день б[ыл] выбран штаб

воен[но]-револ[юционн]ой организации из с[оциал]-д[емократов] б[ольшевиков] (4), максим[алистов] — (2) с ж[елезно]-дор[ожниками] (1), всего 7 ч[ленов]. С[оциалисты]-р[еволюционеры] хотя и были против выступл[ения] на словах, но открыто не выступали, т[ак] к[ак] потеряли престиж еще до н[ачала] револ[юции], а особ[енно] они потеряли престиж во время, когда часть их ушла вправо, часть — влево, к максималистам. Служ[ащие] почты, телегр[афа] и др[угие] (городск[ие]) были их сторонниками.

Никакой вооруж[енной] силы против большев[иков] не было, т[ак] к[ак] солдаты объединились, и красн[ая] гвардия была вооружена. У солдат были перевыборы [командного состава], и офицеры [были] оставлены или те, кот[орые] соглаш[ались] с властью Советов, или партийн[ые] б[ольшевики]. Красн[ая] гв[ардия], — из 140 человек, — б[ольшевики], есть и анарх[исты] и максим[алисты], больш[инство] — б[ольшевики]. Кр[асная] гв[ардия] раб[отает] под руков[одством] Исп[олнительного] к[омитет]а Совета, и штаб кр[асной] гв[ардии] заведует красн[ой] гвар[дией]. Совет не переизб[ран], т[ак] к[ак] не было надоб[ности], с[оветское] больш[инство] — наше. Часть с[оциалистов]-р[еволюционеров] осталась в Сов[ете]. Совет признал власть нар[одных] комис[саров].

Среди б[ольшевиков] имеется в наст[оящее] вр[емя] течение правое, кот[орое] борется с левым; если О[бластное] б[юро] не будет присылать работн[иков] сильных, то есть опасность, что рабоч[ие] пойдут за прав[ым] крыл[ом], в кот[ором] больш[инство] — интеллиг[енты]. Актив наш против [правого крыла], ведется агитация среди рабочих масс.

В город[ском] самоупр[авлении] — тоже больш[инство] большевиков. В земстве — тоже больш[инство] наших. Губерн[ский] совет — большевист[ский]. Совета кр[естьянских] деп[утатов] нет в городе. Есть в Шуе С[овет] кр[естьянских] д[епутатов], где $\frac{1}{2}$ большев[иков].

Док[ладчик] [Орлеанский] (Кострома). Общее число рабочих — 25 000 [человек]. Есть губ[ернский] сов[ет] кр[естьянских] д[епутатов] и уездн[ый] с[овет] кр[естьянских] деп[утатов]. Совет раб[очих] деп[утатов] был в бол[ьшинстве] больш[евистским]. Сов[ет] с[олдатских] деп[утатов] был, назыв[ался] сначала С[оветом] военных деп[утатов], т[ак] к[ак] в него [входили] предст[авители] как офицер[ов], так и солд[ат]. Все лето велась агитация за представ[ительство] от солдат, а не от офиц[еров], это[го] достиг[ли] в октяб[ре]. Теперь это сделано, и он [Совет] чисто солдатск[ий]. Губ[ернский] сов[ет] раб[очих] деп[утатов] был и еще не переизбран, — это на очереди. Уезд[ные] сов[еты] кр[естьянских] д[епутатов] сост[оят] в б[ольшинств]е из левых с[оциалистов]-р[еволюционеров]. В город[ском] самоупр[авлении] сейчас меньшевик[ов] меньше $\frac{1}{2}$ [всего состава гласных]. Управа город[ская] состоит из 5 б[ольшевиков] и 1 с[оциалиста]-р[еволюционера].

В гор[одской] орг[анизации] партии 1 500 членов. В Костроме много интелл[игентов] в партии. Низы настроен[ы] лево, а инт[еллигентные] верхи — наоборот. До сих пор, благод[аря] этому, не было предприн[ято] актив[ных] шагов. О красн[ой] гвардии подним[ался] вопрос с мая. Были

отдельн[ые] списки [красной гвардии], но до сих пор [она] не была организов[ана]; теперь тормозится дело из-за нехватки оружия. Гарнизон был всегда на стор[оне] б[ольшевик]ов. [8 июля] 25 июня были выборы в гор[одскую] думу, — 80% гарниз[она] голос[овало] за б[ольшевик]ов. Сейчас гарнизон весь [большевистс]к[ий]. Рабочие тоже все на выб[орах] в Учр[едительное] собр[ание] [голосовали] за б[ольшевик]ов: на 1-м месте [прошли] б[ольшевик]и, на 2-м — к[а]д[еты]; 3-е м[есто] [заняли] духовен[ство] и миряне [идущие за последним]. Сейчас в гарниз[оне] перевыбирается начальство. Было заключен[о] нек[оторое] соглашение с [левыми] с[оциалистами]-р[еволюционерами]. Уездный сов[ет] кр[естьянских] деп[утатов] и сов[ет] р[абочих] деп[утатов] действуют вместе. Есть трения [в организации], благ[одаря] кот[орым] не был избран немедленно В[оенно]-р[еволюционный] к[омитет]. Мы нед[ели] за три знали о событиях, были намечены В[оенно]-р[еволюционный] к[омитет] комиссары. Когда пришли известия, — эти трения помешали выбрать В[оенно]-р[еволюционный] к[омитет], боялись забастовок [служащих]. Вооруженного восстания [против советов] не боялись, оно не могло быть. С мест[ными] ж[елезно]-д[орожниками] мы работаем в контакте. Забастовок против нас не было, хотя служ[ащие] ж[елезных] д[орог] организуются с к[а]д[етами]. У них выбран уже стачечный к[омитет].

У нас есть газ[ета] «Север[ный] рабочий», расходится в 1 000 экз[емпляров]. У с[оциалистов]-р[еволюционеров] и у мень[шевиков] есть тоже неболь[шие] газеты. Газета к[а]д[етов] подняла травлю против нас, и мы дня 3 цензуровали ее. Мы изъяли ночью материал [телеграммы] от Керенского и Каледина из газ[ет] с[оциалистов]-р[еволюционеров] и к[а]д[етов]. Было совеща[ние] редакторов с[оциалистических] газ[ет]. Губ[ернский] комиссар — меньшевик; он выставил телегр[аммы] Керенск[ого] и ком[итета] сп[асения] [родины и революции] ¹³ в своей витрине. Потом он убрал эти телегр[аммы]. Теперь обсуж[дается] вопрос о полном захвате комиссариата.

Парт[ийная] раб[ота] постав[лена] неважно. В городе много б[ольшевик]ов работ[ает] в Совет[ах], в городской управе. Благ[одаря] такому распылению сама парт[ийная] раб[ота] — в стороне; острый недостаток в рабочих. Было предп[оложение] поставить комиссара в банк, но это не исполнено, так как не было [подходящего] лица [для этой работы]; то же [самое] на почте не б[ыло] исполнено из-за опасения забастовки. [17] 4 дек[абря] была общегор[одская] конферен[ция], в ней [выявились] 3 теч[ения]: правое (в меньшинстве), среднее ([с лозунгом] — Учр[едительное] собр[ание] д[олжно] б[ыть] собрано без к[а]д[етов]) и левое. 2 резолюции [были предложены] по воп[росу] об Учр[едительном] собр[ании]: одна — за собр[ание] Учр[едительного] собр[ания] — собрала большинс[тво] голосов, другая собрала меньш[инство].

Средства от казначейства не получаем.

С[овет] р[абочих] деп[утатов] Костр[омской] пользуется авторитетом, улаживает конфликты м[ежду] раб[очими] и фабр[икантами]. Из уезда

обращаются за разреш[ением] конфл[иктов], и Сов[ет] их улаживает.

[Тов. *Корольков*] (Ярославль). [В партийной организации] 1500 членов. На засед[ании] общегор[одского] [партийного собр[ания] была [принята] резолюция [18] 5 дек[абря] *... Ярослав[ский] Совет объедин[яет] 30 000 рабочих и около 10 000 солд[ат]. В Совете работа налаживает[ся]; налаж[иваются] отделы Сов[ета]. В Совете искл[ючительно] раб[отает] наша фракция; меньш[евики] покинули Совет. Теперь — на очереди вопр[ос] о переизбр[ании] Сове[та]. В Исп[олнительном комитете] Сов[ета] — искл[ючительно] почти б[ольшевик]и. В деревне дела налаж[иваются]. В разл[ичных] местах возник[ают] ячейки и связывают[ся] с нами. Губ[ернский] с[овет] р[абочих] д[епутатов] — искл[ючительно] оборонческий. Возник[и] и земел[ьный] к[омитет] и не допускает проведения декрета о земле, мешал волостн[ым] сходам. Крас[ная] гвард[ия] создает[ся] из отд[ельных] ячеек, созд[аются] местные штабы и набира[ется] крас[ая] гв[ардия]. На очереди — губ[ернский] крест[ьянский] съезд ([28] 15 декабря) для переизбр[ания] С[овета к[рестьянских] д[епутатов].

Выб[оры] в Учр[едительное] собр[ание]: $\frac{1}{2}$ с[оциалистов]-р[еволюционеров] [прошли депутатами], $\frac{1}{2}$ большев[иков]; городская дума (в ней наших 12 товарищей) имеет к[а]д[етов] и с[оциалистов]-р[еволюционеров], и нашей работе — серьезное препят[ствие] от них. Особенно это сказывается в продов[ольственном] вопро[се]: дума сама ничего не дела[ет], [только] вывеш[ивает] плакаты о голоде.

Контроль создан эконо[мическим] отдел[ом] и отдел[ом] труда [Совета], комисс[иями] на заводах, кот[орые] бер[ут] на учет сырье. [Контроль] начали с табачной пром[ышленности] ¹⁴. Кр[асная] гвард[ия] из 200 ч[еловек], плохо вооруженных, — о вооружении хлопочем. Уволили губ[ернского] комисс[ара] и своего назначили. Комисс[ар] госуд[арствен]ного банка имеется. Вмешиваем[ся] в их [банковских служащих] работу. Чиновн[ики] пробовали саботир[овать], но мы предл[ожили] [им выбирать] или тюрьму или раб[оту], и [они] стали работать. Демонстраций не было.

[Тов. *Дергоусов*] из Тамбова [Пороховой завод]. В дни рев[олюции] наша пар[тия] [на заводе] не существовала. В дни восстания мы объявили себя парт[ией] б[ольшевик]ов. Власть Совет взял т[олько] [12 декабря] 29 ноября; [эту власть признают все], за искл[ючением] инженеров, кот[орые] ее не призна[ют]. В на[шей] партии 400 ч[ленов], у с[оциалистов]-р[еволюционеров] тож[е] 400 ч[ленов]. [12 декабря] 29 [ноября] раскол[ились] с[оциалисты]-р[еволюционеры] (все левы[е], за искл[ючением] 5 ч[еловек]). Кр[асной] гвардии пока нет. [Далее оратор] (читает по анкете) [сведения о заводе]. Караульная рота — из большев[иков]. [На заводе] читают больше «Социал-демократа». Солдат [на заводе] — караульная рота, солдат-рабочих — 300, всех около 6 000 человек [работает на заводе].

Сафонов. Я являюсь обл[астным] работни[ком], больше работ[аю]

* Пропуск в подлиннике протоколов.

в Тамб[овской] губ. Организации начались в окт[ябре] м[есяц]е, до этого орг[анизации] были объединенч[еские] или без определ[енной] физиономии. С окт[ября] эти орган[изации] были переведены на большев[истский] лад. В Тамб[овском] пор[оховом] зав[оде] были и меньш[евики]-интер[националисты]. В Козловск[ом] уезде] меньшев[ики] устр[оили] особую организ[ацию], не соглаша[ясь] работать с нами. 3 депут[ата] наши в Учр[едительное] соб[рание] были провед[ены] из [общего количества депутатов в] 16 человек [по Тамбовской губ.]. Город Тамбов больше всего страдает от с[оциалистов]-р[еволюционеров] и меньш[евиков]. Они хуже черносотенцев, большев[иков] рассматривают] как бандитов и хулиганов. Наше влияние проявил[ось] позднее всех. Организ[ация] наша состоит гл[авным] образом] из солдат; за посл[едние] дни и кавалери[я] идет за нами. У нас — отсутст[вие] сил интелл[игенции]. Немногие из них [интеллигентов] запутал[ись] в [партии] с[оциалистов]-р[еволюционеров] теперь. Есть [в Тамбове] комитет спасения [родины] и революции. Мож[но] ожид[ать], что они бросятся в объятия калединцев, если они [каледины] появятся. Начальник гарнизона — старый генерал, кот[орый] опр[еделенно] высказы-вает[ся] против б[ольшевиков]. Это доводилось мною до сведени[я] штаба. Наша фракция [в Тамбовском совете] — не больше 20 — 22 чел[овек]. В ст[анции]* «Грязи» — узловый центр ж[елезно]д[орожных] раб[очих] — есть организа[ция] наша. В Липецке я был один раз. [Там] есть сильное наше влияние, но нет организации. Была принята наша резол[юции] в Со-вете. На заводе [и] «Копях» рабочие привет[ствуют] Сов[ет] нар[одных] комис[саров]. По деревня[м] Усмань[ского], Козлов[ского], Липец[кого], Тамб[овского], Борисогл[ебского] у[ездов] стоит вопрос на очере[ди] [об] организ[ации] красн[ой] гвар[дии] среди крестьян. Наблюдает[ся] там рос-пуск солдат, — под видом болезни или др[угих] прич[ин], — по 200 и больш[е] ч[елове]к. В Тамбове, напр[имер], в 60 полку все солдаты распушены. На очереди — организ[ация] губернской власти; в уездах ждут распоря-жени[й] из губ[ернии]. Совет нар[одных] комис[саров] сделал упущени[е], не сказав, чтобы губ[ернский] банк не субсидир[овал] уезды, т[ак] к[ак] иначе чиновник[и] уезд[ные] ждут этих расп[оряджений].

[Поступило] сообщение, [что] Сов[ет] нар[одных] ком[иссаров] уже издал такой декрет.

От Смоленской губ. т. Гордеев. С перв[ых] дней рев[олюции] больш[евитской] орг[анизации] [в губернии] не существ[овало], т[ак] к[ак] [там] господ[ствовали] с.-р. Во время калед[инских] дней** [большевики] орга-низов[ались] [вместе] с меньшевиками, потом раскололись. Всех [членов] в орг[анизации] в наст[оящее] время 310 чел[овек]. Организ[овался] в[оенно]-р[еволюционный] к[омитет] в окт[ябрьские] дни. [За ним шло] около 300 сол-дат. Принято был[о] [постановление] занять почту, телегр[аф] и ж[елезно]-д[орожную] ст[анцию]. Совет состоял целиком из прав[ых] с.-р. В окт[ябрь-

* Следует читать — На станции.

** В подлиннике ошибка: следует читать — корниловских.

ские] дни [они] бросили свои места, и их функции принял в[оенно]-р[еволюционный] к[омитет] наш. Выб[оры] в Учр[едительное] собрание в Смоленске] показали большин[ство] наше, а в уезде [большинство] на кадетской стор[он]е], хотя все крест[ьяне] сочув[ств]уют б[ольшевик]ам. По волостям реквизиру[ются] помещ[ичьи] земли, земель[ные] к[омите]ты организуются. Назначен крест[ьянский] съезд. У нас организ[ована] красная гвар[дия] [из] 125 ч[еловек], не вооруж[енных]: всего [имеется] 30 винтовок, взятых у помещик[ов]. У нас поста[но]вл[ено] отчис[лять] 2% с заработной] платы [в качестве партийного членского взноса]. За окт[ябрь] внесл[и] только половину, т[ак] к[ак] орган[изация] молодая: упущения и со стор[оны] членов и [партийного] к[омитета], т[ак] к[ак] раб[отников] партийных мало.

Конференцией решено давать доклады по губерниям.

От Смоленской губ., г. Гжатска — т. Шарманов (солдат). Прибыв в конце сентяб[ря] из Минска в Гжатск, [я увидел, что здесь] партии нашей еще не существ[овало]. Мы собрали небольшую группу. Теперь [в нашей партийной организации] около 100 членов. Через неделю были перевыборы [Совета]. В Совет [избраны] были б[ольшевик]и и беспартийные, в числе их прав[ые] с.-р. попали. В окт[ябрьские] дни прав[ые] с.-р. из Сов[ета] вышли, хотя свои полномочия не сложили; потом [Совет] разделил[ся] на партии * больш[евиков] и с.-р., и вынесли резолюцию не виноваться военному комиссару...**

В наст[оящее] время на [1 января] 19 дек[абря] в Граж[ском] *** уезде назн[ачены] перевыб[оры] Гжат[ского] Совета; [в него депутатами] попадут наши, хотя есть 2 пол[ка] кавалерии, из кот[орых] часть [солдат] разъехалась (задержали 2 эшелона в Гжатске]). Они—правые с.-р. В 11 зап[асном] полку было голосую[щих] 1 610 ч[ел.] [при выборах] в Учр[едительное] с[обрание], пода[но] 1 404 [голоса] за больш[евиков], осталь[ные] голосовали за др[угие] парт[ии]. 1 изб[ирательная] ком[иссия] [имела] 811 голосующих; из них за большевиков—390, др[угие]—за разн[ые] парт[ии]. [1 декабря] 18 нояб[ря] обще[е] собр[ание] Совета выбр[ало] т. Ремизова комиссар[ом], потом в Учр[едительное] собр[ание]; помощник ему [как комиссару]—беспартийный, [он] остался на его месте. 2% [двухпроцентные отчисления] из жалованья—членские [партийные] взносы [в нашей организации].

Раньше, в сент[ябре], были только буржуаз[ные] газет[ы]. [У нас теперь] своя б[иблиоте]ка на 2 000 [рублей] с лиш[ним], выписали свои газеты.

Из Канавина (Нижег. губ.)—т. Белов. Около 25 000 [рабочих] в районе. Симпат[изируют они] большевикам. В центре [в Н.-Новгороде] раб[ота] ведется неуспешно, т[ак] к[ак] [партийцы] заняты в Сов[ете] и др. ор-

* В подлиннике ошибка: следует читать — на фракции.

** Пропуск — в подлиннике.

*** В подлиннике ошибка: следует читать—в Гжатском.

ган[изациях]. Член[ские] взносы поступ[ают] нерегулярно. За посл[еднее] время [мы] взяли[сь] за [партийную] раб[оту] энергично: регистрац[ия] членов пар[тии] ведет[ся] по карточн[ой] систем[е], привлекаем др[угих] членов на образ[ование] культ[урно]-просв[етительной] ком[иссии], откр[ыли] библиотеку]-читаль[ню], предп[ологается] откр[ыть] рабочий клуб пар[тийные] курсы.

Политич[еская] жиз[нь] в Канав[ине]. Вся октяб[рьская] револ[юция] прошла спокойн[о]. Есть красн[ая] гвар[дия]—200 ч[еловек]. Завед[ует] [ею] штаб красн[ой] [гвардии] и Исп[олнительный] к[омите]т Сов[ета]. Оружие есть. Газета издает[ся] совм[естно] с С[оветом] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] («Красное знамя»), расходится [она] в Кан[авине] в 1 000 экз[емплярах]. Выборы в Учред[ительное] собрание прошли блестяще для боль[шевиков]. В нижнем [по] спис[ку] № 11 «За родину и отечество» прош[ло] 2, [по списку] боль[шевиков] 6, с.-р.—1 в Учред[ительное] собр[ание],—всего 9 ч[еловек]. Членов пар[тии] [в канавинской организации] 1 111.

Сормово. До авгус[та] орг[анизация] объединялась с меньш[евиками], но толь[ко] на бумаге, в дей[ствительности] б[ыла] грызня. [В Сормове] сильная орг[анизация] с.-р.: [рабочие Сормова теперь на] $\frac{1}{2}$ —полупролетар[ский] элемент и пото[му] лозунг «Земля и воля» привлекает [их к себе] ¹⁵. Теперь интел[лигенты] ушли в меньш[евики]. Теперь [в нашей организации] около 1 000 человек (937 точно зарегист[рировано]). Совет переизбр[ан] и общезавод[ский] к[омитет], там—б[ольшевики]. [Партийных] работн[иков] немного, раб[отают] в бюро Совета, в [заводском] комит[ете] и нижегородском комит[ете]. Сормов[ская] орг[анизация] $\frac{4}{5}$ [рабочников] выделил[а] в Исполн[ительный] к[омите]т [Совета]. Пар[тийная] организ[ация] все-таки улучшается, техническ[и] налаж[ивается], за окт[ябрь] и нояб[рь] % [процентных взносов] пост[упило] более 1 000 руб[лей]. Отчисление % [процентов] делали в ЦК [партии] и в [Московское] о[бластное] б[юро]. Технически налажен аппарат лучше, чем во всей губ[ернии].

Все стоим на точке зрения Ленина. В Сормове [в партийной организации] нет ни одного интел[лигента], работают рабочие. Все-таки работа улучшается. [За] все выборы в вол[остные], уездные зем[ства] были [выпущены] листов[ки], б[ольшевики] стояли на 1 [первом] месте. Выб[оры] в Учр[едительное] собр[ание] застал[и] [нас] врасплох, агитация быта пров[едена] плохо, список составлен поздно, [это—] вина [нижегородского] окр[ужного] к[омите]та. [При выборах] в Учр[едительное] собр[ание] мы пол[учили] 5 600 голосов, с.-р.—5 610. Настроение—в общем великол[епное].

Газеты: «Интернационал» (5 000 экз.), «Красное знамя» (7 000 экз.). В окт[ябрьскую] рев[олюцию] вся бурж[уазная] печ[ать] б[ыла] закрыта, теперь выходит. Есть [заводская производственная] контрольная комис[сия] и общезав[одской] к[омите]т,—[все] в наших рук[ах]. Декрет о земле медленно провод[ится] в жизнь. Кр[асная] гвар[дия]: есть [в ней] б[ольш]

шевики], с.-р. (150) и максим[алисты] (40). Чел[овек] 200—у нас кр[асной] гв[ардии]*.

Н.-Новгород [т. Гулевич]. Вначале [была] очень слабая [наша партийная] организация, т[ак] к[ак] [в самом Н.-Новгороде] нет крупн[ых] предпр[иятий], тольк[о] мелк[ие] ремесл[енники] и раб[отали] [они] на оборону. В посл[еднее] вр[емя] все эти [рабочие мелких] предпр[иятий] присоединились от меньшевиков и с.-р. к нам, около 300—500 чел[овек]. [Партийная] раб[ота] гор[одского] райо[на] сведена почти на-нет, т[ак] к[ак] все члены наши раб[отают] по комисси[ям], по Совету. Осталось 2—3 члена нашей орг[анизации], принимавш[ие] меры к [ее] пополнению. Было [партийное] район[ное] соб[рание], на кот[ором] б[ыла] выбр[ана] инициат[ивная] группа. Скоро будут выб[оры] и в окр[ужной] к[омите]т. Интелл[игентные] раб[отники] вышли недавно [из партии], и вся раб[ота] свалилась на рабочие руки. Сейчас является возм[ожность] пополнить [организацию] молодежью. На-днях организует[ся] школа для выпуска агитат[оров] и пропаг[андистов].

В Окт[ябрьскую] рев[олюцию] получ[или] [свед[е]ния] [7—8 ноября] 25—26 [октября], когда орган[изовали] в[оенно]-р[еволюционный] к[омитет], где б[ольшин]с[т]во б[ольшевик]ов и нек[оторые] с.-р.—интернац[ионалисты] и максим[алисты]. О констр[уировании] власти поименно голосовали, все наши—за власть [Советов]; м[еньшевики] и с.-р. заявили, что выходят из Совета. Тогда весь Совет почти б[ольшевистс]кий образ[овался], за искл[ючением] 2—3 м[еньшевиков] и с.-р. Банк—в наших руках; у нас нет комисс[аров] в казначейство, в каз[енную] палату,—это нас затрудняет. Губ[ернский] комиссар еще не смещен; образовалась коллегия из 3 лиц для его смещени[я]. [Партийная] интеллигенци[я] сама устранилась, осталась зрителями. Есть две личности, кот[орые] технически работали и теперь тоже ушли. Из Исполн[ительного] к[омите]та [Совета] они сами вышли, а теперь об их уход[е] д[олжна] высказаться партия. По выб[орам] в У[ч]р[едительное] соб[рание] видно, что у нас [в Нижнем] б[ольшевик]ов меньше, [чем членов других партий], но симп[атии] у нас[еления] на их стор[оне]. Средств из казнач[ейства] не получаем. Связь [имеется] с Арзам[асом], Кулебак[ами], Богор[одском]. Совет старый, [назначены на] [23] 10 декаб[ря] перевыбор[ы]. Кр[асная] гв[ардия]—100 чел[овек]. Декрет о земле вводит[ся]. Земельн[ые] к[омите]ты перевыбираются на некот[орых] местах. Местами были самочинн[ые] вырубki леса в связи с тем, что не было людей для руководства массами.

Кулебаки [т. Мясников]. Всех на заводе раб[очих] 6 000 чел[овек]. До июля орг[анизация]—объед[иненческая], после орг[анизация] раск[ололась]. 1 800 чел[овек] было с.-р.; после корнилов[щины] [начался] на-

* В анкете, заполненной представителем сормовской организации т. М. С. Сергушовым, отмечено, что в красной гвардии у большевиков—до 300 чел., у эсеров—до 200 и у максималистов—до 40.

плыв в нашу орган[изацию]. До сих пор имеем 300—400 ч., т[ак] к[ак] перебежчиков от с.-р. не принимаем. Полит[ический] взгляд* призыв из ЦК [партии] о перев[ыборе] Советов и взятии вл[асти] в с[вои] рук[и],— мы сделали это до 2 [Всероссийского] съезда [Советов], на кот[орый] был послан большеви[к]. В дер[евне] раб[ота]ют 18 чел[овек], по всем деревням были послан[ы]. Совет нам помог материа[льно] перед выб[орами] в Учр[едительное] собр[ание]. Совет состоит из 34 чел[овек] (в нем с.-р. 8 ч[ел.], 2 меньш[евика]), с.-р. 2 чл[ена] вышли, [из них] осталось 6 чел[овек] в Совете. Аграрн[ые] беспор[ядки] были улажены нами в нек[оторых] мест[ах], посылали ¹/₂ наших членов. Кр[асная] гв[ардия] только что организуется, раньше не могли доставить оружие; губерния это обещала доставить, и мы приступили к орг[анизации] кр[асной] гв[ардии]. Но содержание ее стоит остро; [имеются] 2 мнения: кр[асная] гв[ардия] д[олжна] содерж[аться] на средства завода и другое—против этого: нужно свои средства изыскивать, [а не бурж[уазные] на это дело [употреблять]. Есть крест[ьянский] совет с ¹/₃ большев[иков]; [23] 10 декабря на совет[ский] съезд кр[естьянский] с[овет] послал б[ольшевика]. Газеты бурж[уазные] идут аккуратн[о], а наши задер[живаются]; вынесли пост[ановление] поруч[ить] Совет[у] задер[живать] бурж[уазную] газету, до выхода регул[ярного] н[аших] газет. Но это все не провели до моего расследо[вания] здесь. Есть обмен железа полосового на хлеб. Это—раб[ота] С[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]: 12 000 п[удов] железа [обмениваются] на 24 000 п[удов] ржи [11 декабря] 28 ноября праз[д]нова[ли] молебном: профсоюз отменил праз[д]новать**, но молебен был вечером. Кр[асная] гвар[дия] получает жал[ование] за 8-ми[часовую] работу. Отмена милиции будет производиться и замен[ится] кр[асной] гв[ардией]. Контроля над произв[одством] пока нет.

Арзамас—т. Гоппиус. Во врем[я] нач[ала] [Февральской] рев[олюции] образ[овалась] объединенная орг[анизация], было 30 ч[еловек] из крест[ьян]. В июле орг[анизация] раско[лолась]. В деревне наше влия[ние] стало укрепл[яться] во врем[я] травл[ени] б[ольшевиков]. С [2 декабря] 19 ноя[бря] образ[овался] больш[евистский] Сов[ет] [рабочих и солдатских депутатов] из 60 член[ов]: 4 мен[шевика] и с.-р. и остал[ьные] б[ольшевики]. [11/XII] 28/XI соб[рался] кр[естьянский] уездный съезд, новый совет б[ыл] выб[ран], и сейчас [этот крестьянский] совет объединился [с другими советами и образовался единый] с[овет] р[абочих], кр[естьянских] и с[олдатских] д[епутатов]. Меньш[евики], с.-р. и к[а]д[еты] органи[зовали] комитет спасения [родины и] революции; мы его разогнали (отношением письм[енным]), и он разошел[ся]. Работа парт[ийная] приостанов[илась], т[ак] к[ак] раб[отники] раб[ота]ют в...***.

В дер[евне] чел[овек] 300 б[ольшевиков] числится в орган[изации].

* В подлиннике ошибка: следует читать—политическое положение.

** Т. е. празднование.

*** В подлиннике протоколов пропуск.

Совет изда[ет] «Орган советов»,—чисто наша [газета]. Комиссар в уезде был черносот[енный],—теперь избран наш от Совета и действует в контакте с нами.

При Сов[ете] организован[а] секция интернац[иональной] молодежи, открывает курсы для подготов[ки] работников. Сейчас [добавочные] парт[ийные] раб[отники] не нужны,—мы обойдем[ся] св[оими] раб[очими] силами, но необходима литература. Газеты получ[аются] нерегулярно. На-лаживается сильна[я] больш[евистская] орг[анизация] (полупрол[етарская],—на кожев[енном] зав[оде]) крестьянск[ая], т[ак] к[ак] [работают] там больше [крестьянская] беднота.

Декрет о земле. [3 декабря] 20—[ноября] сорган[изована] ком[иссия] из [членов] С[овета] солд[атских] и р[абочих] д[епутатов], работает по уезду и отбирает [землю] в руки земельн[ых] комит[етов]. Со ст[ороны] земельн[ых] ком[итетов] препят[ствий] нет. Самочин[ные] захваты были.

От Моск[овской] окруж[ной] ор[ганизации]—*т. Сапронов*. По М[осковской] губ[ернии] влияние наше абсолютное. Наше вл[ияние] было [здесь] и до [октябрьского] переворота, а теперь оно чисто большев[истское]. Работа в м[осковской] о[кружной] ор[ганизации] ведется успешно. Абсол[ютное] вл[ияние] и среди крест[ьян], из 9-ти прошли 6 ч[еловек] б[ольшевиков] (депутатами в Учредительное собрание). Мы организ[овали] парт[ийные] ячейки [из] крест[ьян] там, где существ[ует] парт[ийное] сознание, мы очень осторожн[ы].

Кр[асная] гвар[дия] в м[осковской] о[кружной] ор[ганизации] имеется дов[ольно] значит[ельная], под[счета] нет. Из Мытищ, Люберецко-тушинские кр[асно]гв[ардейцы] были в [октябрьских] боях. Захват пом[ещичьей] зем[ли] был до [октябрьского] переворота, теперь [он проводится] организационно: прих[одят] кр[естьяне], описывают имение и ставят свою стражу. Пом[ещики] иногда хотели продавать имен[ия], и иногда это [им] удавал[ось]. Приезжали пом[ещики] за хлебом в дер[евню],—крестьяне отказывали, ссылаясь на кон[фискацию].

Нехватает работников. Для [выборов в] Учред[ительное] собр[ание] [были организованы] агитат[орские] комис[сии] при заводах. Теперь став[им] себе задачу вести р[аботу] среди крестьянства так[им] пут[ем]: устраивать чтения, собес[едования], [раздачу] литер[атуры], газет. Совет губ[ернский] не польз[овался] из казначейс[тва] средствами. Обложение Советами имущего класса еще не ставится. Нек[оторые] районы целиком большев[истские]. Задача нашей партии: самим рабочим браться за работу. Интелл[игентных] сил мало. Милиция подчиняет[ся] на фабрик[ах] нам. Кр[асная] гвар[дия] дов[ольно] внушительная и несет охрану заводов еще с мартовской революц[ии]. Оружия у нас достаточно по губ[ернии]. Ведется усилен[ная] работа [в красной гвардии], беседы на полит[ические] темы, не только по строю. До 7 000 членов партии в окр[ужной] ор[ганизации] зарегистрировано, это—не полная [запись членов организации], в ней [в действительности] не менее 10 000 членов.

Моск[овской] губ. М[осковского] у[езда] Кун[ц]евская [волость]. Тек-
стильный [район], есть [в организации] и женщ[ины]. Зарег[истрировано]
партийцев в организации] 320 [членов]: 300 [мужчин], 20 ж[енщин]. Член-
ск[ий] вступ[ительный] [взнос]—50 к., мес[ячный]—1 р. [от мужчин], [от]
ж[енщин]—50 к. Организ[ационных] сил мало. Раб[отаю]т одни рабочие
в район[ном] уез[дном] и губ[ернском] совете. После [Октябрьского] пе-
ре[ворота] образ[овался] к[омите]т общ[ественной] безоп[асности], обра-
зов[али] его] начальн[ик] милиции и [волостная земская] управа. У них
б[ыло] оружие. Кр[асная] гв[ардия] у нас была давно организ[ована], но
без оружия и необученная. Наши тов[арищи], работ[авшие] здесь, брали
оружие и потом уезжали к себе. Сначала мы арестовали [местное] управ-
ление, но потом выпустили, т[ак] к[ак] они подчинились [военно]-р[ево-
люционному] к[омитету]. Отнош[ение] крест[ьян] к нам хорошее, но кр[е-
стьянский] Совет сост[ойт] из зажиточн[ых] кр[естьян], потому они
тормоз[ят] раб[оту] земельн[ого] к[омите]та, а помещики продают землю.
Теперь [мы] организова[ли] свой зем[ельный] к[омите]т, кот[орый] этому
мешает. Контроль над произв[одством]: на к[аждой] ф[абри]ке и зав[оде]
орган[изована] контр[ольная] комиссия, в кот[орую] вошли одни раб[о-
чие], т[ак] к[ак] служ[ащие] отказались вступать в нее; мы созвали кон-
фер[енцию] контр[ольных] комисс[ий], кот[орой] читались лекции, и ра-
бота т[аким] об[разом] налаживается. Культ[урно]-пр[осветительная]
раб[ота]: образ[ована] к[ультурно]-пр[осветительная] комис[сия] (глав[ные]
члены ее—б[ольшевик]и), с правом кооптац[ии] всех районных культур-
ных работнико[в] в состав ее членов. Имеем средства для организ[ации]
парт[ийной] школы путем конфиск[ации] особняка одного помещика. В
нем же будет наш [партийный] к[омите]т, Сов[ет], шт[аб] кр[асной]
гв[ардии]. Раньше был началь[ник] кр[асной] гв[ардии] с.-р. После пере-
ворота [мы] назнач[или] своего нач[альни]ка. Сейчас—около 300 ч[еловек]
кр[асной] гвар[дии], 50 винтовок из Моск[овского] с[овета] р[абочих] д[е-
путатов]. Рабочие требуют вооружения, на кажд[ых] 4—5 ч[еловек]—1
винтовку. Главная зад[ача] н[ашего] район[а]: образо[вать] контроль над
произв[одством] и в деревне—организ[ованно] забрать землю и [развить]
культ[урно]-просв[етительную] деят[ельность].

Коломенский район. [В районе]—20 000 рабочих. До наст[оящего] вр[е-
мени] больш[евистская] ор[ганизация] была свободна [от хозяйственно-
административной работы], имела [партийные] школы и была на высоте
[своего положения]. Теперь [она] взяла в свои р[уки] Совет и времени
[на партийную работу] не стало [хватать]. Командный состав не хотел
дать оружие во вр[емя] перев[орота],—мы сами взяли оруж[ие] из це[й]х-
гауза. Кр[асная] гв[ардия]—200 ч[еловек] постоянн[ого] состава], но м[ожет]
б[ыть] и больше,—оружие есть. Сейчас [идут] трения между раб[о-
чими] и служащ[ими]. Директора арестовали, но потом управ[ление]
зав[одом] просило отпустить его и [заявило, что] тогда [он] пойдет на
уступки; мы отпустили [его], а они [управленцы] на уступки не пошли.
Теперь арест[ован] пом[ощник] директор[а]. Все места заняты большев[и-]

ками]; толь[ко] земск[ое] и гор[одское] управ[ление] шло против нас; в[оенно]-р[еволюционный] к[омите]т издал декр[ет] об роспуске их*.

Газеты не пропускаю[тся] никакие, кроме наших. [У нас выходит газета] «Большевик» еженедель[но] и [газета] «Сов[ет] раб[очих] деп[утатов]»—иногда.

От нас уехали украинцы-солдаты и др[угие] солдаты] в отпуск, что плохо. В[оенно]-р[еволюционный] к[омитет] обложил [на] 15% все кинематогр[афы] в пользу Совета. Батьмановский завод хотят закрыть, т[ак] к[ак] там раб[отаю]т снаряды; пока идут об этом переговоры.

Более 500 ч[еловек] членов всего в Колом[не] б[ольшевик]ов. Есть прав[ые] с.-р. и левые, но посл[едние]—без руководителя.

До 4-х ч[асов] [президиум объявляет] перерыв. После перерыва б[удет] доклад по тек[ущему] мом[енту] Ломова.

[Доклад т.] Ломов[а]: Текущий момент

Вопрос о тактической линии партии зависит от оценки событий данного политического момента. Во время обостренной борьбы между буржуазией и пролетариатом резче определяются разногласия и два течения и ранее существовавшие. Неизбежность последнего вооруженного столкновения и необходимость перехода власти в руки Советов партия предвидела еще в июле; партия тогда ставила своей целью подготовку вооруж[енного] выступления и всяческое содействие назревшему краху соглашательства. Этому краху способствовала также внешняя политика правит[ельства] Керенского, проходившая под указкой Англии, основанная на том, что все силы народа были брошены на помощь союзникам. Таким образом главные силы революции должны были направиться именно на изменение внешней политики. В деле осуществления лозунгов революции во внешней политики новое правительство проявило наибольшую активность, чем привлекло на свою сторону массы солдат и крестьянского пролетариата, которые примкнули к революции, сбросив шовинистический угар. Опасность положения, создавшегося на фронте, заставила даже меньшевиков и с.-р. понять необходимость полного изменения внешней политики (слова Дана в закрытом заседании ЦИК [Советов]: «мир во что бы то ни стало») ¹⁶. Партия большевиков не поставила своим лозунгом «мир во что бы то ни стало», об этом не было даже вопроса, лозунг во внешней политике остался старым: мир без аннексий и контрибуций. Меньшевики, которые утверждали, что невозможно разговаривать с командными верхами Германии, пока там нет революции, довели бы страну до необходимости мира во что бы то ни стало. Настоящие переговоры о мире и [наступившее] перемирие дают толчок, побуждающий к социалистической революции на Западе. То, что генералам враждебных нам государств приходится, вопреки их желанию, вести переговоры о мире с правительством рабочих, указывает на необходимость для них заключения мира, на движение среди народных масс этих государств,

* В подлиннике написано —об вместо о.

движение, которое обратится против государств[енной] власти, если она откажется вести мирные переговоры. Основой мирных переговоров является формула мира без аннексий и контрибуций.

[Имеются] несомненные указания на то, что представители всех других воюющих государств требуют от своих правительств заключения перемирия; основная задача — превратить это перемирие во всеобщий мир — побуждает правительство нар[одных] комис[саров] к дальнейшей активности во внешней политике. Назрела необходимость обратиться к левым элементам всех стран для созыва Циммервальдской конференции¹⁷. Сов[ет] нар[одных] комис[саров] должен обратиться с призывом о созыве этой конференции, на которой необходимо выработать общий план действий в обстановке социалистической революции.

Обращаясь к характеристике революции и событий внутри страны, докладчик указывает на то, что эти события определяются распадом промежуточных сил и концентрацией сил революции и контрреволюции. Действующие в стране силы группировались около резко противоположных партий кадетов и большевиков, в то время как партия с.-р. и меньшевиков постепенно теряли влияние. Это заметно, напр[имер], на выборах в Учред[ительное] собр[ание], куда до сих пор прошли только два меньшевика. В более медленном виде то же самое происходит с партией с.-р., в которой происходит раскол. Таким образом, совершенно уничтожена возможность соглашения, и прежние попытки в этом отношении теперь уже не могут повториться. Мечты меньшевиков и правых с.-р. о том, что революция может быть направлена в какое-то мирное русло, идея содружества противоположных классов потерпела окончательный крах; благодаря особенностям экономического развития, прочное правительство может существовать только при условии полного попраiania одного класса другим. Понятно, почему революция не может прочно укрепиться: буржуазия должна использовать все средства в борьбе с целым классом пролетариата, так как для нее ясно, что вопрос стоит о самом существовании ее, как класса; борьба все более обостряется, знамя буржуазного восстания переносится из одного места в другое, организуется саботаж, спаивание темных масс народа, погромы, подкупы и т. д.

С другой стороны, самый характер пролетарской революции, которая существенно отличается от рев[олюций] XIX в., [как] шедшая от успеха к успеху, все мероприятия которой новы и необычны, определяется неустойчивостью, самокритикой, движением назад и непрерывной борьбой. Этот анализ указывает на то, как должна проходить русская революция. Успехи буржуазии, на которые имеются указания в данное время, являются фактом весьма понятным и необходимым. Революция может укрепиться только при уничтожении и подчинении своих противников; поэтому необходимо раздавить все гнезда буржуазной контррев[олюции] и уничтожить сопротивление буржуазии в тех местах страны, где наблюдается слабость экономического развития. Ошибки революции в значительной

степени объясняются и тем обстоятельством, что у рабочего класса не было возможности сразу создать организацию вооруженного сопротивления, которая должна была налаживаться вновь, в то время как буржуазная контрреволюция использует готовый аппарат военной силы. Но, с другой стороны, в местах господства буржуазии поднимается сопротивление ей. Примером является Украина, где имеется значительное аграрное движение, с которым придется бороться буржуазии. На значительность этого движения указывают те карательные меры, которые было вынуждено [пред]принять правительство Керенского. Активное выступление правит[ельства] нар[одных] комисс[аров] против [Украинской] Рады будет поддержано движением внутри Украины. Силы революции и ее организованность растут и крепнут.

Обращаясь к политике укрепления революции, докладчик говорит о необходимости разрушения всей системы политического управления страной, всей системы буржуазных форм государства. Возможность уничтожения института угнетения буржуазного государства указывает на значительность завоеваний пролетариата. Вопрос о буржуазных свободах нашел защитников даже в среде партии большевиков. Необходимо точно поставить вопрос о свободе печати. Св[обода] буржуазной печати заключается в том, что группа капиталистов, имеющих достаточный капитал, которым они свободно распоряжаются, имеют возможность купить группу писак, согласных за деньги служить интересам капиталистов. Продажность всей организации печати в буржуазном обществе превращает свободу печати в проституцию печати. Для успешной борьбы пролетариата с буржуазией следует устранить влияние на массы органов буржуазной печати. Что касается судов, то следует обратить внимание на то, что многие из тех, кто кричит против этой меры, забывают о программе своей же собственной партии, в которой имеется пункт о выборности судей. Французская буржуазная революция установила юридические нормы, удобные для революционного класса. Наша революция, ведущая к социализму, должна уничтожить государство, представляющее орудие господства одного класса над другим, должна уничтожить классы, классовое господство и все органы этого господства.

В эпоху перманентной социалистической революции организация власти должна строиться на совершенно новых началах. Идее пролетарской революции не соответствует представительное правление в форме парламента, что указывалось на предыдущей [Московской областной] конференции. Принцип классового представительства уже уничтожает принцип парламентского государства. Это классовое представительство обеспечивает силу пролетарских организаций и их боеспособность. Пример свободных, демократических стран, в частности Америки, указывает на то, что парламентские формы государства, как бы ни было оно демократично, гарантируют господство финансовой олигархии, которая имеет возможность путем подкупа депутатов, угодных капиталу, держать страну в своих руках. Идею Учредительного собрания, как хозяина земли рус-

ской, следует сдать в архив вместе с буржуазным строем, так как оно не обеспечивает полного и ясного представительства народа. Примером извращения общенационального представительства при обострении классовой борьбы является инцидент, происходящий с партией с.-р., упадок правой части партии, половинчатость левых с.-р., которые еще не вполне сознают свою классовую позицию, но часто идут с большевиками, раскол, происшедший во время выборной кампании, — все это привело к тому, что сама партия [социалистов-революционеров] не знает, каков состав ее представителей, избранных в Учред[ительное] собр[ание]. Благодаря этому обстоятельству, вся масса голосовавших за партию с.-р. оказывается обманутой. Необходимо отвергнуть требование передачи власти Учредит[ельному] собранию, которое является негодным учреждением. Рост и углубление революции обуславливались ростом кризиса, вызванного войной, общей разрухой, саботажем в промышленности, аграрной политикой старого временного правительства. Все это заставило массы выйти на улицу, и не было сил, способных противостоять движению, открывшему собой новую эру в истории. Такие события не совершаются по воле отдельных лиц, поэтому никто не может передать кому бы то ни было власть, завоеванную народом. Власть рабочих, солдат и крестьян не может без боя уступить свое место кому бы то ни было. Когда министру земледелия * — лев. с.-р. Колегаеву — в Сов[ете] нар[одных] комиссаров был задан вопрос об отношении к Учредит[ельному] собр[анию], он ответил: «Землю мы не отдадим никому, никакому Учред[ительному] собранию»¹⁸. При таких условиях представляется вполне возможным, что роль Учр[едительного] собр[ания], построенного на негодном для данного времени принципе, сведется к роли Московск[ого] совещания, к роли французского парламента болтунов. Поэтому необходимо разбивать все иллюзии, которые живы еще в массах, наивно думающих, что Учр[едительное] собр[ание], как хозяин земли русской, сейчас же приведет все в порядок и устранил все бедствия. Ничто не может изменить характер Учредит[ельного] собр[ания], за исключением физической силы. Предстоит грандиозная борьба с Учред[ительным] собр[анием], так как контрреволюционные силы уже используют его в своих целях, и если это будет допущено в дальнейшем, то придется иметь дело с попытками уничтожения завоеваний революции. Представителям буржуазии, идущими за манифестациями, наплевать на Учредит[ельное] собр[ание], которое они постараются направить против революции. Для пролетарской власти необходимо удалить из Учр[едительного] собр[ания] контррев[олюционную] группу. Могут сказать, что этого недостаточно, что историческое развитие идет вперед и не может остановиться на том, что дает революция. Но следует поменьше ссылаться на буржуазную историю, следует помнить, что мы вступаем в совершенно новый исторический период, к которому не применимы старые рамки. Но даже буржуазная история дает пример насиль-

* Следует сказать — *народному комиссару.*

ственного удаления группы депутатов из парламента: жиронда во франц[узской] революции.

Обращаясь к вопросу о неприкосновенности личности, докладчик указывает на то, что нелепо говорить о свободах в дни кровавой гражданской войны. Жизнь требует крутых мер, и надо считаться с тем, что масса, раздраженная борьбой с буржуазией, может удалить неугодных ей лиц не только из Учред[ительного] собр[ания], но и из жизни. Естественно, таким образом, что с вопросом о буржуазных свободах должно быть покончено.

Обращаясь к вопросу о политической власти, отвечающей потребности револ[юции], докладчик указывает на то, что инстинкт рабочего класса подсказал ему лозунг: вся власть Советам. Этот лозунг, выдвинутый самой жизнью (создание органов классового представительства—Советов, переизбираемых в любое время), дает прообраз нового политического аппарата. Необходимость таких органов доказывается тем, что при обострении классовых противоречий в других странах возникают такие же органы классового представительства (Франция, Индия). Возможность переизбрания Советов также является насущной необходимостью: перед революцией, при изменении настроения в массах, Советы сразу отразили это изменение на своем составе.

В правых рядах партии говорят о том, что у нас имеется диктатура; некоторые члены партии испугались этой диктатуры, вспоминая о «ноже палача», о терроре франц[узской] революции и пр. Все подобные рассуждения объясняются невежеством, непониманием смысла происходящих событий. При теперешнем положении вещей, когда революция развивается все дальше, необходима диктатура пролетариата, за которую высказывалось большинство партии еще в прошлую революцию. В данный момент повсюду устанавливается диктатура, без которой совершенно невозможно работать. Например, Бухарину пришлось дожидаться две недели для того, чтобы провести свой проект через ЦИК¹⁹. Во время борьбы невозможно допускать* подобные случаи, задерживающие проведение неотложных мероприятий. Нельзя дожидаться разрешения в соворганах вопроса о посылке войск против Каледина. Так же дело обстоит и в провинции, и все, говорящие о ненужности диктатуры, проявляют полное непонимание происходящего.

Говоря о терроре, докладчик указывает на то, что гражданская война не кончается, а только развивается, что причины, вызвавшие террор, не устраняются, наоборот, может наступить момент, когда станет необходим политический террор. Нельзя верить исключительно в террор, но если в интересах социалистичес[кой] революции потребуются ввести его, то нечего перед этим останавливаться. Возражающие против террора часто указывают на то, что система террора погубила партию монтаньяров во французскую революцию**. Но не надо забывать того, что русская

* Описка: вместо *допускать*.

** Ошибка: следует сказать — во французской революции.

революция происходит при совершенно новых условиях, что нам необходимо поддерживать революцию, пока в З[ападной] Европе не возникла своя революция. С другой стороны, партии пролетариата нечего бояться параллели с монтаньярами; господство их партии пало, но честь их никем не может быть задета, в то время как соглашательская политика «болота» [во французской революции] была заклеяна историей.

Власть Советов должна быть также и на местах. Муниципальные учреждения должны быть подчинены Советам, а их органы — использованы. Органы продовольствия должны также находиться в руках Советов, так как совершенно ошибочно думать, что продовольствие может находиться в ведении нейтральных органов. Советы должны, далее, быть центрами рабочего контроля. Контроль банков необходимо осуществлять, руководствуясь директивами из центров ²⁹. Настоятельной необходимостью является обращение к деревне, создание связи с Сов[етами] кр[естьянских] депут[атов], созыв земельных комитетов для руководства крестьянскими массами.

Революция, переходящая в социалистическую, кроме принципа диктатуры, которая должна быть проведена полностью, и кроме творческой работы, требует еще железной дисциплины.

Отвечая на вопрос о разгоне Учредительного собрания, докладчик говорит, что это вопрос тактический. Учред[ительное] собр[ание] обречено на изживание самого себя. Его не следует разгонять, потому что оно само будет способствовать рассеянию конституционных иллюзий. Население само убедится в ненужности его. Необходимо только удалить из него партию к.-д., чтобы уничтожить возможность использования его в контрреволюционных целях. Возможно, что в процессе борьбы создадутся даже два Учред[ительных] собр[ания]: в Петербурге и еще где-нибудь, — на Украине или на Дону.

Отвечая на вопрос о замене Учр[едительного] собр[ания] постоянно заседающим съездом Советов, докладчик указывает на то, что съезд может быть выгоден для переизбрания ЦИК, но постоянно заседающий съезд, во-первых, отвлечет много работников с мест, а во-вторых, будет тормозить работу Сов[ета] нар[одных] комиссаров. Требование данного момента — диктаторская власть органа, опирающегося на Советы раб[очих], солд[атских] и крест[ьянских] депутатов.

Прения по докладу Ломова

Врачев [говорит] не [о] теоретич[еском] постр[оении] линии партии, а о настроении товар[ищей] Ворон[ежской] губ. Несмотря на отсталость района, большинство в организации сочувст[вует] взглядам Ленина и находит, что власть Советов несовместима с лозунгом: вся власть Учр[едительному] собр[анию]. След[ует] перед[ать] власть только организ[ации], кот[орая] может быть переизбрана. Правое течение в Вор[онежской] организации — незначит[ельные] группы ([высказывающиеся] против террора.)

Надлежит сказать, что власть Сов[етов] уничт[ожит] Учр[едительное] собр[ание]. Мы подд[ержим] его пост[ольку], поск[ольку] оно буд[ет] защищ[ать] завоев[ания] Окт[ябрьской] рев[олюции], иначе оно должно быть уничтожено. Нельзя отдавать завоеваний революции «хозяину земли русской». Накануне борьбы с Калединым нелепы вопросы об иммунитете членов Уч[редительного] собр[ания] и прочее. Отношение [к Учредительному собранию] в данный момент: нельзя отдавать ему власть, что более чем преступно, и по отнош[ению] к русс[кой] и всем[ирной] рев[олюции]; влияние [нашей революции] на З[ападную] Евр[опу], влияние в Индии [уже сказывается]. Учр[едительное] собр[ание] должно рассм[отр]еть отнош[ение] к Окт[ябрьской] рев[олюции] [по вопросу] о земле, мире, раб[очем] контроле. Если Учр[едительное] собр[ание] выскаж[ется] против мер [нашей] партии, то оно ускорит свою гибель. Только после этих вопросов Учр[едительное] собр[ание] может заняться организ[ацией] власти.

Инесса предл[агает] внести изменение в резолюции: [наша революция —] не перех[одная] к социализму, а социалистическая. Возраж[ают] против этого изменения тем, что, отсут[ствуют] у нас крут[ые] мер[оприятия] против буржуазии, но те строит[ельные] меры, кот[орые] прин[имаются] партией, носят характер социалистических. Каутский и представит[ели] других с.-д. [партий] говорят, что при социалистической революции ведется совместная борьба за утвержд[ение] диктатуры и параллельно — [за] социалистические изменения. По вопросу об Учр[едительном] собр[ании] — недостаточная определенность. Новость строит[ельной] работы, саботаж буржуазии. Если она захочет превр[атить] Учр[едительное] собр[ание] в центр саботажа [по вопросу] о мире, [во] вред рев[олюции], то придется, м[ожет] б[ыть], исключить не только кадетов, но и с.-р., а также [и произвести] роспуск Учр[едительного] собр[ания], — на это следует прямо указать. Следует уничтожать конституционные иллюзии. [Должна предельваться] подготовка масс к вопросу о разгоне Учр[едительного] собр[ания]. [Следует] указать в рез[олюции] на работу среди крестьян, кот[орая] очень важна, так как в крест[ьянстве] имеется стремление к партии. След[ует] помогать [им] организовать зем[ельные] комитеты и партийные ячейки.

Знаменский. Оцен[ка] полит[ического] полож[ения] упирается в оценку власти. Что такое диктатура пролет[ариата], опирающаяся на бедноту, хотя есть слои... * Важно, что политика [советской власти] не отступает [от своих задач]. Равняется ли власть СНК с советской властью — нельзя на это опред[еленно] отв[етить]. Саботаж не мог бы быть, если бы не было недочета в деят[ельности] Совета н[ародных] к[омиссаров], хотя саботаж и законен, как сопротивл[ение] старой власти²¹. Система насилий и терроризма, по Марксу (выполн[ение] историч[еской] миссии пролет[ариата]), должна быть проведена против буржуазии. Необходимо было провести законом меры террора для укрепления власти. [Продол-

* Пропуск в подлиннике протоколов.

жается] разрастание сопротивления. Соглашение с частными банками указыв[ает] на то, что буржуазн[ая] челядь борется в то время, как сама бурж[азия] стремится к соглашению. [Имеется] противореч[ие] между личными потребностями (хозяев) и изживанием обществ[енных] форм [старого строя]. Невыдержанность политики СНК и это противоречие [осложняют положение]. Слова Инессы о социалистич[еской] революции. Что это знач[ит]? Строится ли коммуна, после утв[ерждения] кот[о]рой уст[ановится] мирный перех[од] без революции? Но перед нами еще стоит революция, полный переворот в [старом] укладе. О взаимоотнош[ениях] Учредительного с[обрания] и Сов[етов]. [Оратор высказывается] против подчинения [последних первому]. [Учредительное] собр[ание] не мож[ет] стать над народом, как таковое. Учр[еждение] власти есть дело народа. Правов[ая] основа Учр[едительного] собр[ания]. В 1848 г. раб[очие] отка-з[ались] от Учр[едительного] собр[ания]. В 1871 г. — раскол [в Учреди-тельном собрании]. [В] XVII в[еке] в Англии [господствовали] победонос-н[ые] органы, когда массы давили на Учр[едительное] собр[ание]. Сле-д[овательно], опираясь на прецеденты, надо указать на подчинение сов[етской] власти Учр[едительного] собр[ания] путем очистки от элем[ент-ов], не признающих окт[ябрьского] переворота.

Гулевич (Н.-Нов[город]). Важно, чтобы высказались с мест. В Н[иж-нем-Новгороде] понимание власти Сов[етов] именно таково, что они явл[яются] господств[ующими]. Учр[едительное] собр[ание] опоздало. Массы уже получили окт[ябрьским] перевор[отом] то, что они над[еялись] получить от Учр[едительного] собр[ания]. Если бы была надежда на то, что оно теперь утв[ердит] завоев[ания] рев[олюции], то его след[овало] бы подд[ержать]. Резолюция [нижегородских] крестьян: [в ней имеется] указание на то, что большинство в Учр[едительном] собр[ании] будет принадл[ежать] той партии, кот[орая] ничего не дала народу, [и отме-чается] отсутств[ие] надежды [у крестьян] на то, что оно пойдет навстречу нуждам [народа]. Учр[едительное] собр[ание] может попытаться отнять завоевания Окт[ябрьской] рев[олюции]. В Учр[едительном] собр[ании] во-прос разъяснится при обсужд[ении] вопр[оса] о мире и о земле. Власть [должна принадлежать] Советам.

[В президиум поступило] предл[ожение] о прекр[ашении] записи ораторов. [Предложение] принимается.

[Вносится предл[ожение] о прекращ[ении] прений. Беленький [выска-зывается] против [этого предложения], один из тов[арищей] — за [него], так как все высказ[ываются] за резолю[цию] докладч[ика]. [Предложение о прекращении прений] отклоняется.

Предлагается высказыв[аться] только тем, кто против доклада и ре-золюции. [И это предложение] отклоняется.

Стуков. Важно уяснение тезисов резолюции, в частности об Учр[е-дительном] собр[ании], кот[орое] еще не созвано. Необходимо [иметь] два основания: 1) что [наша] рев[олюция] социалистич[еская], 2) что необ-ход[има] диктатура пролет[ариата]. Противоречия [этим положениям] в

правом крыле большевиков: слова Рыкова о тактике затягивания [революции] для того, чтобы дожидаться рев[олюции] в З[ападной] Евр[опе]. [Здесь у него] совпадение с меньшевиками, которые тоже стоят на такой точке зрения. [Правильны] указания Ленина на то, что эти тов[арищи] не должны быть в больш[евистской] партии. Неприемлемость таких кардинальных разногласий. [Правильно ставится] вопрос о мире, кот[орый] заключается без Зап[адной] Е[вропы]: рев[олюционный] мир убьет войну и разовьет революцию на Западе. Ломов [в своем докладе указывает], что эта тактика [затягивания революции] реакционна.

[Вопрос] о неприкосновенности буржуазн[ых] свобод в широких массах играет большую роль. Репрессии при условии гражд[анской] войны необходимы. Указание на пункт программы о свободе и неприкосновенности личности [не выдерживает никакой критики]. Меньшевики должны быть целиком против революции, кот[орая] явл[яется] массовым нарушением неприкоснов[енности] личности. [Это —] либеральные рассуждения. Логика марксизма [говорит совершенно иное].

Об Учр[едительном] собр[ании] [имеются] разногла[сия]. Ломов стоит за соблюде[ние] дипломатии ввиду конституц[ионных] иллюзий масс. Этого нельзя делать, так как в обстановке соц[иалистической] рев[олюции] и диктатуры следует беспощадно уничтожать констит[уционные] иллюзии. Рев[олюция] оставила далеко за собой Учр[едительное] собр[ание] и прочие бурж[уазные] предрассудки. Что скажут товар[ищи], погибающие в борьбе с Калединым, если мы будем заседать вместе с кадетами? Вопрос решается только силой оружия. Это — моральное соображение [против Учредительного собрания]. Кроме этого [здесь имеется] нарушение диктатуры, если допускается общенациональное представительство. Допуск[ать] к.-д. и с.-р. в Учр[едительное] собрание — значит итти...*

С другой стороны бурж[уазия] кроме использов[ания] Учредительного собрания уже в данный момент...*. [Это] — дем[онстрация] не защиты Учр[едительного] соб[рания], а срыва его; они не допустят законодат[ельной] раб[оты], а дадут бой вперед**. Уже теперь они хотят открыть его помимо СНК²². Может быть, прид[ется], не открывая Учр[едительного] с[обрания], разогнать его. Следует ясно сказать об этом в резолюции, а не замазывать. Ошибка партии, кот[орая] пропагандир[овала] Учр[едительное] собр[ание]. Следует созвать съезд Сов[етов] для декретирования вопроса о власти СНК.

✓ Орлеанский. В вопросе об Учр[едительном] собр[ании] мне поручено

* Пропуск в подлиннике протоколов.

** В другом варианте подлинных протоколов эта часть речи т. Стукова изложена так:

«Буржуазия уже теперь пытается использовать Учр[едительное] собр[ание] в контр-рев[олюционных] целях; демонстрации с лозунгом защиты Учр[едительного] соб[рания] поддерживаются представителями буржуазии, которым оно не нужно, которые постараются не допустить законодательной работы Учр[едительного] соб[рания], а дадут ей бой по вопросу о декретах Сов[ета] нар[одных] комисс[аров]» (24-й лист подлинных протоколов конференции).

отстаив[ать] след[ующую] точку зрения. Мы как марксисты должны мыслить борьбу с буржуазией до конца. Прогрессивность лозунга [созыва Учредительного собрания], но не в данный момент диктатуры, когда этот лозунг регрессивен. Практически след[ует] относиться к [Учредительному собранию] след[ующим] обр[азом]: если оно пойдет против власти [Советов],— оно должно быть урезано, но тогда оно не будет Учредит[ельным], а только совеща[ть] ельным]. След[ует] прид[ерживаться] прямой революционной тактики: не признавать Учр[едительного] собр[ания]. Практически оно постар[ается] ликвид[ировать] власть СНК и подымет борьбу против него, большинство правых с.-р. не даст желат[ельного] сост[ава] Учр[едительного] собр[ания]. [Государственное] совещание в Москве стало очагом контрреволюции; также будет [с] Учр[едительным] с[обранием], кот[орое] явится тормозом в пролет[арской] революции. Психологический фактор, то, что массы не изжили конст[итуционных] иллюзий, не является господств[ующим]. Мнение части костр[омской] орган[изации]: Учр[едительное] с[обрание] вредно, его след[ует] сорвать.

Большаков [выражает свое] согласие с докладч[иком] о внешн[ей] политике. Об Учр[едительном] собр[ании] [он говорит, что] в момент диктатуры нелепо создавать парламент, который грозит отнять завоевания революции. Следует разбить все конст[итуционные] иллюзии, кот[орые] госп[одствуют] в массах, кот[орые] надеются, что Учр[едительное] собр[ание] даст удовлетв[орение] массам. Сами массы должны проявлять самостоятельность. Представ[ители] с.-р. в Учр[едительном] собр[ании] действ[уют], как к.-д. Учр[едительное] с[обрание] разобьет стремл[ение] масс к самостоятельности. Учр[едительное] собр[ание] есть преграда для социалистической революции. Массы должны [почувствовать] удовлетворенность советской власти. Сама масса является хозяином. Учр[едительное] собр[ание] знаменует [собой] конец революции. Изменения условий революции заставляют действовать как можно решительней. [Совершаются] действия против революции. Во время революции не может быть вопроса о гуманности. Вопрос решается силою оружия. Задача партии — разрушать иллюзии в массах.

Предлож[ение] прекрат[ить] прения отклон[яется]. Предл[ожение] выск[азываться] только противникам резолюции принимается. Предл[ожение] ограничить время [ораторов] 5 мин[утами] принимается. [Объявляется кратким] перерыв.

Т[ов.] Белецкий [говорит] о том, что революция была перех[одная], но теперь происх[одит] борьба за социализм. Прол[етариат] став[ит] вопрос о самом существ[овании] капитализма. Пока еще не полная класс[овая] дикт[атура]. Станет полной при революции в Зап[адной] Евро[пе]. Следует указ[ать] на это в резолюции Лом[ова]. Насчет Учр[едительного] собр[ания]: Лом[ов] дела[ет] уступку бессознат[ельным] элементам. [К] Учр[едительному] собр[анию] отнош[ение] чисто отриц[ательное], но нельзя дожид[аться], чтобы народ убед[ился] в этом. След[ует] разогна[ть] Учр[едительное] собр[ание]. Следует разр[ушать] констит[уцион-

ные] иллюзии. Но нельзя разогнать его без постановки вопроса о земле и мире. Раз СНК созыв[ает] Уч[редительное] собр[ание], надо открыть его, но потом разогнать. В день созыва Уч[редительного] собр[ания] надо доказать негодность руков[одителей] партий и после этого. [Надо пом- нить] слова Либкнехта: когда на ул[ице] барр[икады], нельзя сид[еть] в парла- м[енте]. Во главу угла [должна быть поставлена] демокр[атическая] респ[ублика]. Соверш[енная] форма [ее]—республ[ика] Советов.

Елпединский. Раздвоение по вопросу об Уч[редительном] собр[ании]. Больш[евики] дост[игли] переворота не потому, что их было большинство. За ними идут массы, так как они—прот[ив] соглашат[елей]. Зачем [нужен] созыв Уч[редительного] собр[ания], когда оно принес[ет] только вред? След[ует] не созывать его. Хоз[яин]—народ, выбравший своих представ[ите- лей] в советы. Нам не нужен приказчик. Его надо гнать в шею, так как к.-д. и правые с.-р. сдел[ают] [из Учредительного собрания] говори- льню и больше ничего. Даже в случае большинства большевиков, то и то представл[яется] опасность, так как возможно поправение. Против- ники больш[евиков] могут провести своих представ[ителей] и его прид[ется] сбросить впоследствии; лучше сделать это теперь, так как ничего нельзя от него получить. Возможность кровопролит[ия] в случае затягивания. След[ует] стоять только за сов[етскую] власть.

Полешко. Провинц[иальные] черты. В момент класс[овой] борьбы, когда пролет[ариат] наверху, не может быть розни в партии. Рознь и поправение. Мы даем только очерк стихии, которая следует по своим законам; сила рев[олюции] не может быть ничем остановлена. СНК не может пойти ни на какие уступки буржуазии, так как он идет во главе рев[олюционных] рабочих. Успех декретов о земле, демокр[атизация] армии. Мы не можем бояться Уч[редительного] собр[ания], кот[орое] бессильно что-либо сделать.

В наивысш[ем] разв[итии] рев[олюции] нечего бояться никаких опас- ностей. Мы—в послед[ней] стадии перех[одной] революции. [Уже есть] отражение рев[олюции] на Западе.

*Максимовский...**

* Пропуск в подлиннике протоколов. Во втором варианте протоколов речь т. Мак- симовского приведена в следующем виде:

«Максимовский. Рассуждения Лом[ова] — меньшев[истского] характер[а]. Это поли- тика уклончивая. И по вопросу об Уч[редительном] собр[ании] нужно прямо сказ[ать], нужно оно или не нужно. Нужно [Учредительному собранию] предъявить ряд требований; если оно [будет] согласно [удовлетворить их], то его можно оставить, если нет, то разо- гнать. Т[ов.] Рыков и Ногин очень любят пугать и сами пугаются. Их позиция заклю[чается] в след[ующем]: нужно пойти на некот[орые] уступки м[еньшеви]кам и с[оциалистам]-рев- олюцион[ерам]. Их намерение свод[ится] к отступлению от большев[истской] тактики. Наше течение основное, и остальные должны к нему примыкать. У Рыкова была политич[еская] арифметика. Рассужд[ение] о слаб[ости] рабоч[его] класса не важно, п[отому] ч[то] это меняется. Впервые выставлен вопрос о диктатуре пролет[ариата]. Лен[ин] говорил, что это будет только демократическая, но не социалист[ическая] революция. В 1905 году он отсту- пил от этого; и Каутский говорил, что та революция была переходной к социал[истиче- ской]. Конференция все время тоже говор[ит] о социал[истических] революциях».

Людвинская. О характере революции. Странность оценки [революции]; нельзя принять эту оценку, а [нужно] принять [оценку] ЦК [нашей партии]. Об Учр[едительном] собр[ании]: не следует поощрять иллюзии. Для раб[очих] решен вопрос о том, что Учр[едительное] собр[ание] должно быть разогнано в случае его контрреволюционности. Ломов дум[ает], что мы должны приспособл[иваться] к иллюзиям, чего не должно ни в коем случае быть. Конфер[енция] должна опред[еленно] высказ[аться] и подготовить крушение иллюзии. Поправка [к резолюции]: признавать [Учредительное собрание] пост[ольку], поск[ольку] оно буд[ет] стоять на защ[ите] зав[оеваний] рев[олюции] и социалист[ического] характера революции.

Заключит[ельное] слово Ломова

Возражения частью на недоразумения, а частью на непониман[ие] большевизма. Упрек в меньш[евизме]. Недоразум[ение] по вопросу о переходности [революции в социалистическую революцию]. [Оратор] признает, что рев[олюция] [происходит] социалистическ[ая], только указыв[ает] на длительность периода революции.

[Докладчик отмечает] возраж[ения] Стукова о невыгоде национальн[ого] предст[авительств]а, о том, что след[ует] разогнать Учр[едительное] собр[ание], [говорит] насчет слов М[аксимовского] о заявл[ении] Плеханова (по его [Максимовского] мнен[ию] следует итти в Учр[едительное] собр[ание]), о возраж[ениях] Людвинской (если Учр[едительное] с[обрание] негодно, то не следует туда итти). [Далее он] цит[ирует] резолюц[ию], из которой ясно, что... * Разрешение вопроса [достигается] не только силой оружия, но и политикой. Если Учр[едительное] с[обрание] не может разреш[ить] вопросов [революции], зачем же Л[енин] и Тр[отский] заявл[яют], что они созов[ут] Учр[едительное] собр[ание]? Иллюзии надо разбивать. Они очень сильны в серой массе. Если бы не было этого сопротивл[ения], то следовало бы разогнать [его]. Может быть, что с.-р. в Учр[едительном] собр[ании] согласятся подд[ержать] СНК на словах и поведут подлую политику. Возможно, что придется разогнать Учр[едительное] с[обрание], даже не собрав его. При большинст[ве] большев[иков] возможно, что Учр[едительное] с[обрание] сдел[ается] подсобным [для] сов[етской] власти, но [оно] может создать и новую политику. Слова о переходе к социалистич[еской] рев[олюции] были высказаны Ломовым давно. [Затем докладчик говорит] о словах Инессы об устранении правых с.-р. [из Учредительного собрания]. Если при данном соотнош[ении] колич[еств] депутатов произойдет то-то... * [Докладчик говорит] о словах влад[имирского] представ[ителя] о ненужности Учр[едительного] с[обрания], но также о его указании на то, что сильны иллюзии, кот[орые] мало рассеяны парт[ийными] работниками. Сила иллюзий—в хлебо-

* Пропуск в подлиннике протоколов.

родн[ых] губ[ерниях]. Бестактно ставить вопрос о разгоне Учр[едительного с[обрания] в данный [момент. Вопрос будет решен тов[арищами] — руководителями движения.

Революция основ[ывается] на будущем, а не на прошлом. ([Докладчик] цит[ирует] слова Маркса о черпании содержания [революции] в будущем). В словах оппонентов не было указаний на прошлое. [Стоит] вопрос [об участниках* Цимм[ервальдской] конф[еренции], на кот[орую], само собой разум[еется], не допустят шейдемановцев.

[Далее оратор говорит] о городск[их] думах—подчинении их [Советам], о разруш[ении] финансовой организации, изменении финансовой, системы, исчезновении денег.

Меры для борьбы с [буржуазной] Украиной — твердый кулак.

[Затем докладчик] предлагает, не обсуждая резолюции по пунктам передать ее в редакционн[ую] комиссию. Предлож[ение] принимается.

Оглашается резолюция.

Поправка *Инессы* (Мотивировка вопроса об Учр[едительном] собр[ании]): Для ускорения разруш[ения] иллюзий следует не бояться разговоров о том, что мы разгоним Учр[едительное] собр[ание]. Стуков слишком резко [ставит вопрос], а Ломов [его] замазывает. Предл[агаю] подд[ержать] поправку Людвинской.

Ломов. О поправке насчет Учр[едительного] собр[ания]. Инесса — центр, Ломов [идет] направо, Стуков—налево. Или [должна быть принята] попра[вка] Стукова, или же [нужно] наметить линию, не указывая конкретных мер. Слова должны опираться на дело. Нельзя в голой форме говорить о необхо[димости] изгнания с.-р. и разгона [Учредительного собрания]. След[ует] разъяснить массе то, что нам ясно*** теоретически [вопрос] о ненужности Учр[едительного] с[обрания].

Поправка Сафонова об организации красной гвардии и в деревне.

Людвинская [предлагает свою поправку] об Учр[едительном] собр[ании].

Ломов: [Я] против поправки [Людвинской], которая слишко[м] оппортунистическая: Учр[едительное] собр[ание] ни на что не нужно; [в данном случае] нельзя [говорить]: «постольку — поскольку».

Беленький... ***.

Ломов [говорит] против: если Учр[едительное] собр[ание] выска[жется] против [Октябрьской] рев[олюции], то большевики не должны быть в нем, но оно будет существовать

* Ошибочно — вместо *участниках*.

** Ошибочно — вместо *ясен*.

*** Пропуск в подлиннике протоколов. В другом варианте протоколов высказывание Беленького сформулировано так: «Б[ольшевик]и могут быть [в Учредительном собрании] постольку, поскольку они [социалисты-революционеры] будут стоять за декреты [Советов]».

[Лозунги] «постольку — поскольку» не дают...*.

Стуков [говорит] о более ясной формулировке отношения к Учредительному собранию. [Стуковым предлагается его] поправка. [Затем он говорит] о том, что Ломов смотрит на Стукова, как меньшевик на большевика, кот[орый] способ[ен] только на резкие меры. Указы[вает, на то, что Учредительное собрание] можно изжить не путем только разгона физической силой. Партия обязана ясно...**.

Ломов. — Не возражает против первой части поправки о шельмован[ии] [Учредительного собрания]. О второй части [поправки он говорит], что здесь недоразумение. Вопрос об изживании [иллюзий] не возбужда[ет] разногласий. Разногласие только в вопросе о ненужности Учредительного собрания; следует умолчать об этом из тактических соображений. В процессе борьбы может появиться этот лозунг, но пока еще не время выст[авлять] его.

Поправка Познанского (поправка об Учр. собр.)...***

Ломов возражает на неточность выражен[ий] [поправки], т[ак] к[а]к Учредительное собрание не созывается, как постоянный орган.

Кизильштейн ([берет слово] к порядку). По поправке Инес[сы] не было высказано против. Если докладчик принимает поправку, то против нее можно возражать.

Стуков объясняет, что [в своей речи] Максим[овский] не высказал во всем своих возражений, не мог в три минуты высказать всего.

Ломов [берет слово] к порядку голосования [и] просит предоставить слово Максимов[скому].

Собрание высказ[ывается] против предост[авления] слова Максим[овскому].

[Голосование] за резолюцию:

воздерж[авшихся] — 4;

1 поправка отвергаетс[я];

2 поправка [отвергается];

3 поправка [отвергается];

4 поправка [отвергается];

1-я часть поправки Стукова принимается;

* Пропуск в подлиннике протоколов. В другом варианте протоколов возражение Ломова сформулировано так: «Отвергаю, п[отому] ч[то] если б[ольшевик]и уйдут [из Учредительного собрания], то совсем непонятно, для чего [нужно] Учредительное собрание».

** Пропуск в подлиннике протоколов: В другом варианте высказывание Стукова сформулировано так: «Хочу, чтобы было ясно, что делать с Учредительным собранием. Учредительное собрание не нужно, п[отому] ч[то] [оно] не отвечает интересам пролетариата. Эта поправка более ясно дает понятие об Учредительном собрании. Можно Учредительное собрание изжить самыми разнообразными формами, не только силою оружия. Нужно, чтобы партия дала ясный ответ, что мы будем делать с Учредительным собранием».

*** Пропуск в подлиннике протоколов. Тот же пропуск и в другом варианте протоколов.

2-я часть поправки [принимается];
к пункту 5-му [поправка] [принимается]*.

[Выбрана комиссия для окончательного редактирования резолюции] из трех лиц, кроме Ломова: *Стуков, Максимовский, Инесса***.

(Окончание протоколов в следующем №).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ После Февральской революции во многих пунктах Московской области в организации РСДРП входили и большевики и меньшевики. Даже такие организации, как Сормовская и Тульская, были объединенными. На протяжении лета 1917 г. подавляющее большинство этих объединенных организаций раскололось, особенно в связи с июльскими событиями и корниловским восстанием. Последний удар объединенческим тенденциям на местах был нанесен Октябрьским переворотом.

² Восстание главнокомандующего Корнилова, подготовленное верхами командного состава армии и кадетскими вождями, было начато (8 сентября) 26 августа 1917 г. стягиванием с фронта войск против Петрограда. Врем. правительство во главе с Керенским вело во время этой авантюры двусмысленную политику. Рабочие и солдаты, под руководством большевиков, повели усиленную агитацию среди двигавшихся на Петроград эшелонов солдат, под влиянием которой войсковые части решительно отказывались от дальнейшего наступления на столицу. Под давлением создавшейся революционной обстановки Врем. правительство издало распоряжение об аресте Корнилова, который и был произведен (14) 1 сентября. (25) 12 сентября Корнилов вместе с некоторыми другими арестованными генералами был переведен в гор. Быхов. Арестованные содержались в здании женской гимназии в весьма комфортабельных условиях и под легким караулом, в то время как город был наводнен сочувствовавшими арестованным войсковыми отрядами. В результате, когда были получены сведения, что ставка верховного командования сдастся большевикам, арестованные генералы бежали (2 декабря) 19 ноября на юг, вместе с охранявшим их отрядом текинцев. Корнилов был убит в начале 1918 г. в бою с красными войсками под Екатеринодаром.

³ «Заем—жертва»—заем Московского областного бюро партии, выпущенный в августе 1917 г. на сумму 250 000 руб. сроком на 2 года на нужды, главным образом, издательских предприятий. Реализация займа должна была закончиться в 2 месяца. Заем был выпущен купюрами в 5, 10 и 25 руб. Задачу распространения этого займа между членами партии в Московской области должны были взять на себя местные партийные комитеты. Фактически реализация займа растянулась на многие месяцы и не была закончена.

⁴ Генерал Каледин был активным сторонником Корнилова. Это выяснилось в его выступлении против Советов в августе—сентябре 1917 г., когда он сгруппировал вокруг себя верхи донского казачества. После Октябрьского переворота все основные кадры контрреволюции сконцентрировались под его руководством. Потерпев в боях с красногвардейскими отрядами поражение, Каледин отказался от командования белогвардейскими войсками и застрелился в феврале 1918 г.

* Точно сформулированных поправок к резолюции, а также и первоначального текста последней в подлинниках протоколов не имеется.

** В другом варианте подлинника протоколов голосование резолюции зафиксировано так: «Принята за основу резолюция, предлож[енная] Ломовым, всеми при 4 воздержавшихся. 1 поправка отвергнута, 2 поправка отвергнута, 3 поправка отвергнута, 4 [поправка] отвергнута, 5 поправка Стукова принята (1 пункт, 2 пункт [поправки] тоже), 6 поправка к пункту 5 принята. Выбрана комиссия для выработки резолюции из 3-х лиц в составе: Стукова, Максимовского, Инессы, Ломова (как докл[адчика])».

⁵ Московское государственное совещание происходило в Большом театре 25(12)—28(15) августа 1917 г. Большинство участников совещания состояло из представителей буржуазных организаций и верхов армии. Даже оборонцы оказались на нем в меньшинстве. Надежды Врем. правительства на укрепление своего авторитета путем созыва этого совещания, конечно, не оправдались. Наоборот, оно послужило толчком к новому полеванию рабочего класса, встретившего, под руководством большевиков, это совещание всеобщей однодневной забастовкой-протестом, дружно проведенной московским пролетариатом.

⁶ Прокурор Московской судебной палаты Стааль задерживал директивные телеграммы Московского областного бюро РСДРП(б), рассылавшиеся местным большевистским организациям в период корниловщины.

⁷ Очевидно, имеется в виду руководящая борьбой против корниловщины комиссия, выделенная Исполнительным комитетом Московского совета рабочих депутатов. Эта комиссия тормозила работу большевиков по организации масс в борьбе с генеральской контрреволюцией и особенно мешала вооружению рабочих.

⁸ Вероятно, имеются в виду «Тезисы для доклада на конференции (21) 8 октября Петербургской организации» (см. XXI т., 2 изд. Сочинений Ленина, стр. 287—289).

⁹ Заявления об уходе из ЦК партии и с постов народных комиссаров были поданы 17 (4) ноября 1917 г. Подобное изложение этих фактов см. в XXII томе Сочинений Ленина, стр. 36—39, 57—61, 551—552 и 578—580.

¹⁰ Украинская центральная рада—руководящий орган украинского национального движения—с ноября 1917 г. становится верховным органом власти Украинской народной республики. Во главе ее стояли мелкобуржуазные социалисты, проводившие в своей практической работе принципы буржуазной демократии и резко враждебные к органам советской власти. В развернувшейся гражданской войне на Украине власть Рады была свергнута восставшими рабочими и крестьянами при помощи красной гвардии в феврале 1918 г.

¹¹ Здесь говорится об общегородской Московской конференции, состоявшейся (8 декабря) 25 ноября 1917 г. Огромным большинством голосов конференция приняла резолюцию порицания по адресу вышедших из состава ЦК партии и из Совнаркома. (См. «Социал-демократ» № 220 от (12 декабря) 29 ноября 1917 г., стр. 3).

¹² Сообщение о захвате Владивостокским Советом власти было опубликовано (3 ноября) 21 октября 1917 г. (см. стр. 147, т. V, «Революция 1917 года» (Хроника событий) К. Рязинского, издание Истпарта ЦК ВКП(б), 1926 г.).

¹³ Здесь имеется в виду Петроградский комитет спасения родины и революции, в Октябрьские дни руководивший борьбой против победоносных Советов как в Питере, так и в других городах России. В его состав входили: Исполнительный комитет советов крестьянских депутатов, ЦИК советов 1-го созыва, оборонческие фракции II съезда Советов, ЦК партии с.-р., ЦК объединенных с.-д., ЦК партии народных социалистов, партийная группировка «Единство», военный совет при военном министре, Совет республики, Центрофлот, Петроградская городская дума, Почтово-телеграфный Союз, ПК с.-р., с.-д., н. с. и некоторые другие соглашательские группировки, покинутые своими же массами. Под теми же названиями (а иногда и несколько видоизмененными) организовались в Октябрьские дни контрреволюционные комитеты и в большинстве остальных городов России. В Москве роль такого контрреволюционного органа выполнял Комитет общественной безопасности. Почти все эти комитеты прекратили свое существование вскоре после Октябрьского разгрома белогвардейцев.

¹⁴ Вопрос о рабочем контроле над производством был поднят Лениным еще накануне Октябрьского переворота. Проект декрета о нем был утвержден Совнаркомом (28) 15 ноября 1917 г. На местах рабочий контроль над производством проводился экономическими отделами и отделами труда Советов при ближайшем участии профсоюзов и фабрично-заводских комитетов.

¹⁵ Состав сормовских рабочих-металлистов за годы империалистической войны был очень сильно разведен мелкобуржуазным элементом из ряда разорявшихся войной

кустарей и лавочников. Шли на завод и кулаки, спасавшиеся при содействии мастеров-земляков от военных мобилизаций поступлением на предприятие, работавшее на оборону. «Потомственные» же пролетарии были, в значительной своей части, направлены на фронт.

¹⁶ Очевидно, оратор имеет здесь в виду доклад Дана об оценке текущего момента на экстренном соединенном заседании ЦИК С. Р. и С. Д. и И. К. ВСКД в ночь (7 ноября) 25 октября 1917 г., которое состоялось при участии делегатов на второй Всероссийский съезд Советов. (См. 170—171 стр. книги К. Рябинского «Революция 1917 года» (Хроника событий), том V, октябрь; издание Истпарта ЦК ВКП(б), 1926 г.).

¹⁷ Под созывом Международной циммервальдской конференции разумеется созыв представителей революционных частей социалистических партий всего мира, что фактически и удалось осуществить лишь в марте 1919 г., когда в Москве открылась конференция революционно-коммунистических партий и групп, объявившая себя затем I конгрессом III Интернационала (Коминтерна).

¹⁸ Колегаев был одним из лидеров партии левых с.-р., членом ее ЦК. После Октябрьского переворота он вошел в состав Совнаркома, но по требованию своей партии вышел из него после заключения Брестского мира. После июльского восстания левых с.-р. Колегаев вышел из рядов этой партии и вскоре вступил в РКП(б). Работает в советских органах.

¹⁹ Здесь, очевидно, имеется в виду волокита с проектом организации ВСНХ, виновником которой являлась фракция левых эсеров ВЦИК, добивавшаяся увеличения числа своих представителей в ВСНХ и организации его не при Совнаркоме, а при ВЦИК. Тов. Бухарин был одним из членов комиссии СНК по разработке проекта организации ВСНХ, выделенной (28) 15 ноября 1917 г. (См. прим. № 51 в XXII томе Сочинений Ленина, стр. 588—589).

²⁰ До декрета о национализации банков, принятого ВЦИК Советов (27) 14 декабря 1917 г., контроль над ними осуществлялся лишь через назначаемых органами советской власти особых комиссаров.

²¹ Саботаж буржуазии после Октябрьского переворота выразился в закрытии фабрик и заводов под предлогом отсутствия сырья и топлива. Он был сломлен организацией рабочего контроля над производством. Резко выявленный саботаж мы имели со стороны технической интеллигенции, чиновничества, врачей, учителей. Сплошь и рядом он проявлялся в форме массового невыхода на работу и иногда превращался в длительные забастовки. Саботаж интеллигенции и служащих финансировался буржуазией, которая первые месяцы довольно регулярно выплачивала им жалованье из особого стачечного фонда. В Москве наиболее упорной и длительной была забастовка учителей городских школ, но и она к лету 1918 г. была окончательно сломлена.

²² Работу по созыву Учредительного собрания СНК взял на себя, издав особый декрет по этому вопросу (опубликован в № 237 «Известий ЦИК» от (10 декабря) 27 ноября 1917 г.). Это было сделано, чтобы отбить попытки комиссии по выборам в Учредительное собрание (назначенной еще правительством Керенского и состоявшей из кадетов и правых эсеров) созвать его независимо от СНК. Перед изданием этого декрета члены комиссии в течение нескольких дней находились под арестом в связи с тем, что комиссия отказалась работать под руководством назначенного для нее комиссара т. М. С. Урицкого.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ВКП И ЛЕНИНИЗМА.

О ЗАДАЧАХ ИСТОРИКО-ПАРТИЙНОГО ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ ПРИ ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА

В связи с быстрым развитием пролетарской революции и с быстрыми темпами роста социалистического строительства в нашей стране, с вовлечением громадных масс в политическую деятельность и их культурным ростом, в связи с нарастанием противоречий в странах капитализма и «усложнением всей обстановки как внутри СССР, так и международной, в обстановке революционного подъема в странах капитализма и особенно в колониальных странах,—крайне возросла сложность руководящей партийно-политической работы, возросла потребность в руководящих партийных кадрах, повысились требования, предъявляемые к этим кадрам жизнью, стала ощущаться необходимость усиленной работы над поднятием квалификации наличных кадров.

Потребность в организации и развитии сети партийного просвещения чрезвычайно велика и увеличивается вместе с ростом партии. Спрос на квалифицированных преподавателей очень велик. Но не эта потребность является основной. Еще более важна и остра потребность в кадрах высококвалифицированных практических работников и в кадрах для научно-исследовательской работы. В реконструктивный период, в эпоху гигантского развертывания практической работы по строительству, по руководству массами при переходе к новым формам хозяйства особенно остро стоит вопрос о квалифицированных руководителях-практиках, обладающих теоретической подготовкой, владеющих методом марксизма-ленинизма.

Общая потребность в квалифицированных кадрах стала еще острее в обстановке усилившейся классовой борьбы, в связи с развернувшимся социалистическим наступлением и с начавшимся выкорчевыванием корней капитализма (сплошная коллективизация и ликвидация кулачества).

Необходимость создавать своих пролетарских специалистов заставила обратить особое внимание на постановку и организацию высшего образования вообще и высшего партийного образования в частности.

Еще около года тому назад ЦК (постановление от 16 сентября 1929 г.) отметил, что «работа в области повышения теоретического уровня руководящих кадров партийного актива не получила еще того развития, которое диктуется общими задачами периода социалистической реконструкции, а также новыми, более высокими требованиями, предъявляемыми каждому партийному активисту в условиях обострения классовой борьбы,

развертывающейся активности масс и усложняющихся задач партийного руководства»¹.

Одним из важных постановлений в области организации высшего образования было принятое летом 1930 г. решение ЦК о реорганизации ИКП и о развертывании самостоятельных институтов, образованных из прежних отделений ИКП. Одно из них—историко-партийное отделение, реорганизованное в *«Историко-партийный институт красной профессуры при Институте Ленина»*, является теперь тем учено-учебным заведением, которое должно готовить высококвалифицированных практических партийных работников, научных исследователей и преподавателей,—специалистов в области: 1) истории партии, 2) Коминтерна, 3) ленинизма и 4) партстроительства.

В Институте, соответственно этим четырем линиям специализации, создано четыре отделения, учебные планы и программы которых построены соответственным образом.

На первом курсе *всех* отделений имеются семинарии по *диалектическому материализму*. Работа по изучению методологии марксизма-ленинизма, само собой разумеется, кладется в основу каждой специализации. Точно так же изучение ленинизма ставится на *всех* отделениях, хотя программы семинариев несколько видоизменяются в связи со специализацией каждого отделения. Кроме того, учебные планы каждого из отделений имеют свои индивидуальные черты, известная специализация начинается уже с первого курса. Семинарии на первом курсе по теоретической экономике, имеющиеся на всех отделениях, строятся с некоторыми особенностями для историков партии и «партстроителей» (особое внимание обращено на изучение вопросов советской экономики). Для отделения Ленинизма и Коминтерна в этом семинаре особое внимание уделяется разбору вопросов экономики империализма. Для отделения Коминтерна на первом курсе ставится специальный семинарий «Основы политики и тактики Маркса и Энгельса», который посвящен изучению истории рабочего движения Запада от 40-х до 90-х годов XIX в. в связи с изучением политической работы Маркса и Энгельса, их борьбы против оппортунизма и мелкобуржуазных шатаний на всех этапах их деятельности.

На остальных отделениях, на первом курсе ведется семинарий по истории русского капитализма и истории рабочего движения в России.

Едва ли надо особо доказывать значение изучения *истории*, в частности истории ВКП и Коминтерна, истории, которая подытоживает богатый опыт рабочего движения и ряда революций. Коммунистическая партия должна действовать на основе науки, и эта наука вырастает именно на почве подытоживания исторического опыта. Еще в 1899 г. Ленин в статье «Наша ближайшая задача» следующим образом перечислял источники этой науки: «История социализма и демократии в Западной Европе.

¹ См. «Материалы к организационному отчету ЦК ВКП(б) к XVI съезду Всесоюзной Ком. партии. Вып. I, стр. 64—65, Гиз. 1930.

история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения,—таков тот материал, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии». «Обработка» этого материала,—предупреждал в то же время Ленин,—«должна быть самостоятельная, ибо готовых образцов искать нам нигде» (т. II, стр. 497). Подготовить кадры практических работников, основательно знающих исторический опыт и умеющих самостоятельно в нем разбираться,—вот важнейшая задача Историко-партийного института. Институт ставит своей целью помочь слушателям развить и укрепить навыки самостоятельной научно-исследовательской работы, обеспечить их приобретение основных знаний по соответственной специальности.

В Институте Ленина существуют все условия для того, чтобы поставить на должную высоту изучение *истории* нашей партии и Коминтерна. Именно здесь организован единый партийный архив, здесь сосредоточивается самое богатое собрание партийной литературы, как дореволюционной нелегальной, так и вышедшей после октября 1917 г. Здесь же находится архив Коминтерна и должна собираться вся текущая литература по вопросам политики и тактики современного рабочего движения. Но на отделениях истории партии и Коминтерна, как и на прочих, дело вовсе не ограничивается изучением одной лишь истории. Изучение истории ставится в тесной связи с проблемами современности. Изучаются проблемы сегодняшнего дня, имеющие важнейшее значение для политической работы.

На отделении Коминтерна ставится изучение теоретических, политических и тактических проблем Коммунистического интернационала, чтобы дать соответственные знания работникам, подготовить их теоретически и помочь овладению также и практической стороной работы (знание языков, знакомство с положением и тактическими задачами разных стран и т. д.). Это достигается соответственной постановкой производственной практики по заданиям ИККИ в одном из ландсекретариатов или отделов ИККИ. Слушатели отделения Коминтерна в своей производственной практике должны разрабатывать вопросы, стоящие в плане работ Коминтерна. По поводу производственной практики и всей ее установки мы скажем подробнее ниже.

На отделении Коминтерна, на первом же курсе, как указано было выше, уже проводится специализация. На втором курсе этого отделения, кроме семинария, по ленинизму имеется семинарий по основным проблемам истории и тактики II Интернационала. Это изучение должно дать слушателям знание и сильных и слабых сторон II Интернационала. Изучение того ценного, что дала эпоха II Интернационала (на это указывал Ленин), изучение практики массовых организаций даст возможность использовать огромный организационный опыт. С другой стороны, изучение II Интернационала поможет вскрыть корни оппортунизма и проследить подготовку современного превращения социал-демократов в социал-фашистов. Вопрос

об общественных корнях социал-фашизма, изучение этого явления в целом ставится как одна из проблем современной политики западных стран.

На третьем курсе отделения Коминтерна ставится изучение основных проблем Коминтерна, его современной политики и тактики.

На третьем курсе отделения по истории партии ставится изучение наименее разработанных вопросов этой истории, в частности, представляющей особую ценность и самый актуальный международный интерес— истории партии в 1917 г. и после Октября. Подытоживание опыта нашей партии, руководившей борьбой пролетариата за власть, организацией диктатуры пролетариата, ее защитой в гражданской войне и социалистическим строительством имеет исключительную ценность для всего международного пролетариата. Необходимо подчеркнуть, что отделение по истории ВКП вовсе не готовит только узких специалистов—историков партии. Работа на этом отделении ставит в первую очередь задачу выработать в слушателях навыки самостоятельной научно-исследовательской работы, овладение ценнейшим опытом борьбы пролетариата в трех революциях, представляющих из себя крупнейшие исторические события начала XX века. Изучение всего этого опыта в свете марксистско-ленинской теории и применение его к разрешению задач современности,—такова задача Института, в частности отделения по истории ВКП. Без исторического образования не может быть основательной марксистской подготовки.

Вот в самых общих чертах характеристика плана работы отделения по истории партии и отделения Коминтерна. Нет необходимости подробно развивать то положение, что центральное место во всей работе историко-партийного Института в работе всех его отделений занимает изучение *ленинизма*, т. е. «теории и тактики пролетарской революции вообще, теории и тактики диктатуры пролетариата в особенности» (Сталин). Ленин за всю свою деятельность учил ценить теорию, понимать ее значение для революционного пролетариата. Ленин—гениальный руководитель пролетариата в его революционной борьбе—дал в своих произведениях теоретическое освещение современных проблем, научно объяснил экономическую структуру современного империализма, дал учение о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата, об условиях победы социализма в одной стране, о путях социалистического строительства, о революциях в колониальных странах и путях перерастания национально-освободительных, буржуазно-демократических революций в пролетарские в общей системе мировой пролетарской революции.

Ленин блестяще разрешил новые теоретические вопросы и явился гениальным руководителем рабочего класса в мировой пролетарской революции, потому что он был самым тесным образом связан с массами пролетариата, а в теоретическом отношении стоял на почве революционного марксизма. Как материалист-диалектик он подходил к разрешению всех вопросов в связи со всей исторической обстановкой и потому основательное изучение истории рабочего движения новейшего времени кладется в основу не только отделения по истории партии, но и прочих отделений.

Огромное значение имеет пропаганда ленинизма, широчайшее распространение среди миллионных масс трудящихся марксистско-ленинского мировоззрения. В нашу эпоху величайшей в мировой истории революции, когда происходит перестройка общественных отношений в массовом раз- мере, происходит переделка массы людей из мелких единоличных хозяев в работников единого гигантского коллектива, в такое время происходит революция и в умах, и в этом деле революционного переустройства самое широкое распространение и разъяснение учения Ленина окажет громад- ную помощь всей перестройке и переделке общества. Участие в деле попу- ляризации и пропаганды ленинизма—это один из видов практической ра- боты слушателей Историко-партийного института Красной профессуры.

Программы отделения ленинизма исходят из необходимости разра- ботки современных вопросов мирового коммунистического движения и социалистического строительства.

На третьем курсе, в семинарии по ленинизму ставится изучение пере- ходного периода, вопросов социалистического строительства. Сюда входит изучение вопросов экономики переходного периода, вопросов политики и тактики рабочего класса как в области хозяйственного, так и в области культурного строительства.

Взять хотя бы для примера всю сумму вопросов о путях социалисти- ческого строительства и культурной революции в деревне и среди отста- лых народностей. Какая масса еще очень мало использованного материала для теоретического обобщения имеется у нас в этой области, какая об- ширная система проблем встает в связи с этим. Вопросы о путях и спосо- бах подъема материальной культуры, о способах усиления личной заинте- ресованности, о привлечении новых и новых масс к социалистическому строительству, об организации того подъема народных масс, который нарастает всюду во всех областях деятельности, о формах борьбы и со- противления классовых врагов и способах, какими сломить это сопротив- ление, о развитии национальной культуры в сочетании с международной задачей социалистического строительства, о практике сплошной коллекти- визации сельского хозяйства и выкорчевывания в связи с этим последних остатков капитализма и т. д. и т. п.

Вот перечень—далеко не полный—взятых наудачу вопросов, из кото- рых каждый имеет самое злободневное значение. Разрешение этих вопро- сов, практика в этих областях, подытожение всего опыта, всей практиче- ской работы нашей партии в отдельных областях,—все это имеет громад- ное значение и для нашего строительства, являющегося делом междуна- родного значения, и для всего международного пролетариата, для проле- тариата капиталистических стран, с глубочайшим сочувствием следящего за нашим строительством. Своей борьбой против собственных капиталистов он оказывает нам огромную поддержку. Взяв власть, он сможет использо- вать весь наш опыт.

Из всей суммы проблем ленинизма выделяются особо проблемы *пар- тийного строительства*. Для изучения их и для подготовки соответствен-

ных кадров образовано особое отделение. Особая важность разработки этой сложнейшей системы проблем едва ли нуждается в доказательстве.

«В нынешний период реконструкции, когда мы проникаем вглубь, во все щели, во все поры общественного организма,—пишет т. Каганович,—когда мы перестраиваем все стороны общественной жизни—хозяйство, быт, культуру, когда мы строим новые гиганты на совершенно новой технической базе; когда культурность масс, их активность, их запросы, материальные и духовные, гигантски вырастают,—от нас требуется в области организации, агитации, пропаганды, организации хозяйства, руководства культурной подготовкой кадров гораздо более глубокий и основательный подход, чем это было в другие периоды»¹.

В такое время теория и практика партийной организации—этой высшей формы организации пролетариата—приобретают особо важное значение. Партия играет в революции решающую роль, она обуславливает выполнение важнейшей задачи пролетариата—его *организаторской* роли. Поэтому вполне понятна насущная потребность систематического изучения партии и партийного строительства, разработка вопросов, связанных с этим, и создание самостоятельных дисциплин, систематически изучающих всю сумму этих вопросов.

Вопросы организационные играют тут важную роль, стоят на первом плане. Структура и работа партийных организаций, ячейки в колхозах и совхозах, на предприятиях, на новых строительствах, вопросы реконструкции партаппарата в целях приближения его к массам, вопрос о переработке партийного устава и ряд других организационных вопросов должны изучаться самым внимательным образом.

Проблемы партстроительства нельзя однако сводить к вопросам только организационным. В них входит вся система вопросов, связанных с партией и ее деятельностью, как «самостоятельного организма», как «самостоятельной боевой организации пролетариата» (Сталин). Рядом с вопросами организационными в тесной связи с ними стоят и вопросы руководства массами, связи партии с рабочим классом и с массой трудящихся. Такие вопросы, как партия как политический вождь рабочего класса и как орудие диктатуры пролетариата, несомненно входят в круг вопросов партийного строительства.

В виду специфического, сугубо политического характера научно-теоретической работы Историко-партийного института вся его работа должна получить самую тесную связь с работой Центрального комитета нашей партии. Это должно найти свое выражение и в организации и подготовке всего обучения и в привлечении к руководству изучением отдельных проблем руководящих работников нашей партии и в организации производственной практики.

В области марксизма-ленинизма, науки теоретического и практического руководства великой борьбой пролетариата за коммунизм, высшим авто-

¹ Очередные задачи партработы и реорганизация аппарата. Гиз, 1930 г. стр. 7.

ритетом являются верховные органы нашей партии—партийные съезды и ЦК. В своей повседневной работе ЦК занимается разрешением очередных задач политической борьбы и социалистического строительства, руководясь теорией ленинизма. Естественно, что изучение ленинизма, подготовка кадров специалистов теоретиков и практиков в этой области должны находиться под непосредственным руководством ЦК.

Производственная практика в учебном плане Историко-партийного института Красной профессуры должна будет занимать чрезвычайно важное место. Теоретическое обучение должно быть самым тесным образом связано с производственной практикой, так чтобы учебная и теоретическая работа помогали практике слушателей в различных областях партийной работы, а практическая деятельность давала опору теоретическим обобщениям. Учебный план и программы семинариев необходимо строить в тесной увязке с планом работы ЦК, потому что именно там стоят основные вопросы современной классовой борьбы, политики и тактики, в связи с этим и должно идти изучение и разработка проблем ленинизма.

До сих пор партийная работа слушателей совершенно недостаточно увязывалась (а иногда и вовсе не увязывалась) с их учебной работой. Она не регулировалась в плановом порядке, была хаотична в смысле отсутствия выработанной системы и единого руководства, не увязана по времени и в таком виде часто мешала учебной работе (напр. совпадение часов, посвященных партийной нагрузке слушателя с часами семинариев и т. п.). Слушатели Историко-партийного института должны будут свое теоретическое обучение связать самым тесным образом с практикой. Их практическая работа входит органической составной частью в учебный план. Достаточно подготовленные и квалифицированные товарищи, особенно старших курсов Института, могут и должны быть использованы для работы в аппарате ЦК, для выполнения особых заданий ЦК, проработки специальных проблем на основе новейших материалов, для проведения обследований и изучения опыта отдельных организаций и т. д. Учебный план точно намечает задания и время, отводимое практической работе, чем устраняется много имевших до сих пор место недостатков (бесплановость, дерганье и т. д.). Такова в общих чертах установка учебной работы И. П. ИКП.

Особо важным, существенным вопросом является вопрос о вербовке состава слушателей Историко-партийного института Красной профессуры и организации дела приема и подготовки к поступлению в него. Этому вопросу необходимо посвятить особое внимание.

В. Адоратский

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ОТ СОЦИАЛ-ЦЕНТРИЗМА К СОЦИАЛ-ФАШИЗМУ

(По поводу книги Л. О. Фроссара «От Жореса к Ленину» ¹)

Социал-предатели типа Каутского, проделавшие большой путь от защиты марксизма к его фальсификации, занялись в последние годы в своих работах и выступлениях «воспоминаниями». Каутский, например, разбросал очень много автобиографических замечаний в своей работе «Материалистическое понимание истории». Кроме того он написал свою краткую автобиографию для специального сборника, изданного Майнроном в Лейпциге.

Другой столп германской с.-д. Эдуард Бернштейн разразился тремя произведениями, составляющими большой автобиографический «труд»: «Детство и юность», «Развитие социалиста» и «В годы моего изгнания» ². Зачем все эти мемуарные, подчас заполненные пустяками «труды»? Послушаем, что пишет Каутский: «Когда в 1896 г. Бернштейн в ряде статей под общим заглавием «Проблемы социализма» подверг критике различные наши тогдашние взгляды, это вначале было мне *чрезвычайно симпатично*. Я увидел в этом продолжение того, что начали Энгельс и я».

¹ Л. О. Frossard. «De Jaurès à Lénine». Notes et souvenirs d'un militant. Bibliothèque de documentation sociale. Edit. de la Nouvelle Revue Socialiste» 1930, p. 309.

² Первое и третье название изданы на русском языке.

(Подчеркнуто нами.—С. Р.). Вся полемика с бернштейнианством была, по мнению Каутского, мелочным, пустяковым спором между друзьями. Опираясь на фальсифицированное Бернштейном предисловие Энгельса к новому изданию «Классовой борьбы во Франции», Каутский, зная о том, что т. Рязановым опубликован подлинный текст, записывает Энгельса и себя в ревизионисты Маркса («что начали Энгельс и я»). «Невинные» мемуары имеют, таким образом, глубокий политический смысл. Они служат оправданию задним числом ревизионизма. Они стремятся показать, что никакой принципиальной политической борьбы в прошлом не было, что Каутский и Бернштейн делали одно и то же дело. Как до войны, так и после ее окончания оба они только продолжают дело Энгельса и Маркса.

Такую же политическую цель преследует и господин социал-фашист Луи-Оскар Фроссар, бывший секретарь французской коммунистической партии. «Правда,—говорит Фроссар,—я еще не в том возрасте, когда пишут мемуары». Но необходимость «воспитывать» новых членов партии и одурачивать старых вынуждает его написать свои «Заметки и воспоминания борца» под громким заголовком «От Жореса к Ленину».

Книга Фроссара содержит 12 глав и 2 приложения. После краткого и пустого вступления автор в первой главе укладывает в 14 страничках вопрос о войне и Интернационале, обнимающий период с 1912 до 1918 г. Как и нужно было ожидать, Фроссар ни слова не говорит ни об империалистическом характере войны, ни о крахе французской социалистической партии, ни об измене официальных вождей. Он также забыл упомянуть о той особой цензуре, которую установила партия по отношению ко всякого рода проявлению интернационализма. Совместно с военными и профсоюзными цензорами господ социал-предатели так задавили интернационалистское движение во Франции, что в первые месяцы войны оно почти не подавало никаких признаков жизни. Господа Вандервельде и К⁰ проделали то же самое по отношению к бельгийским социалистам. Этим развитие интернационалистского движения во Франции и Бельгии отличалось от других стран (Ленин, Сочинения, т. XIX, стр. 9). Но может ли господин Фроссар вспомнить это теперь? Ведь ему придется в грядущей войне заниматься той же работой цензора, что и Вайяну в прошлой. Такие вещи вспоминать неудобно, поэтому лучше о них помолчать.

Очень поверхностно трактуется вопрос о возникновении циммервальдистского движения во Франции. Но зато очень много внимания уделяется социал-пацифизму, о котором он говорит не только с любовью, но и с некоторым знанием дела.

Фроссар обращает внимание на то, что федерация От-Вьен, давшая толчок развитию оппозиции внутри партии, до войны была гедистской. Из этой констатации факта он не делает никаких вы-

водов, но он напрашивается сам собой. Гедизм, представлявший в основном до войны левое крыло, проявил себя во время войны, несмотря на измену самого Геда, ставшего министром. Но так как гедизм в последние годы перед войной, на глазах у всех, умирал как действительно революционное течение, то и порожденное им оппозиционное движение было бледным и немощным. Фроссар умалчивает о том, что департаменты От-Вьен, Изер и др., ставшие в оппозицию, были в основном крестьянские. Крестьяне, утомленные войной, которую обещали кончить в 3—4 месяца, осаждали письмами с фронта свою социалистическую федерацию. В своих письмах они передавали всякие слухи о мире, циркулировавшие по фронту. Федерация и ее газета «Попюлер дю Сентр» отражали крестьянские пацифистские настроения. Писать о настроениях фронта, конечно, не подобает социал-фашисту Фроссару. Касаться вопроса о настроениях солдатских масс—это значит прикасаться к раскаленной лаве, которой так боялись тогда социал-предатели всех стран, и которую они были призваны охладить и задержать, дабы она не затопила своей огненной массой капиталистический строй.

* * *

Во второй главе, посвященной отношению французских социалистов к русской революции, обращают на себя внимание странички, относящиеся к составу партии и ее настроениям в 1919—1920 гг. Численный состав партии, со 130 000 в 1914 г. уменьшился за годы войны до 34 000. После заключения мира кривая ползет вверх и к началу 1920 г. дает колоссальный прирост с 34 до 150 000 членов. «Ненависть к войне привела их к нам»,—пишет Фрос-

сар. И дальше он рассуждает следующим образом: «Эти 150 000 молодых людей, вчера еще носивших солдатскую форму и не сбросивших ее еще и сегодня, не зная партии, ее учения, ее истории, ее традиций, не представляли себе той тяжелой и терпеливой работы, тех жертв, которые понесла партия, пока добилась морального и политического авторитета. Эти молодые люди без всякой предварительной подготовки были брошены отдельными демагогами партии в ее внутреннюю борьбу и стали на ее левом фланге».

«Мятежный дух,—продолжает далее Фроссар,—буйствовал в них. Они вернулись из глубоких траншей, часто изуродованные, готовые к быстрой и кровавой мести. *Они обвиняли режим; он их бросил в окопы, и они хотели его свергнуть*». (Стр. 28. Подчеркнуто нами.—С. Р.) «Но мятежник,—патетически заявляет автор,—это еще не революционер» (стр. 29). В этой филистерской фразе виден насквозь как сам Фроссар, так и другие обанкротившиеся «вожди» социалистической партии и синдикализма, которые стремились всю вину за поражение масс в 1919—1920 гг. переложить на плечи самих рабочих.

Фроссар говорит о том, что партийные массы не подготовлены, что они политически не воспитаны, что «их мятежный дух» использовался демагогами партии. Так же рассуждали «вожди» синдикализма по отношению к двум миллионам пролетариев, вновь пришедших в профессиональные союзы Франции. На Лионском конгрессе в 1919 г. Бидегаре—секретарь федерации ж. д.—буквально заявил следующее: «Правда, численный состав союзов возрос, но среди синдцированных слишком мало синдикалистов (т. е. сознательных революционеров), люди заботятся только о

своих непосредственных интересах». «Всякий человек,—филистерски рассуждает Бидегаре—имеет в себе маленькую свинью, которая дремлет». Другой во всем обвиняет пролетариат, заявляя: «Масса недостаточно просвещена. Она пришла в союз только ради увеличения заработной платы». Так рассуждали люди, поставленные во главе французских синдикатов в революционный период 1919—1920 гг. Но больше всех отличился Мергейм. В одной из своих речей Мергейм заявил, что он боролся, стремясь пробудить массы, но массы не просыпались, и поэтому он делает вывод: «Нет, не я предал рабочий класс, а рабочий класс предал меня». Дальше подобного наглого заявления со стороны предателя рабочего класса пойти нельзя.

И Фроссар, и Мергейм, и Бидегаре дают «философию истории» той эпохи. Они блестяще выдержали экзамен на звание агентов буржуазии в рабочем классе. Они выполнили задачу, возложенную на них буржуазией. Колоссальнейший напор масс, огромный мятежный дух, направленный против капиталистического режима, был ими сведен на-нет, и революционная энергия рабочих растрачена в неорганизованных частичных боях, которые не были опасны для капиталистического режима в целом. Сейчас еще больше, чем раньше, становится ясной предательская, контрреволюционная роль французской социалистической партии, маневрировавшей в те годы. Фроссар, Лонгэ и др., руководившие партией, на словах идя во главе революционных масс, на деле третируя истинных революционеров, как демагогов, бунтарей и мятежников, с головой выдавали их архиреакционному и архишовинистическому правительству национального блока.

* * *

Кратко останавливаясь на Страсбургском конгрессе ФСП, который имел место в апреле 1920 г., Фроссар принужден констатировать, что «коммунизм сделал большие успехи внутри партии, и что он стоял на пути к завоеванию рабочих масс» (стр. 38). Видя и зная это, социал-центристы сманиеврировали и добились половинчатого разрешения вопроса об Интернационале. Партия 4330 голосами против 337 вышла из II Интернационала. Они не могли пойти против воли масс, против напора низов. Но они 3040 голосами против 1660 отклонили немедленное присоединение к III Интернационалу. «Вожди» добились того, что партия, выйдя из II Интернационала, осталась между II и III. Сторонники III Интернационала, получившие одну треть голосов, продолжали ту же политику завоевания партии изнутри и наряду с этим очень мало делали по систематическому и организационному укреплению своей фракции. Фетишизирование единства партии тяготело и над частью сторонников Коминтерна, ждавших, чтобы события толкнули партию еще дальше влево.

На основании решения Страсбургского конгресса, Фроссар и Кашэн отправляются в Москву. Для Фроссара эта поездка была «паломничеством в поисках правды». Этому «паломничеству», а также описанию «пребывания в святом городе» посвящены 3 и 4 главы книги. Обе они не представляют никакого особого интереса. Почти в каждой строчке сквозит пошлый и мещански-филистерский подход к жизни тогдашней Советской России. Для примера мы приведем одну из «мыслей» автора. «В Москве отсутствует,—пишет Фроссар,—радостное возбуждение наших больших

городов, игра красок, элегантность и приятный аромат наших женщин, то, что в Париже так ласкает глаз. Но это еще Европа, а это уже Восток, это уже Москва» (стр. 72—73). Что же можно сказать после этого «изысканного» сравнения Востока и Запада, Парижа и Москвы?

В другом месте (стр. 117—121) Фроссар, случайно встретивший в вагоне русскую, свободно знавшую французский язык, дочь бывшего богатого владельца аптеки, приводит свой разговор с ней. Он восхищен ее глупенькими рассуждениями о революции и находит их полными мудрости, хотя и с небольшим налетом горечи.

Тоскуя по игре красок и элегантности парижских женщин, поддакивая молодой девушке, родители которой разорены революцией, Фроссар, наконец, вступил в Москву. «Нас никто не встретил,—горестно вспоминает он.—Только к вечеру (?!—С. Р.) к нам пришли Садуль с женой, Паскаль и Таратута».

Мы не имеем возможности задержать на многочисленных замечаниях Фроссара, основная политическая цель которых сводится к тому, чтобы политически исказить историю вступления ФСП в Коминтерн и представить дело таким образом, что тогдашние руководители Коминтерна маневрировали, дабы добиться присоединения ФСП к Коминтерну. Факты говорят противоположное. Для Коминтерна вопрос о вхождении ФСП был сложнейшим и, нужно прямо сказать, труднейшим вопросом. Партия, которой руководили лонгетисты, включала в себя самых ярых защитников французского империализма, как А. Тома, Самба, Варрен и др. Она не только не исключила их из своих рядов, но Фроссар и др. продолжали считать их «нашими друзьями».

Ленин в своих «Заметках публициста», являющихся ответом лонгетистам, вскрыл предательский и контрреволюционный характер тогдашней французской социалистической партии. На словесное признание диктатуры пролетариата лонгетистами Ленин ответил: «Диктатура—слово большое, жесткое, кровавое слово, выражающее беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно исторических эпох. Таких слов на ветер бросать нельзя. Ставить на очередь дня осуществление диктатуры пролетариата и в то же время бояться обидеть Альбертов Тома, господ Бракков, Самба, других рыцарей подлейшего французского социал-шовинизма, героев предательской газеты «Юманите» и т. п.,—это значит осуществлять предательство рабочего класса». И немного выше Ленин говорит: «Эти мелкие уступочки, колебания, нерешительность, уклончивость, увертки и умолчание в сумме неизбежно дают *измену* диктатуре пролетариата» (т. XXV, стр. 33 и 34).

Эти люди, которым Ленин прямо говорил, что если вы думаете заниматься политиканством, то «оставайтесь во II Интернационале, ваше место там», под давлением низов вынуждены были приехать в Москву и вести переговоры с руководителями Коминтерна. Теперь, в своих воспоминаниях «борца», он все ставит на голову для того, чтобы использовать фальсифицированные факты в своей борьбе против Коминтерна. В частном разговоре Таратута дал понять Фроссару, что «в конце концов присоединение ФСП никого особенно не воодушевит. Посмотрят. Никто торопиться не станет, вам поставят условия».

Сейчас Фроссар как будто этого не понимает. После первых предваритель-

ных переговоров Кашэн решил для себя вопрос о необходимости присоединиться к III Интернационалу. Он предложил Фроссару подписать текст телеграммы, в которой запрашивалась санкция партии на участие в работах II конгресса с правом совещательного голоса, а также высказывалось мнение о необходимости присоединиться к III Интернационалу. Фроссар пишет, что он не только отказался подписать телеграмму, но и предложил вернуться во Францию. Кашэн пригрозил, что он пошлет ее за своей подписью. Только под этой угрозой Фроссар согласился и подписать телеграмму и остаться в Москве.

Зачем сейчас Фроссару подчеркивать эти факты? Здесь и в ряде других мест он выступает «трезвым политиком», сдерживавшим Кашэна, который «мог зайти далеко». Фроссар, мол, предлагал ставить условия Коминтерну, добиваться автономии партии, независимости, а Кашэн на все соглашался. Кашэн был готов выполнять все условия, какие ставил Коминтерн. Фроссар предполагал, что связь с Коминтерном будет ограничиваться посылкой открыток с красивыми видами Парижа. В данном случае он думал действовать по методу некоторых итальянских специалистов, перешедших в компартию. Фроссар защищал не только Лонге, но и Блюма и Реноделя. Между тем у Кашэна были совсем другие настроения по отношению к правым и центристам в ФСП. Все эти факты нужны Фроссару сейчас для того, чтобы задним числом оправдать себя и показать естественность своего возвращения в лагерь французских социал-фашистов.

Но вот проходит месяц после их приезда в Советскую Россию. Оба они участвовали в работах II конгресса с правом совещательного голоса. Они на-

блюдали революцию. «И наступил,—как пишет Фроссар,—решительный час». Он, защитник Лонге и К^о, оказался не в силах больше сопротивляться и сдался, подписав те условия, какие им поставил Коминтерн. Как же это произошло? Фроссар дает «объективное» объяснение. «День за днем, час за часом, минута за минутой русская революция нас все более и более пропитывала новой атмосферой, нас приучала и склоняла, против нашей воли и сознания, по-новому видеть, чувствовать, понимать, проникая, окружая и завоевывая нас и отрывая нас от нашего прошлого» (стр. 105).

Как для солдат империалистических армий Германии, Франции, Англии, Америки и др. революционная почва Советской России оказалась настолько раскаленной, что она их разлагала, так и для Фроссара пребывание в Советской России оказалось «опасным». Он против своей воли подчинился ей, он был увлечен ее революционным вихрем, он был «денационализирован» и подписал условия, которые обязался защищать и проводить в жизнь. Под влиянием Октябрьской революции, которую он сам наблюдал, Фроссар пришел, как он пишет, «от Жореса к Ленину». На деле он не ушел от Жореса и не только не пришел к Ленину, но даже не стал на пути к нему. Расстаться с Жоресом было выше сил Фроссара, его прошлое слишком тесно связано с реформизмом и умеренным социализмом. Для Кашэна, хотя он и сделал во время войны крутой поворот направо, приход в компартию был прямым продолжением его довоенной позиции. До войны Кашэн был одним из лучших и любимейших учеников Геда, и он поэтому рассматривал свой переход в компартию, как возвращение к довоенному революционному марксизму.

Для Кашэна это не значило «заходить слишком далеко». Для него это был возврат к прошлому. Для Фроссара переход в ряды Коминтерна обозначал разрыв с прошлым.

* * *

Кашэн и Фроссар явились во Францию в августе 1920 г. защищать необходимость присоединения ФСП к III Интернационалу. Этому посвящена 8-я глава, под заголовком «Крестовый поход за коммунизм». Но в этом крестовом походе Фроссару принадлежит довольно скромное место. Правда, кое-кто другой действительно боролся за коммунизм и требовал присоединения к Коминтерну. Это были прежде всего сами массы, тысячами наводнявшие митинги, посвященные вопросам Советской России и III Интернационала. Присоединиться к Октябрю это значило присоединиться к Коминтерну. Все течения внутри партии понимали это, и правые, в лице Реноделя, заявили, что нужно выбирать между Лениным и Жоресом, что нельзя принимать оба учения, ибо они несовместимы. Поль Бонкур вслед за Реноделем также требовал ясности: или Жорес или Ленин. Здесь оказалось наиболее слабое место Фроссара. Он не мог в этот вопрос внести ясности, он не мог рвать с прошлым, т. е. с Жоресом.

Массы аплодировали Кашэну и Фроссару в Парижском цирке, когда они передавали французскому пролетариату привет от Октябрьской революции и слова Ленина о том, что: «Невозможно, чтобы французский пролетариат, потомок якобинцев 1793 г., инсургентов 1830 г., революционеров 1848 г., героических борцов марта 1871 г., не понял, что мы (большевики.—С. Р.) продолжаем эту революционную традицию». Массы, сотнями тысяч шедшие на все-

общую забастовку в мае 1920 г., толкали их с неудержимой силой влево.

Для характеристики настроения массы мы приведем газетное описание этого первого митинга (на нем присутствовало 10 000 человек) в Парижском цирке, данное «Юманите». «С 8 часов вечера огромная толпа рабочих проникла в широкую залу цирка, партер и амфитеатр которого заполнился в несколько минут. Через четверть часа зрители настолько столпились, сжимая друг друга, что даже в промежутках между скамьями и на ступеньках лестниц не было ни одного свободного места. И всюду, на дорожках, которые вели к выходам из зала, на эстраде, оставленной для ораторов, мужчины и женщины, стоя друг около друга и как бы слипшиеся, образовали на этой огромной арене живые группы, чуть-чуть колеблющиеся. Несмотря на то, что зал был битком набит, в длинных боковых коридорах все более и более густая толпа сдерживалась у перил распорядителями, назначенными партией. Толпа продолжала прибывать. У цирка она наводнила маленькую улицу, которая вела к главному входу в здание и, дойдя до улицы Ля Мот-Пик, мешала уличному движению. Вновь прибывающие, немного разочарованные тем, что не могли попасть внутрь, слушали речи добровольных ораторов, которые согласились выступать на открытом воздухе. У остановки трамваев, у выходов из метро народные массы, как непрерывающийся поток, все прибывали и прибывали. Даже наши друзья Кашэн и Фроссар, несмотря на то, что они были известны постоянными посетителями наших социалистических собраний, не могли добиться того, чтобы проникнуть на эстраду. Наш товарищ Летроке, который был председателем на этом со-

брании, должен был извиниться перед собравшимися за эту небольшую задержку. Ему пришла превосходная мысль разрешить певцу Жерару спеть с присущим ему жаром народную песню «Революции», припев которой собравшиеся повторяли. Затем Раппопорт, который был узнан в одной из групп социалистов, был вызван толпой на эстраду. Он произнес несколько кратких слов. Наконец Кашэн и Фроссар проникли в залу, и как только они вошли, публика поднялась неистово аплодируя. Крики: «Да здравствует Кашэн, да здравствует Фроссар... да здравствует Жорес, да здравствует Садуль, да здравствует Ленин, да здравствуют Советы...» Все хором запели «Интернационал».

Описание митинга показывает настроение масс. Оно было настолько революционным, что господа Фроссары и Верфейли не могли пойти против них. Не собираясь подготавливать революции и становиться во главе масс, они, увлеченные событиями, были выдвинуты этими массами. Последним не нужно было рвать с прошлым. Оно было революционным, оно восходило к революциям 1830, 1848, 1871 гг. Они же, господа Фроссары, Верфейли, Дюнуа и др., не могли и не хотели рвать со своим реформистским прошлым. Они цеплялись за Лонге, за Леона Блюма и др. Они бежали ко всем. Совещались, шушукались, увещевая одних и договариваясь с другими. Но развитие коммунистического движения во всем мире ставило неумолимую дилемму: или систематическая и жестокая борьба за диктатуру пролетариата не на словах, а на деле, борьба за создание авангарда пролетариата—дисциплинированной и действительно революционной компартии, или же разрыв с рабочими массами, уход от них, открытая служба своей бур-

жуазии и открытое предательство интересов французского пролетариата. Именно Фроссар, Верфейль и др. пытались стать на первый путь, оставив открытым второй, чтобы свернуть на него в любой момент. Это особенно ясно выступило после образования французской компартии.

* * *

Перед отъездом из Москвы Кашэн и Фроссар подписали 9 условий, которые являлись резюме еще непринятых II конгрессом 21 условия. Спустя месяц после начала борьбы за III Интернационал во Францию прибыл текст 21 условия, но «отступать было нельзя». А так хотелось отступить. Так понятно было, что в III Интернационале не разрешат продолжать традиции II.

Описывая «трагедию» Тура, Фроссар считает, что им были приняты все меры к сохранению реконструктивистов. От их собственного поведения зависело остаться в партии и сохранить ее единство. В обстановке, когда уже удалось добиться ряда соглашений, вдруг раздался,—пишет Фроссар,—«пистолетный выстрел Зиновьева». Последний от имени ИККИ прислал телеграмму, в которой Лонге, Поль Фор и их последователи определялись, как агенты, «проводящие буржуазное влияние на рабочий класс». И заявлялось, что Коминтерн не имеет ничего общего с ними. Фроссар не пишет о том, что он даже шел на то, чтобы скрыть эту телеграмму. Правые, узнав о ней, поставили конгресс перед необходимостью ее огласить. Очередной маневр Фроссара не удался. И телеграмма ИККИ, накалившая атмосферу Турского конгресса, «привела» к расколу ФСП. Кто виновен в нем? Конечно, не руководители ФСП, а Коминтерн. Такова «железная логика»

Фроссара. Как известно, Лонге, Фор и К^о недолго колебались и очень быстро объединились с Реноделем, Блюмом, Бонкуром и др. Два центриста—Рауль Верфейль и Шарль Лизи—вернулись, и Фроссар от имени большинства устроил им бурную встречу (стр. 186). Они заявили, что пусть лучше их исключат, но они останутся в партии, дабы защищать ее прошлое, т. е. реформизм. В их лице Фроссар приобретал союзников, при помощи которых он мог бы держать связь с центристами.

Некоторое время «Москва нас не тревожила. Наши крайние вели себя хорошо» (стр. 187). В этот период все шло превосходно. Партия продолжала оставаться той же, какой она была до войны. Но нормальная, с точки зрения Фроссара, жизнь партии была нарушена Москвой. «Коминтерн дал нам только несколько месяцев передышки. Как только он увидел, что мы достаточно сильны, чтобы выдержать очередную хирургическую операцию, он грубо вмешался в наши дела» (стр. 191). Далее идет длинный рассказ о том, как ИККИ разбирал французский вопрос во время IV мирового конгресса.

Москва дошла даже до того,—стремится поразить малоподготовленного читателя Фроссар,—что наметила членов ЦК и руководителей основных партийных постов. «Это было слишком,—пишет Фроссар,—это было началом конца французской партии». Перейдя к вопросу о франк-масонстве, Фроссар ставит снова упрек ИККИ в brutальном подходе к таким большим друзьям, как Фавр. Снова то же утверждение, что вмешательство в дела партии со стороны ИККИ приводит к хирургическим операциям и нарушает ее нормальную жизнь.

21 условие не принимали всерьез не

только правые оппортунисты типа Верфейля, их не собирався проводить в жизнь и сам Фроссар, состоявший тогда секретарем компартии. «Мы,—пишет Фроссар,—не доходили до того, чтобы принимать всерьез 21 условие. Большинству из нас они казались устаревшими и неприменимыми» (стр. 227). В этом и состоит то огромное политическое значение «21 условия», благодаря которым отсеивалась всякая реформистская шелуха и оставались только здоровые революционные зерна. Принятие всерьез «21 условия» обозначало полный разрыв с оппортунистическим прошлым, от которого не мог отказаться Фроссар. И сейчас, пересмотрев свою позицию в Туре, Фроссар торжественно заявляет: «Леон Блюм был прав в Туре, выступая против нас» (стр. 227). Фроссар, не придя к Ленину, вернулся в самом начале пути назад к Леону Блюму. Он вернулся к нему не только в связи с 21 условием, но и потому что большевистская концепция Интернационала была ему чужда.

«Для огромного большинства из нас,—пишет Фроссар,—Интернационал должен был являться суммой партий... Для Москвы Интернационал—это единая партия, централизованная и олигархическая, руководимая небольшой группой людей, облеченных безапелляционной властью. Это было повторение ошибок I Интернационала, который погиб благодаря своему олигархическому централизму» (стр. 228). Вы только подумайте, в чем обвиняется Коммунистический интернационал? Он смеет следовать организационным принципам I Интернационала. Он смеет становиться на тот путь строительства партий, который указан основоположниками научного социализма—Марксом и Энгельсом!

О чем мечтали господа вроде Фроссара? «Мы мечтали,—пишет он,—объединить в гармоническую систему широкий гуманизм Жореса и смелость революционной практики Ленина» (стр. 228). Иначе говоря, они мечтали соединить реформизм Жореса и революционный марксизм Ленина. Они мечтали о «реформистском коммунизме», но такого рода «коммунизма» теория классовой борьбы, теория Маркса и Ленина не допускает. *Коммунизм может быть только революционным.*

Придя к невозможности соединить Жореса и Ленина, Фроссар трусливо бежит с поста секретаря компартии в момент, когда на нее сыплются удары реакции, когда из ее рядов выхватывают подлинных руководителей, ведущих активнейшую борьбу против французского империализма, начавшего оккупацию Рура. Партия выдержала и жестокие репрессии реакции и подлую измену оруженосца реформизма Луи-Оскар Фроссара. Он ушел вначале к Верфейлю и вместе с ним создал партию социалистов-коммунистов, но уже через некоторое время большая часть группы, в том числе и Фроссар, влилась в социалистическую партию. «Я вернулся,—пишет Фроссар,—в «старый дом» (стр. 231).

* * *

Впервые ли господину Фроссару делать повороты вправо? Нет ли у него уже такого «опыта» в его прошлом?

Посмотрим, что пишет сам Фроссар о своей эволюции, как социалиста, в довоенный период. В открытом письме, помещенном в «Юманите» в августе 1913 г.¹, Фроссар отводит обвинение

¹ Письмо, о котором идет речь, представлено в наше распоряжение т. Виктором Далиным. Оно помещено в «Юманите» от 7 августа 1913 года в № 3399. Курсив в письме наш.

в антимилитаристической пропаганде, за которую он был снят с должности учителя в одном из селений в департаменте От-Рен. Все обвинение,—рассуждает Фроссар,—построено на случайном письме к одному из моих друзей социалистов. «До военной службы я был *самым умеренным социалистом*». Отправляясь на военную службу, «я твердо решил *честно* выполнить долг перед родиной». Первое время все шло хорошо. Но военные власти, узнав, что Фроссар социалист, начали его преследовать, сделали обыск, послали его в другой полк, разжаловали его из унтер-офицеров в рядовые. В это же время он потерял отца и ему не разрешили поехать его хоронить. Все эти личные переживания и преследования «бросили меня,—пишет Фроссар,—на время на левое крыло социализма». «Но это был небольшой промежуток времени, и как только я вернулся с военной службы, я сейчас же освободился, как и многие другие, от всей этой крайне левой (*outrancière*) фразеологии, о чем свидетельствуют мои частные и общественные действия. Я так же, как и вы все, тесно связан с моей родиной *и уважаю ее законы*. И завтра, несмотря ни на что, я буду продолжать бороться за две вещи, которые я не отделяю: республику и социализм».

На первый взгляд и письмо и самый факт ничего особенного не содержат, но это далеко не так. В этом маленьком факте, как в капле воды, отражается эволюция Фроссара. Под влиянием личного преследования Фроссар увлекается левой фразой, на деле оставаясь умеренным социалистом, т. е. по существу буржуазным демократом. Увлеченный событиями войны и революции, Фроссар вступает в компартию, не принимая всерьез ни ее программы, ни ее

устава. Возврат с военной службы был возврат к словам и делам мелкобуржуазного демократа, которым всегда был Фроссар. Начало серьезной борьбы с французским империализмом в связи с оккупацией Рура, начало размежевания и обострения классовой борьбы заставили Фроссара, который не мог дальше маневрировать, вернуться в «старый дом». Путь политически по существу один и тот же. Фроссар, не отделявший никогда республику и социализм, уважавший законы *своей* родины, вернулся к социал-фашистам, чтобы ее защищать вместе с Блюмом, Реноделем, Лонге и др.

* * *

Но почему именно теперь понадобилось Фроссару «вспоминать», копаться в прошлом? Почему это совпадает с таким же политическим актом со стороны Каутского, который, лобызаясь с Бернштейном, говорит ему: «Эдди, ты был прав, а наши споры—это детский лепет». Нынешнему поколению лучше говорить, что прав Бернштейн, прав Блюм, что мы к ним вернулись в наш «старый дом». Этим господа социал-фашисты хотят сказать, что и вы, немецкие и французские пролетарии, вернетесь в старый дом, чтобы спасти «широкий гуманизм Жореса», против «революционной практики Ленина». В этом весь политический смысл книги Фроссара. Он хочет кое-кого уловить, кое-кого свернуть с пути революционной практики Ленина. Но Фроссарам не добиться этого. Фроссары—это то прошлое, которое тяготело над французской коммунистической партией и от которого она постепенно на протяжении ряда лет избавлялась. Фроссаровщина жила еще и в последние годы. Одними из последних фроссаровцев были муниципальные

советники Парижа и, наконец, А. Дюнуа, бывший секретарь редакции «Юманите». Насквозь пропитанный буржуазно-демократическими предрассудками, Дюнуа не понял основной линии компартии, рассчитанной на связь с массами и на создание руководящего пролетарского ядра во всех звеньях партии, вплоть до печати, которая ему казалась предназначенной испокон веков для интеллигентов. А. Дюнуа ушел из партии, чтобы не быть исключенным, а через пару недель он уже вступил в социалистическую партию.

Обостренная классовая борьба, идущая теперь во Франции, фашизация государственного аппарата, реакционная политика Тардьё, готового на любые

меры для подавления коммунистического движения, фашизация социалистической партии, участвующей в практической повседневной государственной деятельности,—все это приводит к самому резкому размежеванию классовых сил.

Господин Фроссар всей своей деятельностью и своей книгой говорит своей буржуазии: «Я ваш верный слуга, такой же, как Леон Блюм». Фроссар хочет добиться к себе как к социалфашисту полного доверия.

И чем скорее рабочий класс Франции избавится от всяких иллюзий по отношению к тем, кто себя громко именует «левыми» социалистами, тем скорее он найдет свое истинное место.

С. Рубан

ПО ЖУРНАЛАМ

«ЛІТОПИС РЕВОЛЮЦІЇ»

(Журнал Истпарта ЦК КП(б)У за 1929 г., № 1, 2, 3, 4, 5—6¹).

По своему характеру журнал еще почти наполовину заполнен мемуарным материалом. Но имея в виду особенности Украины (в огне гражданской войны погибло чрезвычайно много архивных и печатных материалов), надо признать, что мемуары являются необходимым подспорьем для освещения целого ряда важнейших моментов борьбы за Октябрь на Украине. Среди помещенных мемуаров часть принадлежит перу активнейших руководителей гражданской войны, и вообще многое из рассказанного ими не могло найти места ни в каких документах.

По содержанию же в журнале основ-

ное место (70%) отведено освещению периода Февральской революции и гражданской войне, преимущественно деникинщине, причем этому периоду посвящен целиком № 5—6 журнала в связи с «юбилеем» десятилетия освобождения Украины от Деникина.

В краткой заметке невозможно дать оценку всего материала и придется поэтому ограничиться беглыми замечаниями по поводу некоторых статей.

По первому отделу журнала значительный интерес представляют статьи: Кокошко «Киевский комитет РСДРП в период II съезда партии», в которой подробно рассказывается о том, как киевский комитет постепенно скатывался к позициям меньшевизма, и Д. Шлосберг и Б. Шульмана «Всеобщая забастовка в Одессе в 1903 г. и «независимцы», где разобрана роль зубатовцев в забастовках 1903 г. Но больше всего оста-

¹ Примерно, половина материала, помещенного в журнале, дана на русском, а половина на украинском языке. В настоящем обзоре как заглавия, так и выдержки из статей, помещенных на украинском языке, даны в переводе на русский язык.

навливают на себе внимание статья М. Свидзинского: «Крестьянские союзы на Украине в революции 1905 года», которая идет в трех из разбираемых нами номеров (начало ее было помещено в № 6 журнала «Л. Р.» за 1923 г.). Автор этой статьи принадлежит к ученикам М. Яворского и допускает в ней целый ряд грубых ошибок.

Основной ошибкой автора является тенденция «большевизировать» украинских меньшевиков, поднять на большевистские позиции ряд меньшевистских деятелей, а крестьянские союзы рассматривать как партию. Вот одно из мест его статьи: «Таким образом, членам УСДРП приходилось под давлением крестьянских союзов и вообще всей революционно настроенной массы крестьянства часто расширять рамки своей программы и, чтобы не плестись в хвосте, а идти вперед и вести за собой массы, фактически соглашаться почти на большевистские по сути лозунги национализации земли (хотя и далеко не полно, далеко не последовательно)»¹. Эти мысли пронизывают всю статью, где идет речь о роли украинских меньшевиков. Имеются и другие «откровения». Чтобы избавить себя от необходимости подробно останавливаться на этих ошибках автора, приведем одно место из другой его статьи, помещенной в «Коммунисте» от 14/IV с. г. № 103 под заглавием: «Методология исторических работ Яворского и яворщина». Эта статья появилась уже после разоблачения «марксиста» Яворского и исключения его из партии за его темное прошлое. Здесь автор, разбирая антимарксистскую сущность работ Яворского, указывает, что под влиянием последнего находились многие его

ученики, в том числе и сам автор. Указав (конечно, весьма слабо) на свои ошибки в ряде статей, автор о разбираемой выше статье в «Летописи революции» говорит (тоже мягко и только об отдельных ее частях): «Еще сильнее выявляется моя ошибка по характеристике революции 1905 г. в оценке роли крестьянских союзов. В моих работах проводится мысль, что крестьянские союзы на селе выполняли такую же роль, как в городе партия большевиков, так как они почти совсем шли за большевистскими лозунгами. В одном месте я говорю, что союзы все разрешали, хотя и не непосредственно, а посредственно, хотя и далеко непоследовательно, с большими и весьма значительными отклонениями и т. д., но все-таки под влиянием большевистских лозунгов («Л. Р.» за 1929 г. № 1, стр. 151). Наверно, во-первых, что можно было придавать крестьянским союзам роль политической организации. Это были организации, связанные только самой революцией, которые после окончания перестали существовать. Они не имели сколько-нибудь выработанной, обдуманной политической роли экономической программы. Во-вторых, влияние на их работу имели не только большевики, но и все другие организации, в том числе украинские партии и эсеры».

Из этой мягкой самокритики ясно, как далек был автор (до 14/IV—30 г.) от большевизма. И странным является то, что редакция на протяжении четырех номеров, в которых идет статья М. Свидзинского, не дала никаких примечаний, оговорок. Не сделала она этого даже хотя бы с таким же опозданием, как поступила в отношении рецензии П. Кияницы на книжку М. Яворского «История Украины в сжатом очерке», помещенной в № 6 «Л. Р.»

¹ «Л. Р.» № 1, стр. 158.

за 1928 г. (В № 4 за 1929 г. появилось заявление редакции, что указанная рецензия, рассматривающая работу Яворского как «удачную и талантливую популяризацию полного марксистского курса истории Украины», помещена ошибочно.)

Из статей и воспоминаний по истории Февральской революции и гражданской войны на Украине следует выделить: воспоминания: 1) Амосова—«Екатеринославские металлисты в борьбе за Октябрь»; 2) воспоминания* Антонова-Овсеевского—«На Украину!» и «В борьбе против директории»; 3) воспоминания В. Затонского—«Отрывки из воспоминаний об украинской революции» и 4) статью В. Качинского—«Земельная политика соввласти на Украине в 1919 году».

Тов. Амосов—металлист Брянского (ныне имени Петровского) завода, активнейший участник Октябрьской борьбы, в своих воспоминаниях рассказывает преимущественно о зарождении и развитии союза металлистов в Екатеринославе, а также о настроениях рабочих, об их отношении к злободневным вопросам, об участии рабочих в борьбе за диктатуру пролетариата, о роли меньшевиков и большевиков в этой борьбе. Подкрепляя свои воспоминания газетным материалом, автор дает достаточное представление о том, как высвобождались металлисты Екатеринослава из-под влияния меньшевиков, как последних выбивали рабочие из своих органов и как готовились они к защите завоеваний революции от оккупантов.

«Воспоминания» Антонова-Овсеевского имеют необычный характер. Это—большое количество военных сводок и др. документов преимущественно военного характера, «сцементированных» воспоминаниями автора, руководившего военными операциями на «Восточном фрон-

те». Воспоминания эти представляют большой интерес прежде всего с точки зрения изучения механики борьбы, но, разумеется, имеют огромное и общеполитическое значение, раскрывая со всех сторон вооруженную борьбу рабочих партизанских отрядов и Красной армии с немецко-германскими и петлюровскими частями в конце 1918 и начале 1919 гг. В частности эти воспоминания касаются сотрудничества и взаимоотношений военных частей «русских» и «украинских» рабочих.

Тот же, примерно, период освещают и воспоминания В. Затонского. Здесь уже нет документов, но богатым, сочным языком автор рисует чрезвычайно много интересных моментов из истории украинской революции. Со свойственным автору юмором он рассказывает немало такого, что ни в каких документах отыскать нельзя. Тут и «закулисная» сторона работы большевистской организации (киевской и харьковской) и внешний «обзор» событий представлены весьма хорошо, местами прямо художественно. Воспоминания касаются не только подготовки большевиков к борьбе и самой борьбы, но также взаимоотношений партийных организаций, отношения Ленина к разным вопросам, преимущественно к украинским, и в частности—условий работы и деятельности самого Ленина. Не имея возможности в краткой рецензии коснуться отдельных мест и привести их, надо сказать, что эти воспоминания представляют богатый материал не только для изучения истории революционной борьбы на Украине, но и для биографии Ленина. Некоторые ошибочные положения, допущенные автором, как, напр., сведение к игре политики Ленина по отношению к левым эсерам, автором «выправлены» письмом в редакцию в по-

следующем номере журнала. Эти воспоминания, так же как и воспоминания Антонова-Овсеенко, будут продолжены в очередных номерах журнала за 1930 г.

Последняя выделенная мною из общего материала статья В. Качинского — «Земельная политика соввласти на Украине в 1919 году» представляет большой интерес не только исторический, но отчасти и злободневный. Статья касается первой серьезной попытки соввласти на Украине в области переделки сельского хозяйства на социалистический лад, построения колхозов и совхозов. Относится это к периоду победы над германско-немецкими и петлюровскими силами к началу 1919 года. Победив врага, соввласть встала перед лицом целого ряда хозяйственных задач и в том числе перед лицом продовольственного кризиса. Обессиленная поборами гетманщины и петлюровцев, деревня не располагала нужными для города запасами хлеба, а хозяйство пришло в упадок. Советской власти нужно было, во-первых, взять имевшиеся все-таки в деревне хлебные излишки, чтобы прокормить рабочих и Красную армию, во-вторых, перестроить сельское хозяйство так, чтобы в ближайшее же время можно было ослабить продовольственный кризис. Отсюда — было намечено наряду с продовольственной работой практиковать широкое развитие совхозов и колхозов. Однако эта работа дала незначительные результаты (до нового отступления перед Деникиным) благодаря (в огромной мере) сильному сопротивлению кулачества, которое сумело перетянуть на свою сторону и значительную часть среднего крестьянства. Кулачеству помогали в этом в известной мере и разные перегибы местных работников как в области продработы, так и построения совхозов

и колхозов. В статье довольно подробно разбирается вопрос о продовольственной работе, о роли комитетов бедноты и т. д.

Кроме отмеченного выше материала в журнале имеется еще ряд интересных статей, освещающих с разных сторон период Февральской революции и гражданской войны, особенно деникинский период, этапы вооруженной борьбы, подпольной работы и т. д. Этот же период захватывают и помещенные в № 5—6 журнала документы из архива ЦК КП(б)У из так называемого «Зафронтбюро».

Оставляя в стороне разбор этих материалов, как равно и других, не отмеченных еще мною, нужно остановиться более подробно лишь на статье М. Рубача: «Всесоюзная конференция историков-марксистов и некоторые наши очередные задачи». Автор в ряде положений дает много такого, что отнюдь нельзя назвать верным. И хотя редакция делает в одном месте оговорку, выражая с одним из утверждений автора несогласие, этого, однако, недостаточно. Общий тон статьи направлен против проявлений некоторыми русскими историками тенденций великодержавия (что верно), но с явным покровительством к украинским историкам, допускающим извращения марксизма. Касаясь выступлений на конференции против М. Яворского, автор говорит: «В процессе борьбы против псевдомарксизма мы должны отличать мелких буржуа, которые маскируются марксизмом, от тех товарищей, которые искренне развиваются в нашем направлении, которые находятся в процессе «становления», которые делают те или иные ошибки в своих исторических работах, благодаря тому, что еще недостаточно усвоили метод марксистской диалекти-

ки. По отношению к этим товарищам наша критика должна быть воспитательной, такою, которая бы исправляла их, нужно четко и резко указывать на их ошибки, ни в коем случае их не замазывать, но, критикуя, не отталкивать от себя, а помочь всесторонне их марксистскому развитию». И в другом месте: «Основная опасность—это выдавать за марксизм, за большевизм то, что не является целиком марксистским, целиком большевистским. Утративши в этом вопросе критерий, можно отрицательно повлиять на закаленность и выдержанность молодых марксистов, но критика должна быть архи-товарищеской, лояльной, дружественной, не должно быть случайно ненужного обострения, которое не вызывается действительной потребностью. Нужно особенно осторожно относиться к тем молодым товарищам, которые ошибаются. Критика должна отмечать недочеты, отклонения, недостаточную марксистскую выдержанность, это нужно обязательно делать, но нельзя за отдельные недочеты—пусть в отдельных случаях и значительные—пришивать ярлыки, травить товарища». Из этих выдержек видно, что автор очень оберегает, требует исключительной внимательности, осторожности, дружеского отношения к молодым украинским историкам, которые делают ошибки, хотя бы и значительные. Нужно, говорит он, эти ошибки вскрывать, но нельзя же за них клеймить, травить, пришивать ярлыки. Если же иметь в виду, что выступивший на конференции П. Горин вскрыл в одной только работе Яворского «История Украины в сжатом очер-

ке» целый ряд грубейших искажений марксизма, то защиту таких историков-«марксистов» со стороны М. Рубача весьма трудно признать правильной. Ибо нельзя же в самом деле вскрывать с необходимой для большевика четкостью известные ошибки, не «обижать» ошибающегося, а тем более, если он очень далеко отходит от марксизма. Или, не обижая подобных историков, предоставлять им свободу беспредельного искажения марксизма, или лишить их этой свободы, поставить на свое место, невзирая на национальное происхождение.

Заканчивая этот весьма краткий и общий обзор журнала «Літопис революції» за 1929 г., нужно сказать, что он представляет большую ценность для всех, кто так или иначе занимается изучением истории революционной борьбы на Украине, и, конечно, мимо его не может пройти уже ни один историк-исследователь.

Можно лишь пожалеть, что круг читателей журнала (индивидуальных подписчиков) стал сокращаться: за год тираж журнала сократился на 500 экз.—1-й номер вышел в количестве 2 200 экз., а 5—6 (последний)—1 700 экз. А между тем журнал интересен не только для исследователя, но и для рабочего, который, знакомясь или восстанавливая в памяти пройденные этапы вооруженной борьбы за укрепление диктатуры пролетариата, будет черпать новые силы для продолжения борьбы за социализм, для преодоления трудностей на этом пути.

М. Иванов

РЕЦЕНЗИИ

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ РАБОЧЕЙ КРАСНОЙ ГВАРДИИ. Материалы и документы собраны и подготовлены к печати **Г. Д. Костомаровым** и **Вл. Малаховским**. Истпарт МК ВКП(б). М. Гиз. «Московский рабочий». 1930 г. стр. 208, цена 1 руб. 30 коп., тир. 3 000.

Разбираемая книжка бесспорно серьезный вклад в дело изучения истории Красной гвардии. Одна из задач книги, как совершенно правильно указывает в своем предисловии Истпарт,— это «побудить научно-исследовательские и архивные организации как Москвы, так и других центров СССР обратить большое внимание на отыскание, сохранение и выявление материалов и документов по истории рабочей красной гвардии вообще» (стр. 6). Именно потому, что мы вправе ожидать издания книг, подобных разбираемой, следует особенно внимательно остановиться на ней с целью учесть как положительные, так и отрицательные ее стороны. Это тем более необходимо, что сборники материалов—это только часть работы. На основе этих сборников сырых материалов последует изучение их и освещение в специальных монографиях и исследованиях по истории красной гвардии.

Изданная Московским истпартom книжка в огромной своей части (почти 200 страниц из 208) состоит из документов и материалов архивного характера. Естественно, что этой части книжки придется уделить основное внимание. Но материалам предшествует небольшое предисловие принципиального характера. В нем не только излагаются некоторые принципиальные положения по вопросу о роли красной гвардии в Октябрьской революции, но и делается попытка доказать несостоятельность других, отличных от отстаиваемой в предисловии, точек зрения.

В предисловии указывается, что в нашей литературе ведется спор по вопросу о роли красной гвардии и солдат в Октябрьском перевороте, причем «вопрос, который встал уже в самом

начале изучения истории боевых действий во время Октябрьской революции и вызвал разногласия, заключается», по мнению авторов предисловия, «отнюдь не в том, участвовали ли солдаты старой армии в восстаниях, связанных с Октябрьской революцией, или нет. Спор идет о том, как выступали, какую роль сыграли те или иные отряды боевых сил революции, явилась ли в октябрьском перевороте старая армия, как армия, боееспособным и организованным военным орудием восстания. И тут ясно, что превалирующая и решающая роль принадлежала Рабочей красной гвардии» (стр. 5). Нам думается, что постановка вопроса в приведенном выше отрывке не совсем точна. Действительно, имеются сторонники той точки зрения, что «старая армия, как армия», в октябрьские дни чуть ли не целиком выступила на стороне революции. Но нам думается, что с такой антиленинской концепцией особенно и спорить не приходится, настолько очевидна вся ее несостоятельность. Уже одно то, что армия берется как нечто целое, вне зависимости от составлявших ее социальных группировок, одно это говорит о методологическом бессилии сторонников этого взгляда. Он является антиленинским еще и потому, что противоречит основному указанию Ленина (а также и Маркса—Энгельса) о необходимости сломать, разбить старую армию. Мы знаем, что рабочий класс под руководством партии действительно успешно провел эту работу. Смешно поэтому говорить, что старая армия, как определенный социальный организм, могла явиться «боееспособным и организованным военным орудием восстания». Повторяем: с такой концепцией и спорить особенно не приходится. Но дело в том, что споры как раз идут во все не по вопросу об армии, как таковой. Спор идет по вопросу, о котором в предисловии говорится, что он будто бы разногласий не вызывал. Спор идет о роли солдат в Октябрьской революции. Конечно, речь идет не о солдатах, как о какой-то внеклассовой катего-

рии,—речь идет о солдатах-крестьянах, одетых в серые шинели, о бедняках, середняках и кулаках. Брать солдат в целом, не дифференцируя их на отдельные социальные прослойки, так же неправильно, как говорить об армии в целом.

Спор был и продолжается по вопросу о роли солдат-крестьян, в первую очередь бедняков, в пролетарской революции. Мы утверждаем, что партия через свои военные организации велла работу среди солдат-крестьян, имея основной своей задачей создать из них вооруженную силу, которая помогла бы рабочему классу захватить власть. Рабочий класс к пролетарской революции идет в союзе с крестьянской беднотой. На фронте вооруженной борьбы этот союз находит свое выражение в том, что рядом с рабочим-красногвардейцем сражается солдат-бедняк. Конечно,—и об этом никакого спора не может быть,—рабочему принадлежит «превалирующая, организующая роль». Но существует другая точка зрения: будто бы солдаты-крестьяне (в том числе и крестьяне-бедняки) играли во время Октябрьской революции пассивную роль. Сторонники этой точки зрения всячески подчеркивают роль красной гвардии, забывая, что рабочий класс проводил революцию, боролся за власть не только в отрядах красной гвардии и не только силами последней. Одновременно всячески затушевывается роль союзника рабочего класса—бедняка в солдатской шинели. К сторонникам этой точки зрения принадлежит и один из составителей разбираемого сборника, т. Малаховский. Это не могло не наложить соответствующего отпечатка на установки предисловия. В одном из своих выступлений, говоря о вооруженных силах Октября, т. Малаховский указывал, что «...Ленин, который находился в центре борьбы, обращался прежде всего в своих мыслях к матросам и рабочим, как наиболее надежным, наиболее организованным в борьбе за свержение буржуазии. Это, по-моему, наглядное свидетельство того, как отражалось у современников положение вещей, именно: пассивность, которая была у солдат, и

революционная активность рабочих»¹. И в подтверждение этого своего взгляда он цитирует известное указание Ленина: «Выделить самые *решительные элементы* (наших «ударника» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для *участия их* везде, во всех важнейших операциях... Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграфы, телефоны и пр.) с лозунгом: «погибнуть всем, но не пропустить неприятеля»². Характерно, что эта же цитата из Ленина (и с теми же пропусками) приводится и в предисловии. Мы, конечно, не собираемся оспаривать правильность утверждения т. Малаховского о революционной активности рабочих. Мы хотим только доказать, что разговоры о пассивности солдат—это легенда. Мы не спорим против того, что Ленин в своих мыслях прежде всего обращался к рабочему классу. Мы хотим только доказать, что Ленин в отличие от некоторых товарищей не забывал вместе с тем и о союзнике рабочего класса—крестьянах-бедняках, в том числе и находившихся в армии. И именно поэтому мы самым решительным образом протестуем против того своеобразного цитирования Ленина, которое имеет место в предисловии (а ранее—в выступлении т. Малаховского). Ибо несколькими строчками выше процитированного отрывка и несколькими строчками ниже его мы находим у Ленина как раз тех самых солдат, пассивность которых сейчас во что бы то ни стало стараются доказать. Разве неизвестны товарищам слова Ленина из тех же «Советов постороннего», где он предлагает комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части... или другое его указание—«окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,—такова

¹ См. Труды I съезда историков-марксистов, том I, 1930 г., стр. 200.

² Там же.

задача, требующая *искусства и тройной смелости*»¹. Мы можем напомнить указания Ленина о том, «... чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, ... мы... должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты... мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою»². А разве в другом месте Ленин не указывал, что «... Мы имеем *тысячи* вооруженных рабочих и солдат в Титере, кои могут сразу взять Зимний дворец и Генеральный штаб...»³. А разве можно забыть о письме Ленина питерской городской партийной конференции, где он указывал: «Надо признать, что революция погибла, если правительство Керенского не будет свергнуто пролетариями и солдатами в ближайшем будущем... Надо все силы мобилизовать, чтобы рабочим и солдатам внушить идею о безусловной необходимости отчаянной, последней, решительной борьбы за свержение правительство Керенского»⁴.

Мы сознательно процитировали ряд мест из высказываний Ленина, которые никак не подкрепляют концепцию сторонников теории о пассивности солдат. Выяснение истинного положения вещей кажется нам необходимым потому, что в конечном счете речь идет о том, справилась или не справилась партия и руководимый ею рабочий класс с директивой Ленина: «Внушить солдатам идею о безусловной необходимости отчаянной, последней, решительной борьбы». Мы считаем, что партия справилась и справилась блестяще. Некоторые товарищи в этом как будто бы сомневаются.

Мы считаем также методологически совершенно неправильно говорить о солдатах вообще, как это делается в предисловии. Был солдат и солдат. Был бедняк, середняк и кулак. Об этом никогда не следует забывать.

* * *

Перейдем теперь к рассмотрению фактического материала, приведенного в книжке. В предисловии правильно подчеркивается, что составителям удалось собрать обширный, интересный и ценный материал. Мы считаем, что особую ценность представляют материалы, рисующие активность масс, творческую инициативу и самостоятельность рабочего класса. Ряд документов о красной гвардии отдельных предприятий, а также о районных штабах красной гвардии особенно интересны. Когда читаешь протоколы Коломенского совета, убеждаешься, что рядовые рабочие-большевики держались гораздо более правильной линии в вопросе об организации красной гвардии, чем многие руководящие партийные работники московской организации. Серьезного внимания заслуживают документы, вскрывающие предательскую роль социал-соглашателей. Для исследователя большую ценность представляют протоколы некоторых конференций, в частности Московской областной конференции красной гвардии (стр. 146—176).

Остановимся несколько подробнее на фактическом материале сборника, рассмотрев его с точки зрения полноты, системы расположения всего материала и научной его обработки. Что касается полноты, то из всех работ, имеющихся о красной гвардии, данная книжка по количеству приведенных в ней материалов безусловно является наиболее полной. Все же ряд документов (хотя бы уже опубликованных), которые в том или ином виде следовало бы в сборнике отразить, не нашли в нем своего места. Вопрос может быть поставлен так: либо составители дают только безусловно новый материал, нигде до сих пор не напечатанный; либо, поскольку они помещают уже известный материал, они должны использовать возможно шире существующую литературу. Предвидим возражения: составители были ограничены местом. Но вовсе не требовалось, чтобы все документы обязательно были перепечатаны в сборнике. Крайне полезно для исследователя было бы и простое упоминание или ссылка в под-

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 320.

² Там же, стр. 199.

³ Там же, стр. 240—241.

⁴ Там же, стр. 290.

строчных примечаниях на важнейшие из опубликованных уже документов. Составители не могли не знать о книжке т. Пече «Красная гвардия в Москве в боях за Октябрь». Пусть в этой книжке много спорного, много требующего выяснения, но в ней приведены ценнейшие документы. Обойти их молчанием нельзя. Имеется книжка Федотова «Двинцы в пролетарской революции»; в ней также много документального материала, обойти молчанием эту книжку также недопустимо.

В результате такого пренебрежения к существующей литературе в разбираемой книжке не нашли никакого отражения важнейший протокол МК от 22 октября (см. Пече, стр. 52), вопрос о главном (коалиционном) и центральном (большевистском) штабах красной гвардии (см. Пече, стр. 43 и др.). Правда, постановка вопроса т. Пече подлежит обсуждению, но составители знали об этом, и хотя бы в порядке примечания в соответствующих местах или в предисловии следовало хоть кое-что об этом сказать. Ценнейшие списки районных штабов красной гвардии, работников районных военно-революционных комитетов, ряд сводок и приказов красной гвардии, ряд других ценнейших документов, как напр. «Общий план (действий.—С. Р.) революционной армии» (Пече, стр. 78) или инструкция о выполнении договора по разоружению белой гвардии (там же, стр. 154—155) и много других совершенно не упоминаются в книге. Несостоятельность сообщения о нежелательности помещать уже раз напечатанные документы видна из того, что составители помещают приказ об окончании перемирия (стр. 60) и приказ ВРК о победе над белогвардейцами (там же), которые в свое время уже были напечатаны (в частности и в книжке т. Пече. См. у него стр. 134 и 152.)¹ Составители приводят договор о капитуляции белогвардейцев (стр. 62), который неоднократно же приводился и в печати. То же следует сказать и о протоколе МК от 14 апреля.

¹ Между прочим номер первого приказа в обоих источниках разный. В первом — № 42, во втором — № 40.

Перейдем к вопросу о системе расположения материала. Весь материал распределен по проблемам. Книга разбита на семь разделов: 1) Советы и Рабочая красная гвардия; 2) Из материалов ВРК Московского Совета; 3) Большевицкая партия и красная гвардия; 4) Уставы и инструкции красной гвардии; 5) Штабы и конференции красной гвардии; 6) Красная гвардия на фабрично-заводских предприятиях; 7) Октябрь в освещении белогвардейцев. Мы считаем (и думаем, что с нами согласится каждый исследователь), что такая система расположения материала никакой критики не выдерживает. Действительно, как можно давать сначала материалы, рисующие роль советов, затем говорить о революционной борьбе и только в третью очередь — о партии. Совершенно бесспорно, что раз распределение материалов дается по проблемам, то в первую очередь нужно было поместить материалы о партии. Или дальше: составители сначала приводят постановления конференций, а затем самые протоколы последних. В результате материалы, теснейшим образом друг с другом связанные, приходится искать в различных разделах.

Не лучше обстоит с подбором материала внутри различных отделов. В разделе 3-м идут, например, документы, относящиеся к апрелю, октябрю, декабрю и... маю. В разделе 5-м после резолюции красновардейцев от 26 февраля 1918 г. приводится протест латышской дружины красной гвардии против заключенного ВРК договора с белогвардейцами (начало ноября 1917 г.). Такое расположение материалов затрудняет пользование ими. Гораздо более целесообразно было бы не объединять — в значительной степени искусственно — совершенно различные по своему характеру и назначению документы, а распределить их на несколько основных групп, взяв критерием для этого определенные хронологические рамки, напр., раздел I — От начала образования красной гвардии до корниловщины; II — Подготовка к Октябрю и Октябрь; III — Закрепление октябрьских завоеваний. Внутри этих ос-

новых разделов возможна дальнейшая разбивка материала.

Переходим к вопросу о том, как подан помещенный материал. Здесь следует прежде всего отметить, что научная обработка его далека от совершенства. Не оговорено, что ряд документов приводится и в других работах. Не отмечены и не оговорены разночтения. Положение о Московской красной гвардии от 3 сентября 1917 г. в сборнике и у т. Пече приведено в разных редакциях и исследователю знать об этом далеко не бесполезно. В примечаниях и сносках (вообще очень ограниченных количеством) много неточностей. Так, на стр. 23 приводится выписка из протокола исполнительных комитетов СР и СД от 3 сентября, на котором был утвержден устав красной гвардии. Ссылка отправляет читателя к стр. 81, где приведен самый текст устава. Открываем стр. 81, на ней действительно помещен устав красной гвардии, но принятый на заседании 24 октября (по нашим подсчетам). Устав же от 3/IX помещен на стр. 75—77. К протоколу же от 24/X не сделано никаких примечаний, где искать принятый согласно этому протоколу устав. Все это приходится делать самому читателю.

Не оговорено, кем даны заголовки многих документов: то ли это оригиналы, то ли это творчество составителей. А насколько это важно, видно из следующего: в одном месте говорится о выборе членов штаба красной гвардии (стр. 24 и др.), в других местах упоминается центральный штаб красной гвардии (стр. 25, 114 и др.). Теперь вспомним, что по концепции т. Пече существовало два разных штаба, с совершенно разными руководящими верхушками. Естественен вопрос: не служат ли эти разные заголовки подкреплением этой точки зрения?

Подача некоторых документов говорит о совершенно недопустимом отношении составителей к научной обработке их. Возьмем донесение Подольского совета о захвате власти в свои руки (стр. 56). Составители в примечании указывают: «Донесение написано от руки карандашом, без даты. Его можно

относить к 1 ноября 1917 года» (там же). Между тем изучение текста документа позволяет утверждать, что он был издан не ранее 7 ноября, ибо в тексте ясно сказано: «... Совет *пустил* фабрику с 6 ноября». Другой пример: на стр. 55 приводятся донесения ВРК о ходе революционной борьбы на местах. Известно, что ВРК был создан непосредственно в октябрьские дни. А составители ухитряются включить в число донесений ВРК извещение стачечного комитета Московского района Николаевской ж. д. от 23 сентября (стр. 55). Исключительная небрежность! Или: заголовков документа (телеграмма) датирован 19/I—18 г., а в тексте говорится о совещании 3/IV (стр. 54). Одна из двух цитат переврана, и составителям надо было это установить и оговорить.

Имеются и более серьезные промахи. На стр. 44 приводится выписка из протокола заседания исполкома Коломенского уездного совета от 12/VIII—17 г. Вслед за ним сразу же следует выписка из протокола заседания исполнительного комитета Коломенского совета от 12/IX. Обе выписки о красной гвардии. Составители приводят оба документа, считая их разными. Действительно, один от 12/VIII, другой от 12/IX! На самом деле несколько более внимательный просмотр обоих документов позволяет утверждать, что: 1) оба документа относятся к 12/IX; 2) оба документа—не что иное, как одна и та же выписка только с небольшими редакционными изменениями. Желających проверить наше утверждение отсылаем к книжке.

Можно было бы привести ряд других промахов и ошибок, которым не место в серьезной научной публикации документов. Возьмем хотя бы такую мелочь. В выписке из протокола МК о создании боевого центра партии приводится фамилия представителя профсоюзов—т. Козловский (стр. 66); если бы составители использовали и другие материалы, то они нашли бы и другую редакцию фамилии представителя профсоюзов: т. Пече в своей работе указывает на т. Козелева (см. Пече, стр. 56); последнее кажется нам более правильным.

В заключение отметим еще один момент. Авторы приводят ряд документов о красной гвардии, относящихся к тому периоду, когда красная гвардия уже фактически переросла в Красную армию, включив в себя и представителей революционного крестьянства. Фактически соответствующие документы включены в книжку только потому, что в заголовке или тексте их упоминается термин красная гвардия. Составителям следовало бы хотя бы одним-двумя примечаниями подчеркнуть это начавшееся перерастание красной гвардии в Красную армию. Правда, в предисловии оговорено, что «книга обрывается, почти не освещая периода перехода от красной гвардии в Красную армию. Однако нужно сказать, что составителями был заготовлен материал для такого отдела, но вследствие необходимости соблюсти определенный размер книги, его пришлось исключить» (стр. 10). Но по сути дела ряд документов следовало бы все же отнести к этой непомещенной группе материалов. Например, инструкция штаба красной гвардии Московской области (стр. 92—103) и некоторые другие документы относятся вернее всего к периоду перехода от красной гвардии к Красной армии.

Выводы: авторы сборника проделали большую работу. Собранный ими материал представляет большую ценность. Вклад в литературу о красной гвардии весьма существенный. Не совсем удовлетворительна систематизация материала и обработка документов. Требуется дальнейшего обсуждения поставленный в предисловии вопрос о роли солдат (крестьян-бедняков) в Октябрьской революции.

С. Рабинович

ЗАПИСКИ СЕКЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ ВОЙНЫ ПРИ КОМАКАДЕМИИ.
Том I, стр. 232, ц. 2 руб.

Прежде всего приходится пожалеть, что разбираемая книга издается с таким большим опозданием. Печатаемые в «Записках» доклады проводились еще в декабре прошлого года, но только лишь через год они становятся достоя-

нием читателей. Если же учесть, что некоторые доклады, стоявшие еще в марте 1929 г., предполагается опубликовать только во 2-м томе «Записок», то пожалеть о темпах приходится вдвойне.

Положением о секции по изучению проблем войны в «Записках» предусмотрено освещение: 1) вопросов методологии, 2) истории войн, 3) экономики войн и 4) библиографии.

В 1-м томе «Записок» помещены: вступительная речь А. С. Бубнова о задачах военной секции Комкадемии; доклад т. Тухачевского о характере современных войн в свете решений VI конгресса Коминтерна и прения по этому докладу; статья С. Белицкого — «Фрунзе о марксизме и ленинизме»; доклад Б. И. Горева — «Военно-историческая мысль СССР и марксизм»; доклад Геронимуса — «Поход Юденича на Петроград осенью 1919 г.»; статья С. Жбиковского — «Фашистский переворот в Польше в мае 1926 г.» (уличные бои в Варшаве); статья Я. И. Ясинского о Ярославе Домбровском; доклад т. Варга в экономической подсекции — «Экономическая мощь капиталистических государств, как база их военной мощи»; статья Бочарова — «Эволюция военного искусства в свете исторического материализма» (по поводу труда проф. Свечина).

Прежде всего необходимо подчеркнуть чрезвычайно важное значение, которое имеет самый факт создания секции по изучению проблем войны при Комкадемии. Сплочение марксистских сил, работающих над проблемами войны, подготовка новых кадров марксистов-историков, работающих в области военно-научной мысли, пропаганда марксистского метода в деле изучения войн и восстаний, разработка на основе этого метода опыта гражданской войны, — все это является безусловно важнейшими задачами марксизма-ленинизма на военно-историческом фронте. Но это — только начало. Что мы имеем здесь лишь первые шаги, показывает весьма интересная, актуальная и вместе с тем острая критика исторических работ Свечина, Верховского и др., развернутая на пленуме военной секции в докладах

тт. Тухачевского и Горева. Из рассмотрения этих докладов и прений по ним мы увидим, насколько политически остро поставлена проблема марксистской революционной борьбы с чуждой идеологией, протаскиваемой в наши ряды под маской доброжелательства к диалектическому материализму, марксизму.

В чрезвычайно интересном и обстоятельном докладе т. Тухачевского о характере современных войн в свете решений VI конгресса мы находим решительную отповедь оппортунизму и чуждым влияниям, которые проявляются в области военно-исторической мысли. Под дымовой завесой якобы марксистских доводов,—говорит т. Тухачевский,—«мы имеем в нашей военной теоретической литературе довольно широкое течение, представляющее отражение мелкобуржуазного упадочничества, оппортунизма, правого уклона. Представители этих течений принадлежат и к числу старых военных специалистов, а иногда и к числу наших молодых работников и даже коммунистов, находящихся в плену консервативной метафизической мысли» (стр. 22). Примером этого может служить работа Меликова «Марна—Висла—Смирна». Как известно, в рядах нашей партии нашлись противники наступления в 1920 г. на Варшаву. Сентябрьская партконференция в 1920 г. закрепила эти оппортунистические выступления. Но т. Меликов в указанной работе утверждает о бесцельности и безнадежности этого наступления. Он пишет: «Таким образом, все наши оперативные замыслы должны были быть прямо пропорциональными той хозяйственной обстановке, в которой находилась на 3-м году советская страна» (стр. 23). Такое утверждение означает, что «не надо было браться за оружие». Экономическая разруха 1920 г. будто бы заранее обрекала наше наступление на неудачу. Тухачевский считает, что в этом положении Меликов «находится под большим теоретическим влиянием, является как бы наследником Свечина и через него зачастую отображает влияние буржуазной идеологии» (стр. 23). Это ярко видно из следующей, приводимой в докладе т. Тухачевского цитаты

из речи Свечина: «Поход Деникина на Москву в 1919 г.,—говорит Свечин,—имеет свое продолжение в виде похода красных на Варшаву в 1920 г. Держась строго научной почвы, мы в конечном итоге из исследований гражданской войны можем построить не красное стратегическое учение, а учение о стратегии, строящейся на совершенно разрушенном экономическом фундаменте» (стр. 24).

Союзником Свечина является другой старый военный специалист—Верховский. В своей книге «Огонь, маневр, маскировка» он договаривается до такой стратегии, которую т. Ворошилов прозвал «можайской стратегией». Верховский там писал, что нам лучше отдать Минск и Киев, чем занять Белосток и Брест. Тов. Тухачевский резко и совершенно законно обрушился на метафизическую теорию Свечина с его тактикой измора в противовес тактике сокрушения. Такое противопоставление является в корне ошибочным. Что означает в наших условиях отказ от решительных сокрушительных ударов по буржуазно-капиталистическим армиям в случае их нападения на СССР? Тов. Тухачевский заявляет, что «по существу в нашей конкретной обстановке стратегия «измора» Свечина является не чем иным, как стратегическим выражением таких политических настроений, которые противодействуют возможности низвержения буржуазного государства со стороны Советского Союза» (стр. 27).

Не менее решительно т. Тухачевский разделяется с пресловутыми теориями Верховского, который признает исключительно силу бензина, стали и мотора и отвергает силу революционного энтузиазма, революционного сознания и преданности СССР. Проф. Верховский—сторонник теории таких оголтелых представителей современной фашистской буржуазии, как Зольдан и Фуллер, выступающих за малые бронированные армии типа фашистской полиции. В условиях нашего Союза,—говорит т. Тухачевский,—это «означает отказ от всех тех преимуществ массовости, мобильности и наступательности армии, которая нам дает наше успешное социалистическое строительство. Конечно, такую теорию

легко подхватывают вредители в нашем советском хозяйстве. Расстрелянная группа вредителей во главе с Михайловым именно и отстаивала такую программу малой армии для Советского Союза, рассчитывая подвести ее тем самым под поражение. Но, товарищи, как ни странно, и рядом наших коммунистов выдвигались теории, объективно мало чем отличавшиеся от наивно фантазерской теории Верховского и вредительской программы Михайлова» (стр. 28). Комментарии, как нам думается, излишни...

Яркое отражение нашел вопрос о борьбе с антимарксистскими теориями в военном деле и в докладе т. Горева «Военно-историческая мысль в СССР и марксизм». Центральным местом этого доклада является вопрос о создании своих марксистских военно-теоретических работ, сплочение марксистов-историков Комакадемии, Института Ленина и др. на почве разрешения задач, стоящих перед военно-исторической наукой. Но эта задача может быть разрешена только в борьбе с антимарксистскими и псевдо-марксистскими, военно-историческими теориями. Чтобы доказать это, т. Горев подробно разобрал ряд военно-исторических работ и вскрыл их недочеты. Такая работа, как книга В. Ф. Новицкого, характерна тем, что автор здесь и не пытается подлаживаться под марксизм и не пытается следовательно исказить его. Он вполне откровенно сознается, что в марксизме ничего не понимает. Другое дело работы Свечина и Верховского. Тов. Горев подвергает эти работы тщательно-му разбору. Остановившись на историческом методе Свечина, он указывает на его эклектизм: немного от Маркса и довольно много от реакционера Дельбрука. Далее т. Горев указывает, что, даже «излагая историю далеких времен, можно проводить определенно классовую линию». Было время, когда Иловыйский воспитывал морально и политически молодые души в наших гимназиях в реакционном направлении.

Еще Меринг вскрыл, что учитель Свечина Дельбрук идет по следам реакционера Фукидида, что у них родство

душ. У Фукидида в его истории Пелопоннесских войн была определенная целеустановка—унизить афинских демократов и возвысить реакционеров из Спарты. Задачу борьбы на военно-историческом фронте т. Горев видит в том, что «мы должны бороться во всех областях истории, особенно если под флагом древней и средневековой или новой истории вытаскиваются реакционные классово-чуждые нам взгляды и при помощи этих взглядов обрабатывают молодежь незаметно для нее самой. Тогда наша обязанность вести войну по всему историческому фронту» (стр. 64).

В развернувшихся по докладу т. Горева прениях мы имеем весьма любопытные выступления представителей тех течений, которые подверглись критике докладчика.

Свечин откровенно продемонстрировал свое непонимание сущности той критики, которой подвергались основы его работ. Прежде всего он иронически отнесся к выдвинутой в докладе т. Горева задаче—взяться всерьез за подготовку новых, молодых научных кадров военно-теоретического фронта, не зараженных, подобно многим специалистам, старым хламом лженауки. «Марксизм,—заявляет Свечин,—прежде всего—это большая мозговая культура, большая умственная культура. Марксизм прежде всего требует овладения громадным фактическим материалом, собрания и изучения большого опыта; в результате мы видим, что совершенно никакого противопоставления кучки специалистов старых и кучки специалистов молодых мы не можем делать» (стр. 52).

Рекомендуя себя марксистом, Свечин говорит, что «марксист-историк в особенности должен считать себя находящимся на боевом посту». Но марксисту, казалось бы, должно быть дорого, когда его товарищи в целях борьбы и ограждения марксизма в военном деле беспощадно разоблачают антимарксистские поползновения некоторых профессоров. Свечин этого не понимает. Он полагает, что драка идет по пустякам. «Мне кажется,—говорит он,—нельзя так сильно нападать на тех лиц, которые что-либо пропускают, что-либо выпячивают,

в чем-либо предвзято быют в одну точку. Может быть, не совсем верно быют, это другое дело» (стр. 52).

Свечин, видимо, органически не может понять, что речь идет не о голом противопоставлении старых спецов молодым или наоборот, что еще меньше можно говорить об отказе от использования знаний, имеющихся у этих старых специалистов. Вся суть заключается в том, чтобы оградить военно-теоретическую науку от попыток под видом марксизма протащить чуждые нам идеи, в частности, реакционные идеи историка Дельбрука, горячим поклонником которого является сам Свечин. Речь идет о таком развитии военно-исторической мысли, которое происходило бы на основе неискаженного метода Маркса—Ленина.

Еще более ярко продемонстрировал серьезность задач на фронте военно-исторической науки проф. Верховский, подтвердивший своим выступлением остроту проблемы борьбы за марксизм-ленинизм в военно-теоретических вопросах. С лихостью, достойной лучшего применения, он пустился в атаку на ...Энгельса. Энгельс, конечно, выдержал и Верховскому впоследствии пришлось отступить с потерями. Ему пришлось подать заявление следующего характера: «Познакомившись с критикой по моему выступлению, считаю нужным заявить: 1) Считаю свое выступление ошибочным. ... 3) Признавая свою ошибку, заявляю, что она случайна и не может расцениваться политически. ... 4) Об этом свидетельствует работа всех преподавателей цикла, в том числе и моя. Она уже долгий период направлена на перестройку методологии тактики. От идеализма и формальной логики мы переводим тактику на базу материализма и диалектики» (стр. 56—57).

Что же нашел проф. Верховский уязвимого у Энгельса, чтобы надеяться на успех своей атаки? Верховский заявил, что попытки штатских марксистов забраться в чуждую область военных вопросов, где, видимо, царствует особая наука, ни к чему не приводят. Даже такие марксисты, как Энгельс, залезая в эту область, вынуждены ограничиться

«детским лепетом». «...Как только она (марксистская школа.—Г. П.) переходит в ту область, которая нам нужнее всего, в область непосредственного вождения войск,—говорит Верховский,—то она даже у основоположников марксизма превращается в детский лепет, который и наши слушатели 3-го курса осудили бы самым суровым образом». И дальше он доказывает, что «основоположник метода, по которому мы хотим работать, когда он брался за настоящие специально военные вопросы, у него тоже чего-то нехватало».

Эта атака профессора на Энгельса была подвергнута уничтожающей критике других товарищей, выступавших по докладу т. Горева. Особенно суровую оценку она нашла в выступлении т. Эйдемана: «Тов. Верховский, несмотря на то, что он говорил и будет говорить о диалектическом методе и о том, что он склонен рассматривать себя как диалектика, продемонстрировал все то легкомыслие и верхоглядство, с каким он относится, в конце концов, к основоположникам марксизма. Если в этой аудитории человек выступает с развязностью, достойной лучшей участи, и, ухватившись за пару выдернутых из текста фраз, заявляет, что военные работы Энгельса—это детский лепет, то это говорит о том, как еще небрежно, как неосновательно, ненаучно и неглубоко целый ряд наших военно-научных работников (а это в свою очередь говорит о том, что у нас нет достаточно резкой, прямой, четкой, научной марксистской критики) дерзает под флагом якобы диалектического материализма, под знаменем марксизма, иногда выступать» (стр. 60).

Из других материалов, помещенных в настоящем томе «Записок», обращает на себя внимание статья Белицкого «М. В. Фрунзе о марксизме и ленинизме в военном деле». В этой статье приводятся весьма яркие формулировки тех требований, которые М. В. Фрунзе предъявлял к нашим военным работникам. «Стратегия,—говорит Фрунзе,—являясь высшим обобщением военного искусства, должна учитывать не только чисто военные элементы как численность

армии и т. д., но должна учитывать и моменты политического характера» (стр. 34). В том споре, который в свое время был поднят старыми профессорами военного дела и в котором они механически пытались сделать стратегию независимой и самостоятельной от общеполитических задач — М. В. Фрунзе занимал позицию последовательного марксиста, разрешая поставленный вопрос диалектически: «С каждым днем,—указывал он,—область политики все тесней и тесней переплетается с областью военной деятельности. Одно переходит в другое. Стратегия в узко-военном смысле этого слова является частью стратегии политической» (стр. 35). Тов. Фрунзе выдвигал поэтому на первый план требование, чтобы каждый командир армии социалистической революции овладел методом марксизма-ленинизма: «Ленинизм—это есть стратегия и тактика в самом высшем своем достижении, это есть стратегия и тактика руководства колоссальнейшими народными массами. Таким образом, независимо даже от своей политической стороны, просто по природе своей и по природе нашего военного дела, здесь имеется глубочайшая связь, глубочайшее родство, и всякий грамотный в военном отношении в Красной армии обязательно должен быть грамотен и в этом отношении»... «Только тот, кто обладает всеми этими познаниями, может претендовать на роль руководителя Красной армии в условиях будущих военных столкновений» (стр. 35).

Не имея возможности остановиться на ряде других ценных материалов, помещенных в разбираемом нами томе, упомянем еще о весьма интересной работе т. Ясинского, освещающей деятельность члена коммуны, польского революционера Домбровского.

В заключение выскажем пожелание, отмеченное и в докладе т. Горева, чтобы работа военной секции Комкадемии в области разработки военно-исторических проблем была тесно увязана с другими марксистско-ленинскими учреждениями и, в частности, с Институтом Ленина. Особенно необходимо ускорить издание материалов, освещающих

деятельность Ленина по руководству военными операциями в эпоху гражданской войны.

Г. П.

В. МЮНЦЕНБЕРГ. С Либкнехтом и Лениным. Пятнадцать лет в пролетарском юношеском движении. Перевод с нем. рукоп. В. Гимельфарба, изд. «Молодая гвардия», 1930 г., тир. 5 100, стр. 207, цена 2 руб.

Само имя В. Мюнценберга говорит о значении его воспоминаний. Видный деятель предреволюционного юношеского движения, секретарь Интернационала молодежи и руководитель швейцарской юношеской организации в годы войны, он мог бы рассказать много интересного о Либкнехте и Ленине, с которыми ему приходилось часто сотрудничать в своей работе. Но центр тяжести воспоминаний Мюнценберга лежит в обрисовке пройденного им пути, в раскрытии отдельных этапов юношеского движения, которые он прошел в процессе своего развития. Что касается Либкнехта и Ленина, то автор о них рассказывает меньше того, что он мог бы рассказать. Тем не менее воспоминания Мюнценберга, даже в этих несколько суженных рамках, представляют значительный интерес.

Эволюция автора и его товарищей по движению от спортивно-просветительных аполитичных организаций—через увлечение анархизмом, затем стихийным антимилитаризмом—к революционному марксизму (к последнему они пришли в значительной степени под влиянием Ленина) в известной мере характерна для всего западно-европейского рабочего юношеского движения. Мюнценберг рассказывает здесь много интересных подробностей. Для характеристики крайнего увлечения рабочего юношества анархизмом любопытны, например, такие факты, как отказ членов одной из швейцарских организаций от пользования линованной бумагой, так как они «не хотели, чтобы линии принуждали их придерживаться при письме определенного направления» (этот курьез показатель для определения той дистанции и тех трудностей, которые юно-

шескому движению пришлось преодолеть, чтобы притти к революционному марксизму). Еще более интересны взаимоотношения юношеских организаций с соц.-дем. партиями в германской и швейцарской организациях.

Упорная борьба руководства германской социал-демократии против самостоятельности, против революционных тенденций юношеских организаций, проводившаяся уже в 1906—1907 гг., «знаменитая» фраза Роберта Шмидта на съезде профсоюзов в Гамбурге в 1907 г.: «На те 10 пфеннигов, что молодежь теперь платит как членский взнос, пусть она лучше покупает себе кусок колбасы»—в достаточной мере характеризуют реформистское перерождение партийного руководства уже в те времена.

Годы войны и участие Ленина в международном юношеском движении обрисованы у Мюнценберга менее полно. То, что он рассказывает о непосредственном руководстве Лениным юношеским движением, о его работе в «Кегель-клубе», известно уже из других источников и важно лишь как новое авторитетное подтверждение этих фактов. Заслуживает внимания и требует проверки лишь указание Мюнценберга на то, что Лениным была проредактирована выпущенная «Кегель-клубом» листовка: «Против оборонческого обмана».

Следует отметить, что в описании периода войны Мюнценберг не свободен от фактических ошибок. Так, например, на стр. 96 он пишет, что Ленин в феврале 1915 г. перебрался из Берлина в Цюрих. Известно, что Ленин 5 сен-

тября 1914 г. приехал из австрийской тюрьмы в Берн и в феврале 1916 г. переехал изерна в Цюрих. Ошибочно также указание Мюнценберга, что «Социализм и война» Ленина вышли одновременно с «Войной и Интернационалом» Троцкого осенью 1914 г.: «Война и Интернационал» Троцкого вышла в ноябре 1914 г., «Социализм и война»—осенью 1915 г. Неверным является также утверждение, что резолюция, внесенная большевистской группой на Кинтальской конференции, является «первым документом потом образовавшейся Циммервальдской левой» (стр. 138). Как известно, Циммервальдская левая оформилась во время первой Циммервальдской конференции в сентябре 1915 г., и первым документом—«манифестом»—Циммервальдской левой принято считать выпущенную в ноябре 1915 г. листовку «Internationale Flugblätter», если не более ранние документы.

К досадным недочетам книги следует отнести также неточность перевода. Например, французский социалист Раффен-Дюжанс фигурирует на стр. 137 в виде двух делегатов Кинтальской конференции: Рюффена и Дюжина.

Указанные недочеты не могут, конечно, обесценить общих достоинств разбираемой книги. Воспоминания Мюнценберга—интересная и нужная книга, являющаяся ценным вкладом не только в историю юношеского движения, но и в историю формирования подлинно революционных, коммунистических организаций пролетариата на Западе.

А. Манфред

НОВЫЕ КНИГИ

История ВКП(б) и ленинизм

Ленин, В. И.—Сочинения. Том IX. 1906. Издание третье, перепечатанное без изменений со второго исправленного и дополненного издания. Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Подготовлен к печати Газановым, Э. Я. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз, М.—Л., 1930 г. Тираж 150 000, 12 илл., стр. VIII + 622.

Ленинский сборник XV. Под редакцией В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Из эпохи раскола РСДРП. 1903—1904. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз, М.—Л., 1930. Тираж 10 000, стр. 340 + 2 илл., ц. 2 р. 50 к., в переплете 3 р. 20 к.

Андерсон, Ф.—Партия в годы реакции и подъема. Библиотечка по истории ВКП(б). Под редакцией В. Юдовского. Изд. «Пролетарий», Харьков. Тираж 15 000, стр. 64, ц. 15 к.

Багаев, М.—За десять лет. Социал-демократическая организация в Иваново-вознесенском районе. 1892—1902. Под редакцией О. А. Варенцовой, Н. Н. Кудряшева, С. П. Шестернина. Истпарт-отдел Обкома ВКП(б) Ивановской промышленной области. Гиз, Иваново-вознесенский отдел. Тираж 2000, стр. 159, ц. 1 р. 50 к.

Вопросы уголовного права в сочинениях В. И. Ленина. Составил А. А. Пионтковский. Под редакцией и с предисловием Н. А. Скрыпника. Юридическое изд. Украины. Тираж 3000, стр. 431, ц. 4 р. 75 к., переплет 90 к.

Крамольников, Г.—III съезд РСДРП. К 25-летию III съезда партии. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз, М.—Л. Тираж 10000, стр. 80, ц. 12 к.

Лалаянц, И.—У истоков большевизма. О зародыше РСДРП. Выпуск первый. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 10100, стр. 109, ц. 50 к.

Невский, В. И.—От «Земли и воли» к группе «Освобождения труда». Изд. политкаторжан. Тираж 4000, стр. 552, ц. 3 р. 75 к.

Сталин, И.—Вопросы ленинизма. Издание второе, дополненное. Гиз. Тираж 300000, стр. 715, ц. 90 к.

Цыпин, Гр.—Организационные принципы ленинизма. Изд. «Московский рабочий». Тираж 10000, стр. 230, ц. 1 р. 25 коп.

Шотман, А.—Записки старого большевика. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 10100, стр. 127, ц. 50 к.

Шотман, А.—Ленин в подполье в 1917 г. Гиз. Тираж 120000, стр. 28, ц. 8 к.

Эрде, Д.—Большевики в годы империалистической войны. Изд. «Пролетарий», Харьков. Тираж 15000, стр. 113, ц. 25 к.

Революционное движение и классовая борьба в России

Алексеев, В.—Революционное движение в ЦЧО. Часть первая. Изд. «Работник просвещения». Коммуна. М. Воронеж. Тираж 7000, стр. 139, ц. 1 р. 10 к.

Ахун, М. И. и Петров, В. А.—Пе-

тербург в 1905—1907 гг. Хроника событий. Изд. «Красная газета», Ленинград. Тираж 10000, стр. 198, ц. 80 к.

Балабанов, М.—Объединенный капитал против рабочих. 1905—1907. Изд. «Прибой». Тираж 5000, стр. 76, ц. 40 к.

Бонч-Бруевич, Вл.—Незаконная поездка в Россию. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 7100, стр. 320, ц. 2 р. 10 к.

Всероссийское учредительное собрание. 1917 год в документах и материалах. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. Подготовил к печати И. С. Мальчевский. Гиз. Тираж 3000, стр. 217, ц. 2 р.

Гиринис, С.—Борьба на два фронта в профессиональном движении. Изд. ВЦСПС. Тираж 50000, стр. 54, ц. 30 к.

Горев, Б.—Анархизм в России (от Бакунина до Махно). Изд. «Молодая гвардия». Тираж 5100, стр. 143, ц. 85 к.

Горин, П.—Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г. 2-е издание. Изд. Комакадемии. Тираж 3000, стр. 508, ц. 3 р. 50 к.

Горич, Я.—Потерянный для революции. Изд. политкаторжан. Тираж 22000, стр. 31, ц. 10 к.

Григорьев, Раф.—Пережитое. Изд. политкаторжан. Тираж 22000, стр. 65, ц. 20 к.

Ермаковский, Д.—Туруханский бунт. Записки участника. Предисловие В. Залежского. Заключительная статья Л. Леонова-Виленского. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 5100, стр. 215, ц. 1 р. 50 к.

Енукидзе, А.—Большевистские нелегальные типографии. Изд. «Мол. гвардия». Тираж 10100, стр. 107, ц. 35 к.

Жуковский-Жук, И.—Как жандармы мне побег устроили. Изд. политкаторжан. Тираж 22000, стр. 63, ц. 20 к.

Кедров, М. С.—Без большевистского руководства. (Из истории интервенции на Мурмане.) Изд. «Красная газета», Л. Тираж 10000, стр. 190, ц. 1 р.

Книги для чтения по истории народов СССР. Под общей редакцией М. Н. Покровского. Том I. Редакторы В. Викторов и А. Пресняков. Изд. «Пролетарий». Тираж 10000, стр. 309, ц. 2 р., переплет 75 к.

Книжник-Ветров, И., Лавров, П. Л.—2-е издание, переработанное и допол-

ненное. Изд. политкаторжан. Тираж 5000, стр. 142, ц. 1 р. 40 к.

Кон, Ф.—Увоз 10 смертников. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 10 000, стр. 47, ц. 20 к.

Кузьмин, Дмитрий.—Народовольческая журналистика. Послесловие В. Фигнер. Изд. политкаторжан. Тираж 5000, стр. 286, ц. 2 р. 70 к.

Митрофанов, В. М.—1905—1906. В память жизни. Воспоминания минера—участника Кронштадтского восстания 1906 г. Изд. «Красная газета». Л. Тираж 10 000, стр. 132, ц. 80 к.

Мойжелев, Н. А. (Нацов).—Тувинская народная республика. Материалы и документы по истории национального революционного движения тувинских скотоводов. Изд. Научно-иссл. ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. М. Тираж 1 000, стр. 100, ц. 1 р. 60 к.

Мошинский, И. Н.—Артем в изгнании. Рассказ о скитаниях старого большевика Ф. А. Сергеева-Артема в период между двумя революциями (1907—1917 гг.). Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 43, ц. 15 к.

Надельштейн, Д.—Живыми отсюда не выйдете. Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 29, ц. 10 к.

Надельштейн, Д.—О товарище Игреньке, 1905 годе и прекрасной девушке Марусе. Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 34, ц. 10 к.

На штурм.—Сборник воспоминаний комсомольцев-красногвардейцев. Составил М. Афонин. Под редакцией Л. Гурвича. Изд. второе, переработанное. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 5 100, стр. 157, ц. 65 к.

Октябрь в Казахстане. Составил Мельников, Г. Н. Очерки и рассказы участников гражданской войны. Под редакцией К. С. Сарымулдаева и Н. Н. Синицына. Изд. Центрального совета Осоавиахима КА ССР. Алма-Ата. Тираж 15 000, стр. 235, ц. 1 р.

Самойленко, С.—В тифлисском застенке. Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 35, ц. 10 к.

Спорные вопросы методологии истории. (Дискуссия об общественных фор-

мациях.) Под редакцией Г. Зайделя, З. Лозинского, А. Пригожина и С. Томсинского. Ленинградское отделение Комкадемии, Общество историков-марксистов. Изд. «Пролетарий». Тираж 4 000, стр. 237, ц. 1 р. 60 к.

Сталь, Л.—Перед великим пятым годом. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 10 100, стр. 47, ц. 25 к.

Строд, Иван.—В Якутской тайге. Под редакцией Г. З. Литвин-Молотова. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 6 000, стр. 227, ц. 1 р. 50 к.

Сушицкий, В.—Революционное прошлое Саратова. Изд. Нижневолжского отделения ОПТЭ, Саратов. Тираж 5 000, стр. 48, ц. 40 к.

Сушкин, Г.—Безвестные. Женские силуэты революционного подполья кануна 1905 года. Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 28, ц. 10 к.

Товарищ Бауман.—Сборник воспоминаний и документов. Издание второе, дополненное и исправленное. Истпарт МК ВКП(б) и совет рабочих и красноармейских депутатов Бауманского района. Изд. «Московский рабочий». Тираж 10 000, стр. 103, ц. 60 к.

Чемоданов, Г.—Нерчинская каторга. Воспоминания бывшего начальника конвойной команды. 2-е изд. Под редакцией Н. Чужака и В. Плескова. Изд. политкаторжан. Тираж 5 000, стр. 199, ц. 1 р. 70 к.

Международное революционное движение и Коминтерн.

Бушуев, В.—Конспект по новейшей истории Запада. 6-е испр. и дополн. издание. Изд. «Пролетарий», Харьков. Тираж 15 000, стр. 234, ц. 80 к.

Иозеф.—Классы, партии и союзы молодежи Венгрии. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 7 100, стр. 48, ц. 25 к.

Коминтерн и профсоюзы в решениях конгрессов и пленумов и других материалах Коминтерна о профдвижении. С предисловием и под редакцией А. Лозовского. Изд. «Украинский работник». Харьков. Тираж 8 000, стр. 320, ц. 2 р. 25 к.

В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА

О РАБОТЕ СЕКЦИИ ЮНДВИЖЕНИИ

Решением ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ при Институте Ленина создана секция юндвижения. Основной задачей секции является научная разработка вопросов истории и теории пролетарского юношеского движения. В связи с этим перед комсомольскими организациями и участниками юношеского движения стоит огромная задача развертывания научно-исследовательской работы по истории ВЛКСМ с тем, чтобы помочь созданию научной истории комсомола.

Изучение вопросов истории и теории юндвижения приобретает особое значение в связи с огромными задачами, поставленными перед ленинским комсомолом по работе его во всех областях социалистического строительства, по участию в общественной, политической и хозяйственной жизни, по воспитанию и передаче ленинских традиций вновь влившимся массам молодых членов организации.

Что сделано комсомолом по разработке отдельных проблем и отдельных периодов истории комсомола? Очень мало. Но на основе той маленькой работы по собиранию и систематизации отдельных документов, которая все же проделана, мы имеем возможность начать научную разработку основных проблем истории комсомола.

Для осуществления этой задачи секция юношеского движения Института Ленина прежде всего намечает в своем трехлетнем перспективном плане подготовку трехтомника по истории ВЛКСМ.

Этот трехтомник должен в основном охватить:

1. *Революционное движение молодежи до Февральской революции 1917 г.* Этот

раздел предусматривает разработку следующих вопросов: а) экономическое положение рабочей и крестьянской молодежи при царизме; б) участие молодежи в революционном движении; в) партия и движение молодежи (решение II съезда РСДРП; г) ученическое движение; д) Февральская революция 1917 г.; е) начало массового юношеского движения; ж) партия и юношеское движение (дискуссия на Петербургской конференции 1917 г. и VI съезда партии).

II. *Юношеское движение в эпоху Октябрьской революции 1917 г. до I съезда союза рабочей молодежи 1918 года.* Этот период менее изучен и разработан, чем первый период.

В нем следует разработать следующие вопросы: а) молодежь перед Октябрем (экономическое положение рабочей молодежи; б) организация рабочей молодежи, участие ее в политической борьбе за власть советов и в формировании Красной гвардии; в) участие в октябрьских боях; г) значение Октябрьской революции для рабочей молодежи (положение рабочей молодежи в эпоху пролетарской диктатуры и задачи организации молодежи); д) подготовка к созыву I съезда союзов рабочей молодежи; е) I съезд РКСМ (программа и устав, взаимоотношения с партией, вопрос о названии).

III. *Комсомол в эпоху гражданской войны 1918—1920 гг.*

а) Комсомол и оборона пролетарской диктатуры (первая мобилизация комсомола на фронты гражданской войны); б) боевая организация тыла; в) экономическая организация тыла; г) рост комсомола; д) деятельность в области

труда и образования рабочей молодежи; е) внутриидейное оформление; ж) дискуссия по спорным вопросам юношеского движения; з) II съезд РКСМ; и) Союз и партия; к) комсомол и Ким.

IV. *Комсомол в период нэпа.* Этот период требует особенно серьезного изучения как период острого кризиса и ожесточенной борьбы по вопросам юндвижения внутри Союза. Здесь следует показать, как союз перестраивается в условиях мирной обстановки. План этого раздела, примерно, таков: а) комсомол к III съезду РКСМ; б) III съезд комсомола. Выступление т. Ленина на III съезде; в) введение нэпа и рабочая молодежь; г) работа союза в новых условиях. Борьба за рабочую молодежь; д) IV съезд комсомола.

V. *Комсомол в восстановительный период.* Этот период требует большой разработки и изучения «нового курса» в работе комсомола, который сводится к глубокой воспитательной работе как в самом комсомоле, так и в среде рабочего юношества и который в связи с этим потребовал перестройки союзной работы и наполнения ее марксистским содержанием. Здесь намечено осветить следующие вопросы: а) о работе комсомола в деревне; б) изучение проблем социального состава; в) партийное руководство; г) комсомол и партийные дискуссии; д) дискуссии 1923—1924 гг.; е) политическая роль комсомола и вопрос о нейтральности и равноправии (комсомол в борьбе с троцкизмом); ж) комсомольская дискуссия в 1924 г.; з) Союз и партия; и) VI съезд комсомола; к) Ленинский комсомол; л) Усиление работы в деревне («Поход в деревню»), 100% вовлечение в союз рабочей молодежи; м) борьба с оппозицией Каменева и Зиновьева от VII съезда к VIII.

VI. *Комсомол в первые годы реконструкции.* а) Комсомол—инициатор и проведение новых начинаний в городе и деревне; б) комсомол—активный участник соцстроительства; в) организация массового соцсоревнования; г) участие комсомола в выполнении пятилетки в четыре года; д) борьба за чистоту ленинской линии партии против правого

оппортунизма как главной опасности и против левых оппортунистов, питающих правый уклон.

Таков схематичный перечень тем и вопросов, который должен лечь в основу трехтомника по истории комсомола. Необходимо, чтобы в разрешении этой большой задачи приняли ближайшее участие тт., ранее работавшие в комсомоле. Секцией сейчас начато создание групп и детальная разработка плана.

Одновременно с изданием трехтомника намечено исследование и разработка наиболее важных вопросов, связанных с дискуссиями в комсомоле. Таковы вопросы, связанные с «украинской оппозицией», с «Дунаевщиной», с ленинградской оппозицией. Эти работы должны обратить внимание на идейную борьбу внутри комсомола, которая сводилась, с одной стороны, к борьбе с оппортунизмом, с другой—к преодолению анархо-синдикализма. В этих работах следует показать, как в борьбе с уклонами от правильной партийной линии все больше и больше увеличивалась большевистская закалка нашего комсомола.

В трехлетний перспективный план намечается включить издание монографии на следующие темы: а) комсомол в национальных республиках; б) Ленин о молодежи; в) издание специальных сборников по вопросам теории и истории юндвижения; г) издание библиографии литературы по вопросам юндвижения; д) переиздание материалов съездов и конференций ВЛКСМ и подготовка к изданию сборника по истории детского коммунистического движения.

План ставит перед областными комитетами и ЦК ВЛКСМ нацреспублик задачу изучения истории местных организаций комсомола. Вместе с институтами и истпартами они должны изыскать силы для осуществления этих задач. Для этого в институтах истории партии, в Тифлисе, Ташкенте, Минске и Харькове должны быть организованы секции юндвижения. Местные партийные и комсомольские организации должны уделить максимум внимания руководству этими секциями, выделяя для работы в них лучших товарищей и при-

влекая к работе секций преподавателей комвузов, студентов, историков.

Само собой разумеется, что работа секции юндвижения должна быть увя-

зана с текущими задачами партии и комсомола. Героическая история комсомола должна стать достоянием всей организации ВЛКСМ. Афонин

РАБОТА МЕСТНЫХ ИСПАРТОВ И ОТДЕЛЕНИЙ ЕДИНОГО ПАРТАРХИВА

О РАБОТЕ ОТДЕЛЕНИЙ ЕДИНОГО ПАРТАРХИВА в 1929/30 г.

При организации отделений Единого партархива в областях и национальных центрах на первых порах большие затруднения встретились в подборе кадров. Среди членов партии оказалось очень мало работников, знакомых с архивным делом. Все же в некоторых областях такие товарищи нашлись, и им было поручено руководство вновь созданными партархивами (Ленинград, Н.-Новгород, ЦЧО и др.). В других местах для заведывания архивами были выделены работники испартов (Украина, Сев. Кавказ, Крым, Иваново, Северная область, Киев, Татария, Башкирия), музеев революции (Белоруссия), парт-аппарата, и наконец часть работников архивов была даже привлечена из числа партийцев-педагогов. В большей своей части кадр работников партархивов состоит из активных участников гражданской войны и подпольщиков. Больше половины из них происходит из рабочих и крестьян. Таким образом можно считать, что основной кадр руководителей областных партархивов подобран.

Период организации областных партархивов сильно затянулся, так как некоторые местные испарты и обкомы не сумели своевременно обеспечить их работниками и помещением. Две трети всего числа заведующих партархивами были назначены лишь в первой четверти 1929/30 г. Особо невнимательное отношение к обеспечению партийных архивов помещениями проявили Украинский институт истории и обкомы ЦЧО и Западной области. В Сибири, несмотря на неоднократные обращения (и устные, и письменные) к зав. Сиб-испартом, а затем специально к крайкому, партархив так и не был организован вплоть до реорганизации и разделения Сибири на Восточную и За-

падную. Только после этого разделения партархив организован в Зап. Сибири.

В начале организации большинство партархивов находилось при обкомах, имея там одну-две комнаты и нередко помещаясь вместе с испартами, но это положение могло быть терпимо лишь до тех пор, пока не развернулась работа и не началось массовое поступление материалов с мест. Тогда встал вопрос о предоставлении партархивам специальных помещений. Некоторые архивы добились этого (Московский, Уральский, Крымский, Средневожский и др.), но с разворачиванием работы по концентрации архивных материалов в этих помещениях оказалось недостаточно. Отсутствие достаточной площади крайне тормозит работу и срывает выполнение директивы ЦК. Так дело обстоит в архивах: ЦЧО, Средневожском, Западном, Татарском, Казакском, Ивановском, Украинском. В некоторых областях уже практически поставлен вопрос о постройке специальных помещений для партархивов (Украина, Н.-Новгород, Иваново) площадью до 1000 и более кв. метров.

Концентрация партийных архивов по 1925 г. включительно происходит во всех областях; в большинстве областей концентрация не закончена. Не все полученные материалы разобраны. Инвентаризация в большинстве областей только что начинается.

По неполным данным, поступающим в Единый партархив, положение с концентрацией по отдельным областям представляется в следующем виде. В *Московском* партархиве получены материалы всех райкомов Москвы и 9 округов, за исключением Тульского; концентрация из низовой сети не закончена. В *Ленинградском* сконцентри-

ровано более 60 тыс. дел, не считая Ленинградского губкома ВКП(б) за 1918—1921 гг., Ленинградского губкома ВЛКСМ 1919—1927 гг., штаба Ленинградского ЧОМ, которые не разобраны. Концентрация продолжается. В *Белорусском* сконцентрировано 35 165 дел, в том числе дела ЦК КП(б)Б за 1918—1925 гг., Витебского, Могилевского, Бобруйского округов. Концентрация продолжается. В *Крымском*—концентрация в основном закончена, продолжается сбор материалов низовых организаций. В *Ивановском*—сконцентрировано и инвентаризировано более 12 тыс. дел бывшей Иваново-Вознесенской губ.; кроме того, ввиду недостатка места остаются временно на местах архивы в Ярославле и Владимире. Намечено к постройке специальное помещение. В *Нижевожском*—сконцентрировано свыше 14 тыс. дел в Саратове и больше того в Астрахани, Сталинграде и др. районах. Концентрация идет чрезвычайно медленно; заведующего партархивом фактически нет, так как он в течение 8 месяцев систематически мобилизуется крайкомом на разные работы в районах. Работы не ведется, никакой

связи с местами нет. Описи не составляются. В ЦЧО, одном из лучших партархивов, по сведениям на 12 мая с. г. сконцентрировано более 18 тыс. дел, в том числе архивы губкомов: Воронежского, Тамбовского, Курского и Орловского. Дальнейшая работа по концентрации затормозилась из-за отсутствия помещения.

Параллельно с концентрацией архивов проводится разборка их и инвентаризация фондов. Эта работа в большинстве областей находится в начальной стадии. Согласно поступившим частичным описям, в областных и национальных партархивах сконцентрированы фонды: центральных комитетов национальных компартий—Украины, Белоруссии, Туркмении, Узбекистана, Киргизии, Грузии, Армении, Азербайджана; Бюро ЦК ВКП(б); Дальбюро, Сев.-кавказское бюро, Юго-восточное бюро, Среднеазиатск. бюро, Туркбюро и 32 губкомов и крайкомов, в том числе Московского, Ленинградского, Харьковского и др. Концентрируются также материалы бывших уездных организаций, волкомов, ячеек и фабрично-заводских партколлективов.

Е. Попова

В НИЖНЕВОЛЖСКОМ КРАЕВОМ ОТДЕЛЕНИИ ЕДИНОГО ПАРТАРХИВА

Положение в партархиве, по сравнению с тем, что было в июне, несколько не улучшилось, несмотря на твердые обещания представителя крайкома, что будут приняты все меры к усилению руководства партархивом.

Концентрация идет из рук вон плохо. За это время прибыли небольшие архивы из ликвидированных округов: Хоперского, Пугачевского, Аткарского, в общем около 5 тыс. единиц хранения. Архивы бывших округов: Камышинского, Балашовского, Вольского, Сталинградского, Астраханского и Коммуны немцев Поволжья продолжают оставаться на местах. Связи с районами нет никакой, заведующий партархивом в течение 8 месяцев, с непродолжительными перерывами, находится в отъезде по мобилизации крайкома. Архивариус, заменяющий заведующего во

время его отсутствия, фактически работать не может, так как постоянно болеет. Технические работники партархива вместо того, чтобы разбирать поступившие архивы, сверять их по описям и составлять инвентарные описи—работают по заданию краевой контрольной комиссии над материалами чистки 1929/30 г.

Ввиду совершенно ненормального положения в партархиве и безучастного отношения к его работе со стороны истпарта пришлось обратиться в крайком с просьбой о принятии срочных мер к налаживанию деятельности партархива. Было решено вопрос о партархиве поставить на очередное заседание секретариата крайкома, который прежде всего должен разрешить вопрос о руководстве партархивом и обеспечить нормальный ход его работы. Е. П.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	Стр.
В. Адоратский. О значении работ Ленина для философии	3
А. Дубнер. Бакинский пролетариат в борьбе за власть (1918—1920 гг.)	19
А. Алексеева. Социально-экономические предпосылки «экономизма»	46

ВОСПОМИНАНИЯ

В. Смирнов. К истории большевистской печати в Финляндии (1917—1918 гг.)	64
М. Васильев-Южин. Октябрьская забастовка и студенчество	86

МАТЕРИАЛЫ

Протоколы 3-й Московской областной конференции РСДРП (б) 1917 года. Подготовлены к печати К. Касаткиным	94
---	----

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ВКП(б) И ЛЕНИНИЗМА

В. Адоратский. О задачах историко-партийного Института Красной профессуры при Институте Ленина	135
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: С. Рубан. От социал-центризма к социал-фашизму. (По поводу книги Л. О. Фроссара «От Жореса к Ленину»)	142
По журналам: М. Иванов. «Літопис Револуції» за 1929 г., №№ 1, 2, 3, 4 и 5—6	152
Рецензии: С. Рабинович. Из истории Московской рабочей Красной гвардии. Материалы и документы, собранные Г. Костомаровым и В. Малаховским, — Г. П. Записки секции по изучению проблем войны при Комкадемии. Том I, — А. Манфред. В. Мюнценберг, С. Либкнехт и Лениным. 15 лет в пролетарском юношеском движении	157
Новые книги	167

ХРОНИКА

В Институте Ленина: С. Афонин. О работе секции юндвижения	170
Работа местных испартов и отделений единого партархива; Е. Попова. О работе отделений единого партархива в 1929/30 гг. — Е. П. В Нижневолжском краевом отделении единого партархива	172

ЛІТОПИС РЕВОЛЮЦІЇ

ОРГАН ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ПАРТИИ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ НА УКРАИНЕ при ЦК КП(б)У (ИСТПАРТ)

№ 2.

I. СТАТТІ: Коган С. и Межберг Н.—Другий період радянської влади в Одесі 1919 р. Эрде Д.—Программа анархо-махиовщин. Лобахін В.—Лютий по селах Харківщини. Вікторів Є.—Південний „Кронштадт“. **II. ВОСПОМИНАНИЯ.** Антонов-Овсєєнко.—В боротьбі проти Директорії. Сапожников Г.—Зхарківського підпілля в 1918 р. Дибенко П.—Харків-Дніпропетровське. Лантух—Червоні пративани в денікінському зашлілі 1919 р. Мирошніченко В.—Харків-Дін-Царидин. Лаворський В.—З повстайського руху на Подтавщині 1918 р. Пахомов А. Г.—Перший Криворізький комуністичний полк. **III. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ.** Баранник С.—Проблема повстанства проти гетьманщини та австронімецької окупації в „Коммунисте“ 1918 р. **IV. МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ.** Дискусія в приводу схеми історії України М. Яворського (Тези. Промови М. Яворського, тези т. Карпенка, промови тт. Шпунта, Сухино-Хоменка, Гуревича, Дєєняка, Рубача. **V. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.** РЕЦЕНЗИИ. Степовой.—„Філософські зошити“ Леніна (Лєнінський) збірник, т. XII). Стефанішин — „Н. Л. Сергієвський. Партия русских социал-демократов“. Група Благоєва. Рохкин Г.—Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Книга IV. Кофф Г.—Одєська періодичина прєса років революції та громадянської війни. 1917—1921 р-р. **По журналам.** Рохкин Г.—„Летописи Марксизма“, кн. IX, X. Новые книги. **VI. ХРОНИКА.** Громицкий А.—Завдання, робота та перспективи єдиного партархіву КП(б)У. Крымская.—Бібліотека Ін-ту історії партії. Орлинская К.—Робота відділу місцевих істпартів до 25-ти річного ювілею революції 1905 р. До окружкомів. **ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.** Письмо тов. Дєєняка В.

№ 3—4.

ДО Сорокової річниці науково-громадської діяльності Д. Б. РЯЗАНОВА I. СТАТТІ Шлоєберг Д.—Перший Всеукраїнський з'їзд профспілок. Алєшин Г.—Остані гетьманщини на Миколаївщині. Перельман М.—Катеринославська с-д. організація в демонстраціях 1901—1902 рр. **II. ВОСПОМИНАНИЯ.** Антонов-Овсєєнко—В боротьбі проти Директорії. Бредис Е.—Партійне підпілля в Одесі за денікінщини. Миронов Е.—З. підпілля за Центральної Ради та гетьманщини. **III. ТРИБУНА.** Марк Ан.—Під маскою більшовизму. **IV. МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ.** Дискусія в приводу схеми історії України М. Яворського промови тт. Гєхмана, Мебєля, Фріда Д., Рєдіна, Карпенка, Карєтнікової та Воїна). **V. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.** Критичєскє статті. Фріда Д.—Про деякі питання з історії КП(б)У та Жовтєвої революції (З приводу „освітєлення цих питань в історичних працях тов. В. Сухино-Хоменка). **Рецензии.** Рубач М.—Треба дійсно виправити. (Про брошуру Анд. Річницького „Центральна Рада“). Терєзанская Г.—Борьба за Октябрь на Артемовщинє. Сборник воспоминаний и статей. Иргизов А.—1917 год в деревни. Сборник воспоминаний крестьян. Кофф Г.—Русанов. В эмиграции. К. Г.—Орловский каторжный централ. Сборник воспоминаний бывших орловских каторжан (1908—1917 гг.). **По журналам.** Рохкин Г.—„Летописи Марксизма“, кн. I (XI). **Новые книги.** **VI. Пахомов А.**—Памяти старого большевика В. А. Валяка. Обійник ЦК КП(б)У про аспірантуру Інституту історії партії та Жовтєвої революції на Україні при ЦК КП(б)У. До всіх окружних комісій для проведення святкування 25-річного ювілею 1905 року. **Письма в редакцию.** Письмо Свидвинского М. Ответ редакции.

Адрес—редакции: Харьков, ЦК КП(б)У, ул. Либкнехта, № 64.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год (6 книжек)—5 р., на 6 мес. (3 книжки)—2 р. 75 к., отдельный номер—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: сектором периодических изданий Госиздата Украины—Харьков, Сергиевская пл.

ОГИЗ КНИГОЦЕНТР

Институт Ленина при ЦК ВКП(б)

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XV

Под редакцией В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева.

СОДЕРЖАНИЕ: Из эпохи раскола РСДРП 1903 — 1904 гг. (окончание серии документов, опубликованных в «Ленинских сборниках» VI, VII, X и XI). Предисловие. Глава шестая. Б. Агитация по комитетам за съезд. Борьба внутри ЦК между „примиренцами“ и ленинским крылом за преобладание в ЦК. Февраль—июль 1904 г. Глава седьмая. „Примиренческий“ переворот в ЦК и „Июльская“ декларация ЦК. Конференция 22 сторонников партийного большинства. Конфликт Ленина с „примиренческим“ большинством ЦК. Июль — сентябрь 1904 г. Глава восьмая. Создание организации большинства. Начало широкой открытой борьбы за созыв III съезда. Подготовка издания органа большинства „Вперед“. Сентябрь — декабрь 1904 г. Varia. Дополнения к серии документов „Из эпохи раскола РСДРП“, 1903—1904 гг. Иллюстрации. Стр. 334. Цена 2 р. 50 к., переплет 70 к.

Вышел из печати и рассылается в качестве приложения
годовым подписчикам

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ и АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

к журналу „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“
за 1921—1929 гг.

Содержание. Предисловие. Часть первая. 1. Систематический указатель. I. Ленин и ленинизм. II. История ВКП(б). III. История революционного движения и классовой борьбы в России. IV. Международное революционное движение и история Коминтерна. V. Биография революционеров. VI. Институт Ленина и истпарты. VII. Письма в редакцию. VIII. Разное. 2. Указатель прорецензированных книг и журналов. Часть первая. Алфавитный указатель авторов статей, воспоминаний, обзоров и рецензий.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: периодсектором Госиздата РСФСР
Москва, центр, Ильинка, 3, отделениями, конторами и магазинами Госиздата.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(Б)

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ЛЕНИН ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

(в шести томах)

Под общей редакцией: В. В. Адоратского, А. И. Крицкого, М. Н. Покровского, К. А. Попова, Н. Н. Попова, М. А. Савельева и Е. Ярославского.

Том III — 1914—1917.

От редакции.

Раздел первый. Империализм и империалистическая война.

I. Империализм: Империализм, как высшая стадия капитализма. Популярный очерк. **II. Война, революционный кризис и тактика партии:** Война и российская социал-демократия. Конференция зарубежных секций РСДРП. О лозунге Соединенных Штатов Европы. О поражении своего правительства в империалистической войне. Поражение России и революционный кризис. Несколько тезисов. О двух линиях революции. **III. Крах II Интернационала и борьба за III Интернационал:** Крах II Интернационала. О борьбе с социал-шовинизмом. Революционные марксисты на международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 года. Предложение ЦК РСДРП 2 социалистической конференции. Интернационал молодежи. Падифизм буржуазный и пацифизм социалистический. **IV. Империализм и право наций на самоопределение:** Социалистическая революция и право наций на самоопределение. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Итоги дискуссии о самоопределении. Речь по национальному вопросу на Всероссийской апрельской конференции РСДРП 12 мая (29 апреля) 1917 года.

Раздел второй. От революции буржуазной к революции пролетарской.

I. Февральская революция и ее перспективы: Письма издалека. Прощальное письмо к швейцарским рабочим. О задачах пролетариата в данной революции. О двоевластии. Письма о тактике. Задачи пролетариата в нашей революции—проект платформы пролетарской партии. Политические партии в России и задачи пролетариата. Доклад о текущем моменте на Всероссийской апрельской конференции РСДРП 7 мая (24 апреля) 1917 года. **II. Внутривнутрипартийные вопросы:** Материалы по пересмотру партийной программы. К вопросу об объединении интернационалистов. **III. Пролетариат и партия на путях к Октябрю:** Уроки кризиса. Кризис власти. Накануне. Классовое сотрудничество с капиталом или классовая борьба против капитала? Грозит разруха. Неминуемая катастрофа и безмерные обещания. Речь о войне на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 22 (9) июня 1917 года. Восемнадцатое июня. К лозунгам. О конституционных иллюзиях. Уроки революции. В Центральном Комитете РСДРП. О компромиссах. Большевики должны взять власть. Марксизм и восстание. Кризис назрел. Из дневника публициста—ошибки нашей партии. Задачи революции. Удержат ли большевики государственную власть? Письмо к товарищам большевикам, участвующим на Областном съезде Советов Северной области. Резолюция, принятая ЦК РСДРП(б) 23 (10 октября) 1917 года. Письмо к товарищам. Письмо к членам партии большевиков. Письмо в Центральный Комитет РСДРП. Письмо членам Центрального Комитета. **IV. Партия и крестьянство на путях к Октябрю:** Доклад по аграрному вопросу на Всероссийской апрельской конференции РСДРП 11 мая (23 апреля) 1917 года. Резолюция по аграрному вопросу, принятая Всероссийской апрельской конференцией партии. Проект резолюции по аграрному вопросу, предложенный на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов. Речь по аграрному вопросу 4 июня (22 мая) 1917 года на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов. О необходимости основать союз сельских рабочих России. Как и почему крестьян обманули? Крестьяне и рабочие. Подсказки к книге: «Аграрная программа социалдемократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Новый обман крестьян партией эсеров». **V. Октябрьская революция и ее значение:** Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 7—8 ноября (25—26 октября) 1917 года. Проект положения о рабочем контроле. От Центрального комитета российской социалдемократической рабочей партии (большевиков)—товарищам Каменеву, Зиновьеву, Рызанову и Ларину. От Центрального Комитета российской социалдемократической рабочей партии (большевиков). Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России. К населению. Речь по аграрному вопросу 27 (14) ноября 1917 года на чрезвычайном съезде Советов крестьянских депутатов. Проект резолюции, предложенный чрезвычайному съезду Советов крестьянских депутатов. Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами. Речь на II Всероссийском съезде крестьянских депутатов 15 (2) декабря 1917 года. Проект познания II Всероссийского съезда крестьянских депутатов к крестьянству. Речь по вопросу об Учредительном собрании и арестах членов кадетской партии на заседании ВЦИК 14 (1) декабря 1917 года. Записка Ф. Э. Дзержинскому. Проект декрета о социализации народного хозяйства. Проект декрета о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах. Проект декрета о потребительских коммунах. Тезисы об Учредительном собрании. Проект декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Речь о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК 19 (6) января 1918 года. Проект декрета о роспуске Учредительного собрания. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. Речь о годовщине революции, произнесенная на VI Чрезвычайном съезде Советов 6 ноября 1918 года. К четырехлетней годовщине революции. О нашей революции. По поводу записок Н. Суханова. Примечания. Стр. VII+760, тир. 200 000 экз.

Г. КРАМОЛЬНИКОВ III СЪЕЗД РСДРП

СОДЕРЖАНИЕ: Третий съезд РСДРП. К 25-летию III съезда партии **I. Борьба на съезде** **II. На съезде.** а) Вооруженное восстание и Временное революционное правительство. б) Отношение к тактике правительства накануне и в момент переворота и открытое выступление социал-демократии. в) Об отношении к крестьянскому движению. г) Отношение к с.-р. и либералам. д) Об отколовшейся части партии. е) Вопрос об единичности. ж) Об отношении между рабочими и интеллигентами в с.-д. организациях. **III. О работе Ленина на съезде.** **IV. Заключение.** Иллюстрация. Стр. 80. Цена 12 коп.

ОГИЗ—КНИГОЦЕНТР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ИНСТИТУТА ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б).

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: В. В. АДОРАТСКОГО, Д. А. БАЕВСКОГО
П. О. ГОРИНА (ЗАМ. ОТВ. РЕД.), М. С. ОЛЬМИНСКОГО
■ ■ ■ М. А. САВЕЛЬЕВА (ОТВ. РЕДАКТОРА) ■ ■ ■

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» посвящен изучению ленинизма, истории ВКП(б) и Октябрьской революции, истории революционного движения в России, гражданской войны и борьбе с контрреволюцией, а также истории Коминтерна, деятельности зарубежных коммунистических партий и международного рабочего движения. Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей и воспоминаний. Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» публикует также архивные документы, относящиеся к деятельности В. И. Ленина и истории большевистских партий и организаций.

10-й ГОД ИЗДАНИЯ

12 НОМЕРОВ В ГОД

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- 1) СТАТЬИ, 2) ВОСПОМИНАНИЯ, 3) МАТЕРИАЛЫ, 4) ТРИБУНА, 5) ДОКЛАДЫ
В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА, 6) КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ, 7) ХРОНИКА.

И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ ПРИВЛЕЧЕНЫ ЛУЧШИЕ ПАРТИЙНЫЕ И НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ», являясь органом научной, партийно-исторической мысли и изучая вопросы истории ВКП(б) в марксистско-ленинском понимании, кроме специалистов-историков, рассчитан также на широкие кадры партийных пропагандистов, научных работников и педагогов, слушат. вузов и комвузов и т. д.

ИЗ ОТЗЫВОВ ПРЕССЫ О ЖУРНАЛЕ «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ».

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» выполняет весьма полезную работу подготовки материалов по истории революционного движения в России, истории ВКП(б) и Октябрьской революции... Правильный курс на повышение уровня научной обработки даваемого материала, на более строгий его подбор завоевывает «ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» видное место среди существующих научных марксистских журналов.

Журнал заслуживает большого распространения и использования, в частности в наших партийных учебных заведениях, для которых он является серьезным пособием при прохождении курсов истории партии и ленинизма. «Книга и Революция» № 1, 1929 г., стр. 44—45.

... С тех пор из «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» стала органом Института Ленина при ЦК ВКП(б) центр тяжести внимания редакции журнала все более и более переносится на материалы, связанные с деятельностью и именем В. И. Ленина. Это придает выдающийся интерес почти каждой странице журнала. «История-марксист», том 12, 1929 г., стр. 262.

Цена на год—12 р., на 6 мес.—8 р., на 3 мес.—3 р.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА—1 руб. 50 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, Институт Ленина, Советская площадь. Телефоны: городской—1-42-60, коммутатор 18-5-1.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором Книгоцентра ОГИЗ'а Москва, центр, Ильинка 3, в отделениях, филиалах и конторах Книгоцентра ОГИЗ'а у уполномоченных, снабженных удостоверениями. Во всех почтово-телеграфных конторах и у писмоносцев. По Москве подписку надлежит направлять—МОГИЗ, Москва, Неглинный пр., 9.